

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 2 (84) 2026

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

**Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России. 2026. № 2 (84). Калининград:
Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2026. 166 с.**

*Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования
- Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:*
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале,
требованиях к статьям
и порядке представления
их для опубликования
доступна на сайте журнала
(переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена
в сети Интернет по адресу: [https://klif.univer.mvd.ru/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)
([https://калининградский.университет.мвд.рф/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.
Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.С. КОСТЕНКО, В.И. ТРЕТЬЯКОВ

Феномен культуры процессуального компромисса
в уголовном судопроизводстве: значение и границы допустимого..... 9

А.В. МИЛИКОВА

Уголовно-процессуальные акты прокурора:
правовая природа и роль в механизме правового регулирования 16

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.П. АЛЕКСЕЕВА, Н.Н. БУТЕРА

Личность преступника как предмет
исследования уголовно-правовых наук..... 23

С.В. ПОПОВ, Д.В. КАЙРГАЛИЕВ

Правомерный вред при оперативном внедрении:
от межотраслевой коллизии к законодательному решению 30

Д.Г. ШАШИН

Типология контроля в системе гарантий обеспечения
законности оперативно-разыскной деятельности..... 37

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.Ю. ТАРАСОВА, М.А. БУТЕРА

Противодействие цифровой преступности:
три вектора законодательных инициатив..... 43

В.Ю. ЖАНДРОВ

Правовое и организационное обеспечение
реализации цифрового оперативного поиска..... 50

И.А. ГОРКОВЕНКО

Теоретико-прикладные аспекты осуществления оперативно-
разыскной деятельности в отношении несовершеннолетних 57

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.И. МЕЛИХОВ, Ю.В. КАПИТАНЕЦ

«Война полов» как информационная угроза
для самосохранения и самовоспроизводства
многонационального народа Российской Федерации..... 65

И.К. ВОЛКОВ

Правовое регулирование противодействия
распространению инвазивных видов организмов:
российское законодательство и зарубежный опыт 72

К.Ю. ГОГЛЕВА

Публично-правое обеспечение
муниципально-конфессионального партнерства 81

Ю.В. КОНТЕМИРОВА, А.В. СЛЕСАРЕВ

Российская миграционная политика
на этапе системной перестройки 89

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Т.В. АНИСИМОВА

Геймификация в обучении: границы и способы использования..... 96

Е.В. УЛЬЯНОВСКАЯ, С.Л. НИКОНОВИЧ

Современные требования к преподаванию
исторических дисциплин в юридических вузах 105

Содержание

Н.В. ХОДЯКОВА

- Особенности проектирования личностно-развивающих образовательных сред в вузах МВД России 112

А.В. ПОЛЯКОВ

- Комбинированное занятие как способ повышения эффективности обучения по дисциплинам оперативно-разыскного цикла 117

В.В. ШАЛАМОВ

- Непрерывное образование в современных условиях: теоретико-методологический анализ и перспективы развития 124

В.А. ГЛУБОКИЙ

- Сборник нормативов по профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел как результат научно-педагогического исследования 131

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

К.А. БЕЛОКОНЕВА, Е.С. БЕЛОУС

- Обучение иностранных слушателей, имеющих трудности в овладении навыком чтения 137

Е.В. КОВШИКОВА, Е.Г. ГИМПЕЛЬСОН

- Витагенный опыт обучающихся в контексте практико-ориентированного подхода к формированию коммуникативной компетенции 143

С.А. ЧУБАЙ

- Дискуссия как метод обучения студентов гуманитарных специальностей 151

УГОЛОК РЕЦЕНЗЕНТА

О.Б. ДРОНОВА

- Отзыв официального оппонента на диссертацию Сельджан Заур кызы Шихалиевой «Судебные экспертизы объектов в цифровой форме: прогнозирование и профилактика экспертных ошибок» 159

Contents

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

- Natalya KOSTENKO, Vladimir TRETYAKOV*
The phenomenon of procedural compromise culture
in criminal proceedings: meaning and limits of acceptability 9
- Anna MILIKOVA*
Criminal procedural acts of the prosecutor: legal
nature and role in the mechanism of legal regulation 16

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

- Anna ALEKSEEVA, Natalia BUGERA*
The personality of a criminal as a subject
of research in criminal law sciences 23
- Sergey POPOV, Daniyar KAIRGALIEV*
Legitimate harm during operational implementation:
from intersectoral conflict to legislative solution 30
- Daniil SHASHIN*
Typology of control in the system of guarantees for ensuring
the legality of operational investigative activities 37

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

- Maria TARASOVA, Mikhail BUGERA*
Countering digital crime: three vectors of legislative initiatives 43
- Vladimir ZHANDROV*
Legal and organizational support for the
implementation of digital operational search 50
- Igor GORKOVENKO*
Theoretical and applied aspects of operational
investigative activities against minors 57

STATE. SOCIETY. LAW

- Alexander MELIKHOV, Yulia KAPITANETS*
The «gender war» as an information threat
to the self-preservation and self-reproduction
of the multinational people of the Russian Federation 65
- Igor VOLKOV*
Legal regulation of counteracting the spread of invasive
species of organisms: Russian legislation and foreign experience 72
- Ksenia GOGLEVA*
Public-legal support for municipal-confessional partnership 81
- Yulia KONTEMIROVA, Alexander SLESAREV*
Russian migration policy at the stage of systemic restructuring 89

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

- Tatyana ANISIMOVA*
Gamification in learning: boundaries and ways to use it 96
- Elena ULYANOVSKAYA, Sergey NIKONOVICH*
Modern requirements for teaching historical disciplines in law schools 105
- Nataliya KHODYAKOVA*
Features of designing personality-developing
educational environments in educational
institutions of the Ministry of the Interior of Russia 112
- Alexey POLYAKOV*
Combined learning as a way to improve the effectiveness
of training in the operational investigative cycle 117

Contents

Vyacheslav SHALAMOV

- Continuing education in contemporary
conditions: theoretical and methodological
analysis and prospects for development 124

Vladimir GLUBOKIY

- Collection of standards for professional service
and physical training of employees of internal affairs
agencies as a result of scientific and pedagogical research..... 131

EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS

Ksenia BELOKONEVA, Elena BELOUS

- Teaching foreign students who have
difficulty mastering reading skills 137

Elena KOVSHIKOVA, Elena GIMPELSON

- Vitagenic experience of students in the context
of a practice-oriented approach to the formation
of communicative competence 143

Svetlana CHUBAI

- Discussion as a method of teaching humanities students..... 151

REVIEWER CORNER

Olga DRONOVA

- Official opponent's review
of Seljan Zaur kyzy Shikhaliyeva's dissertation
«Forensic examinations of digital objects:
forecasting and preventing expert errors» 159

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Наталья Сергеевна КОСТЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент
Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)
начальник адъюнктуры
nkostenko10@mvd.ru

Владимир Иванович ТРЕТЬЯКОВ,
доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)
профессор кафедры конституционного и административного
права юридического факультета
Заслуженный юрист Российской Федерации
Tretyfkov1717@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.131

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОМПРОМИССА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗНАЧЕНИЕ И ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Процессуальный компромисс,
пределы компромисса, уголовная политика, рационализация
судопроизводства, диспозитивность, восстановительное правосудие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В рамках проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, рассматривалась эволюция процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве – от тактического приема изобличения виновного до системного элемента стратегии противодействия преступности. Целью работы было обоснование необходимости формирования культуры процессуального компромисса как единства ценностных ориентиров, процедурных форм, пределов и гарантий. **Методы.** Исследование основано на общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридических (формально-догматический, сравнительно-правовой) методах. **Результаты.** Проанализированы научные позиции по вопросам компромиссных процедур, практика их применения, а также риски деформации компромисса в условиях обвинительного уклона и процессуального формализма. Выявлены ключевые аспекты значения компромисса: системообразующий, процессуально-экономический, правозащитный, криминологический, криминалистический и ценностно-балансирующий. Определены материально-правовые и процессуальные пределы компромисса, а также условия его легитимности: добровольность, прозрачность, состязательность, сохранение публичного интереса по тяжким и особо тяжким преступлениям. Сделан вывод о том, что внедрение компромиссных процедур требует сбалансированного подхода, исключающего подмену публичного начала частным интересом. Границы допустимого компромисса определяются не только категорией преступления, но и наличием реально потерпевшего, характером и размером причиненного вреда. Показано, что формирование культуры процессуального компромисса предполагает внедрение дополнительных процессуальных гарантий: обязательного участия защитника, фиксации позиции потерпевшего и мотивированного судебного контроля.

ВВЕДЕНИЕ

Современная модель противодействия преступности значительно эволюционировала от исключительно репрессивного подхода, сосредоточенного на неотвратимости ответственности виновных лиц, к комплексной, многоуровневой системе, где наряду с карательными элементами ключевое значение приобретают рационализация судопроизводства, восстановление социальной справедливости и экономия государственных ресурсов. В этом контексте процессуальный компромисс перестает рассматриваться как тактическая уступка: он превращается в институциональный инструмент разрешения уголовно-правовых конфликтов, позволяющий достичь процессуальной эффективности при сохранении публичных начал с наименьшими издержками, а нередко и с более высоким уровнем удовлетворенности их участников и общества в целом.

Целью проведенного нами исследования стало теоретическое осмысление феномена культуры процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве. Представлялось важным выявить его системное значение (в ракурсе системообразующего, процессуально-экономического, правозащитного, криминологического, криминалистического и ценностно-балансирующего аспектов). Вместе с тем необходимо было установить материально-правовые и процессуальные пределы допустимого компромисса для формирования легитимных и эффективных механизмов его применения, исключающих деформацию в условиях обвинительного уклона уголовного судопроизводства и процессуального формализма.

МЕТОДЫ

Проведение исследования основывалось на сочетании общенаучных и специально-юридических методов. При изучении научных позиций по вопросам процессуального компромисса, норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (гл.гл. 40, 40.1, ст.ст. 25, 25.1, 28 и др.), а также правоприменительной практики оказался востребован метод анализа. Он позволил выявить многообразие подходов к пониманию компромисса, его форм и проблем реализации. Синтез использован для обобщения выделенных аспектов значения компромисса (системообразующего, процессуально-экономического, правозащитного, криминологического, криминалистического, ценностно-балансирующего) в единую теоретическую конструкцию, отражающую его роль в уголовном судопроизводстве. Системный подход был применен для рассмотрения процессуального компромисса не как изолированного тактического приема, а как элемента стратегии противодействия преступности и правовой культуры. Благодаря этому удалось зафиксировать взаимосвязи между компромиссными процедурами, принципами уголовного процесса (публичностью, состязательностью, добровольностью) и институциональными барьерами (обвинительным уклоном, формализмом). Формально-догматический метод обеспечил возможность формулирования юридически точной характеристики материально-правовых и процессуальных пределов компро-

мисса, условий его легитимности (добровольность, прозрачность, состязательность). Он способствовал также обоснованию предложений по совершенствованию законодательства, включая инициативу по введению в УПК РФ новой главы – «Компромиссные процедуры». Сравнительно-правовой метод (хотя явных отсылок к зарубежному опыту сделано немного) проявился в контекстуальном сопоставлении российского подхода с мировыми тенденциями гуманизации уголовной политики и перехода от карательной модели к восстановительному правосудию, что позволило аргументировать соответствие предлагаемых решений современным стандартам защиты прав человека. Кроме того, для эмпирической верификации теоретических выводов было проведено полуструктурированное интервью с 10 судьями. Его итоги помогли определить доминирующие факторы принятия решений о допустимости компромисса (наличие постоянного места жительства, способность возместить ущерб).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Понимание значения и сущности процессуального компромисса как элемента стратегии борьбы с преступностью позволяет воспринимать его не только как тактический инструмент судопроизводства, с помощью которого изобличается виновный с целью его наказания. Процессуальный компромисс, рассматриваемый как основанное на законе взаимное согласование воли и действий участников уголовного процесса для достижения взаимоприемлемого результата, вносит в эту борьбу рациональное начало и является отражением эволюции уголовной политики государства [1]. Он предусматривает оптимизацию всего процесса уголовного преследования, что становится особенно важным в условиях очевидной перегрузки правоохранительных органов и судебной системы [2]. Как справедливо отмечает Ю.В. Кувалдина, именно «компромиссные процедуры отражают стремление к повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности» и «являются способом рационализации процесса достижения цели и задач уголовно-процессуальной деятельности, поскольку одни из них исключают необходимость целого ряда этапов уголовного судопроизводства, другие – значительно их упрощают» [3, с. 5].

Однако неосмысленное и фрагментарное применение участниками уголовного процесса процедур, в основе которых лежит компромисс, без опоры на фундаментальные философско-правовые постулаты и должного учета дифференциации уголовных дел может создать угрозу ослабления публичных начал уголовного процесса и нарушения его основополагающих принципов, прежде всего справедливости и состязательности [4]. В связи с этим правоприменителю важно иметь четкое теоретически обоснованное и нормативно закрепленное представление о пределах допустимого процессуального компромисса [5]. И здесь следует ориентироваться на следующие критерии: категория и тяжесть преступления, данные о личности виновного, позиция потерпевшего (особенно при частно-публичном обвинении) и публичный ин-

Natalya S. KOSTENKO,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnodar, Russia)
Head of Postgraduate Studies Department
nkostenko10@mvd.ru

Vladimir I. TRETYAKOV,
Doctor of Law, Professor
Kuban State University (Krasnodar, Russia)
Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Faculty of Law
Honored Lawyer of the Russian Federation
Tretiykov1717@yandex.ru

THE PHENOMENON OF PROCEDURAL COMPROMISE CULTURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MEANING AND LIMITS OF ACCEPTABILITY

KEYWORDS. Procedural compromise, limits of compromise, criminal policy, rationalization of legal proceedings, dispositivity, restorative justice.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in this article, examined the evolution of procedural compromise in criminal proceedings - from a tactical device for exposing the perpetrator to a systemic element of the strategy for combating crime. The aim of the work was to substantiate the need to develop a culture of procedural compromise as a unity of value guidelines, procedural forms, limits and guarantees. *Methods.* The study is based on general scientific (analysis, synthesis, systems approach) and specialized legal (formal-dogmatic, comparative-legal) methods. *Results.* The article analyzes scientific positions on issues of compromise procedures, the practice of their application, as well as the risks of deformation of compromise in the context of an accusatory bias and procedural formalism. Key aspects of the significance of compromise are identified: system-forming, procedural-economic, human rights, criminological, forensic and value-balancing. The substantive and procedural limits of compromise are defined, as well as the conditions for its legitimacy: voluntariness, transparency, adversarial proceedings, and the preservation of the public interest in serious and especially serious crimes. It is concluded that the implementation of compromise procedures requires a balanced approach that excludes the substitution of private interests for public interest. The boundaries of permissible compromise are determined not only by the category of crime but also by the presence of a genuine victim and the nature and extent of the harm caused. It is shown that developing a culture of procedural compromise requires the introduction of additional procedural guarantees: mandatory participation of defense counsel, recording of the victim's position, and reasoned judicial review.

терес. В противном случае существует опасность трансформации компромисса из легитимного инструмента оптимизации в механизм уклонения от ответственности (при слабом доказательственном фундаменте) либо – в условиях обвинительного уклона – в средство давления на невиновных с целью искусственного упрощения расследования. Данные факторы обуславливают необходимость глубокого теоретического осмысления и точного законодательного оформления феномена культуры процессуального компромисса как системы ценностных ориентиров, процедурных форм, пределов и гарантий, обеспечивающих его легитимное и эффективное применение.

Вопросам, касающимся теории процессуального компромисса и его применения в уголовном судопроизводстве, всегда уделялось особое внимание со стороны научного сообщества. В работах таких правоведов, как Г.В. Абшилава, И.С. Дикарев, В.М. Быков, Ю.В. Лебедева, Н.А. Колоколов, Ю.В. Кувалдина, А.В. Смирнов, и ряда других ученых отражены различные аспекты этой сложной и многогранной проблемы. Ими проанализированы исторические предпосылки применения, теоретическая основа, формы и виды процессуального компромисса, а также практические аспекты использования данного инструмента в различных правовых системах. Несмотря на значительный

объем исследований, недостаточно изученным, на наш взгляд, остается культурный аспект.

Речь идет о формировании феномена культуры процессуального компромисса, который в данном случае следует воспринимать не только как юридическую технику, но и как элемент правовой культуры, отражающий отношение общества и государства к способам разрешения уголовно-правовых конфликтов. Культурой процессуального компромисса охватываются:

- а) усвоенные профессиональным сообществом ценностные установки на диалог и соразмерность;
- б) процедурные формы, гарантирующие добровольность и информированность участников;
- в) нормативно определенные пределы, не допускающие подмены публичного интереса.

Развитие данного феномена следует рассматривать как часть более общего процесса гуманизации уголовной политики и перехода от карательной модели правосудия к восстановительной. М.А. Ефремова, Г.В. Абшилава и П.С. Пастухов обоснованно подчеркивают, что «для реализации этого механизма важно изменить отношение к диспозитивности, дискреционному преследованию, восстановительному правосудию, а следовательно, к правопониманию на более рациональное разрешение уголовно-правовых конфликтов. Помешать этому могут только статистика, показа-

тели деятельности, ведомственная отчетность» [6, с. 117].

Значение культуры процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве весьма многогранно. На основе итогов анализа правоприменительной практики и научной литературы всё разнообразие функций процессуального компромисса сведено нами к шести ключевым аспектам:

1. Системообразующий (стратегический)

аспект. Институт процессуального компромисса способствует повышению эффективности борьбы с преступностью в целом [7]. Путем согласования позиций сторон и достижения взаимоприемлемого результата возможно не только быстро и эффективно разрешать конкретные уголовные дела, но и формировать культуру диалога и сотрудничества между участниками уголовного процесса, создавая, по мнению А.Г. Маркелова, «благоприятную обстановку взаимности и понимания» [8, с. 52]. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия граждан к правоохранительным органам и повышению уровня правосознания в обществе.

2. Процессуально-экономический аспект. Процессуальный компромисс, реализуемый в формах особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и прекращения дела по нереабилитирующим основаниям (ст.ст. 25, 25.1, 28-28.2 УПК РФ), объективно снижает процессуальную нагрузку на судебную систему [9]. Кроме того, удастся избежать длительных судебных процессов, требующих значительных затрат временных и правоохранительных ресурсов. В итоге это позволяет концентрировать усилия должностных лиц следственных органов и суда на многоэпизодных уголовных делах, более сложных и резонансных преступлениях, привлекающих особый интерес общественности.

3. Правозащитный аспект. Реализация процессуального компромисса является важным инструментом защиты прав и законных интересов как потерпевшего, так и обвиняемого (подозреваемого), расширяя их диспозитивные права [10]. Для потерпевшего он может стать способом более быстрого восстановления нарушенных прав, возмещения причиненного преступлением ущерба и достижения справедливости. Для обвиняемого, в зависимости от избранной формы компромисса (гл.гл. 40, 40.1, ст.ст. 25, 25.1 УПК РФ), открывается возможность не только смягчения наказания (ч. 5 ст. 62, ст. 62 УК РФ), но и изменения либо отмены меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 110 УПК РФ) при условии выполнения принятых на себя обязательств [11].

4. Криминологический аспект. Процессуальный компромисс способствует разрешению уголовно-правового конфликта, снижая уровень криминализации общества и минимизируя возможность рецидива, особенно по делам частного и частного-публичного обвинения [12].

5. Криминалистический аспект. Значение процессуального компромисса проявляется в формировании бесконфликтной ситуации взаимодействия обвиняемого (подозреваемого) со следствием. Осознание возможности смягчения наказания

или прекращения уголовного преследования побуждает лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, к даче правдивых показаний, предоставлению информации о соучастниках и орудиях преступления, а также к активному участию в следственных действиях, что способствует раскрытию преступлений и установлению всех обстоятельств совершенного деяния.

6. Ценностно-балансирующий аспект. На наш взгляд, это наиболее дискуссионный аспект. Вопреки распространенному мнению [13, с. 5], процессуальный компромисс не автоматически ведет к справедливости [14]. Напротив, в делах о преступлениях средней тяжести с несколькими потерпевшими, часть из которых не желает компромисса, суды нередко оказываются перед неразрешимым противоречием между процессуальной экономией и индивидуальной справедливостью. Полагаем, что выход из затруднительной ситуации следует искать в дифференцированном учете мнения каждого потерпевшего, чего в действующем УПК РФ прямо не предусмотрено.

Наряду с признанием значимости процессуального компромисса важно обеспечивать гарантии соблюдения публичных интересов в борьбе с преступностью. Применение компромиссных процедур не должно приводить к уклонению от ответственности лиц, совершивших преступления, которые представляют серьезную угрозу для общества. В связи с этим установление строгих критериев и механизмов контроля за применением компромиссных процедур является необходимым условием для обеспечения справедливости и защиты интересов общества. Необходимо закрепить в законодательстве перечень преступлений, в отношении которых компромиссные процедуры недопустимы, а также разработать правовые процедуры, гарантирующие прозрачность и обоснованность решений о применении компромисса. Представляется очевидным, что без определения четких пределов культура процессуального компромисса может деформироваться, превратившись в средство манипулирования и избежания уголовной ответственности.

Для обеспечения легитимности применения компромиссных процедур требуется установление пределов двух видов: материально-правовых и процессуальных. Первые предопределяются прежде всего характером и тяжестью преступления. Ограничения в данном случае связаны с совершением тяжких и особо тяжких преступлений, когда общественная опасность деяния настолько велика, что достижение компромисса может подорвать доверие к правосудию и создать ощущение безнаказанности. Речь идет, например, о преступлениях против жизни (ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство при отягчающих обстоятельствах), против основ конституционного строя (ст.ст. 275, 276 УК РФ – государственная измена, шпионаж), о террористических актах (ст. 205 УК РФ) и т.д. Дополнительными критериями при определении возможности компромисса являются: личность обвиняемого (наличие непогашенных судимостей, склонность к рецидиву), степень раскаяния и реальные действия по заглаживанию вреда, мнение потер-

певшего. Компромисс не должен ущемлять интересы государства, общества или третьих лиц.

Процессуальные границы предполагают наличие определенных условий, среди которых особое значение имеют добровольный характер и осознанность при принятии компромиссного решения. Каждый участник судопроизводства обязан ясно понимать, какие последствия повлечет его выбор, а также осознавать свои права и обязанности. Нельзя прибегать к принуждению, запугивать или вводить в заблуждение для того, чтобы добиться компромисса. Сама процедура должна быть прозрачной и понятной для каждой стороны конфликта. Необходимо, чтобы реализация компромисса закреплялась в письменной форме, а ее проверку проводил суд. Среди процессуальных пределов добровольность и осознанность согласия – обязательные условия легитимности компромисса. Вместе с тем он не может быть результатом неравного положения сторон. Принцип равенства (ст. 15 УПК РФ) в контексте компромисса – это не просто формальное заявление, а параметр, соблюдение которого можно проверить. Здесь имеют значение два аспекта:

- а) отсутствие процессуального неравенства;
- б) отсутствие фактической зависимости (служебной, материальной, родственной).

Говоря о возможности достижения компромисса, следует обратить внимание еще на два непереносимых условия. Первое – наличие достаточных оснований для подобного решения. Это предполагает, что стороны должны иметь разумные ожидания относительно возможных результатов судебного разбирательства и понимать риски, связанные с продолжением тяжбы. Второе – отсутствие нарушения прав третьих лиц (например иных потерпевших, гражданских истцов, не заявивших о себе в ходе следствия, других лиц, не участвующих в споре). Поскольку согласие с обвинением и сотрудничество подозреваемого (обвиняемого) не снимают с государства обязанности устанавливать фактические основания для выдвижения обвинения, компромисс в судебном процессе достигим только при обеспечении всестороннего анализа всех обстоятельств преступления, оценке перспектив дальнейшего ведения уголовного дела, открытого и конструктивного взаимодействия между сторонами. При этом важно учитывать не только юридические аспекты спора, но и экономические, социальные и психологические факторы, которые могут повлиять на окончательное решение.

Как показало проведенное нами в январе-апреле 2026 года полуструктурированное интервью с десятью судьями, при решении вопроса о допустимости компромисса ключевыми становились два доминирующих фактора неюридического характера: социальный (наличие у обвиняемого постоянного места жительства) и экономический (способность возместить ущерб). Раскаивание как самостоятельный психологический фактор оценивался судьями как наименее значимый. Полученные данные свидетельствуют о приоритете инструментальных (процессуально-экономических) ценностей над восстановительными, что требует,

по нашему мнению, корректировки не только правоприменительной практики, но и критериев судейского усмотрения.

Помимо практического значения, процессуальный компромисс имеет важное социально-правовое и воспитательное значение. Он способствует формированию у граждан уважения к закону и правовым институтам, а также укреплению доверия населения к правоохранительной системе, поскольку демонстрирует ее готовность к диалогу и поиску справедливых решений. Участие обвиняемого в достижении компромисса может способствовать его ресоциализации и предотвращению повторных преступлений (рецидива). В свою очередь, лица, пострадавшие от преступной деятельности, могут получить удовлетворение от быстрого и эффективного разрешения уголовного дела, а также от возмещения причиненного им ущерба.

Однако необходимо отметить, что недостаточная развитость правовой культуры общества и излишний формализм являются основными причинами низкой эффективности применения компромисса в уголовном судопроизводстве. «Самый важный аспект и препятствие в развитии примирительных процедур, – как пишет О.В. Петрова, – проявляются в действиях принципа неотвратимости ответственности и собственно принципа публичности. Именно в наказании и иных мерах ответственности законодатель видит главный и эффективный механизм противодействия преступности» [15, с. 89]. И действительно, доминирование обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве, стремление к жесткому наказанию правонарушителя, а также недостаточная осведомленность граждан о возможностях примирения создают препятствия для широкого использования компромиссных процедур. У многих участников уголовного процесса сохраняется убеждение, что единственным способом достижения справедливости является вынесение обвинительного приговора с назначением сурового наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие культуры процессуального компромисса представляется стратегическим направлением реформирования уголовного судопроизводства, соответствующим современным стандартам защиты прав человека. Однако оно невозможно без преодоления трех институциональных барьеров, каковыми являются:

- 1) формальные показатели оценки работы следователя (число направленных в суд дел);
- 2) отсутствие в УПК РФ правила об обязательном судебном контроле за добровольностью компромисса (с привлечением психолога по делам с участием несовершеннолетних);
- 3) отсутствие законодательно закрепленного исчерпывающего перечня преступлений, по которым компромисс исключен.

В этих целях предлагаем включить в УПК РФ новую главу – «Компромиссные процедуры» – с разделами об особом порядке судопроизводства, сотрудничестве со следствием и примирении. Действующие нормы УПК РФ, регламентирующие компромиссные процедуры (гл.гл. 40, 40.1,

ст.ст. 25, 25.1, 28 и др.), разрознены, не имеют единых принципов и пределов применения. Это порождает правовую неопределенность, избирательность правоприменения и риски деформации компромисса в условиях обвинительного уклона уголовного процесса. Систематизация перечисленных институтов в рамках отдельной главы позволит закрепить унифицированные требования к добровольности, прозрачности, судебному контролю, определить материально-правовые пределы их допустимости, а также будет способствовать повышению правовой культуры участников процесса.

Процессуальный компромисс является важным элементом современной уголовной политики,

ориентированным на гуманизацию и повышение эффективности уголовного судопроизводства. Его применение помогает достижению баланса между публичными интересами и правами личности, восстановлению социальной справедливости и предотвращению преступлений. Однако оно должно осуществляться в строгом соответствии с законом, при обязательном обеспечении судебного контроля, с учетом соблюдения публичных и частных (речь обо всех участниках уголовного процесса) интересов, а также принципов добровольности и прозрачности. Только в таких условиях компромиссные процедуры внесут реальный вклад в укрепление законности и справедливости в обществе. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Козлова Е.Л. Соблюдение принципов уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 20-21.
2. Анисимова А.П. К вопросу о специфике правосознания в российском обществе на современном этапе // Органы правопорядка: история и современность: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Екатеринбург, 1998. С. 155-157.
3. Кувалдина Ю.В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: Монография / 2-е изд. М.: Юстиция, 2016. 251 с.
4. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
5. Случевская Ю.А. Медиация как способ урегулирования экологических конфликтов // Защита прав государства и субъектов хозяйственной (предпринимательской) деятельности в трудах Т.Е. Абовой: Сборник научных трудов международной научной конференции. М.: Институт государства и права РАН, 2025. С. 352-355.
6. Ефремова М.А., Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Компромисс в системе правового регулирования при разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник экономики, социологии и права. 2024. № 3. С. 111-118.
7. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-розыскной науки // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.
8. Маркелов А.Г. Идея компромисса в российском уголовном процессе как мера противодействия преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 48-59.
9. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.
10. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
11. Случевская Ю.А. Потенциал использования в уголовном праве судебного штрафа в качестве компенсационно-восстановительного механизма // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы всероссийской научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2025. С. 420-423.
12. Пахомова О.Н. Актуальные проблемы квалификации преступлений в кредитной сфере // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 67-68.
13. Маркелов А.Г., Поляков М.П. Идея уголовно-процессуального компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Монография. М.: Проспект, 2023. 193 с.
14. Анисимова А.П. Причины низкого уровня правосознания современного российского общества // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. СПб, 1999. С. 32-34.
15. Петрова О.В. Внедрение медиации в механизме уголовной политики Республики Беларусь // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 66. С. 84-94.

REFERENCES

1. Kozlova Ye.L. Soblyudeniye printsiptov ugovnogo sudoproizvodstva pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 20-21.
2. Anisimova A.P. K voprosu o spetsifike pravosoznaniya v rossiyskom obshchestve na sovremennom etape // Organy pravoporyadka: istoriya i sovremennost': Materialy mezhvuzovskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Yekaterinburg, 1998. S. 155-157.
3. Kuvaldina Yu.V. Kompromiss kak sposob razresheniya ugovno-pravovykh konfliktov v Rossii: Monografiya / 2-ye izd. M.: Yustitsiya, 2016. 251 s.
4. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.
5. Sluchevskaya Yu.A. Mediatsiya kak sposob uregulirovaniya ekologicheskikh konfliktov // Zashchita prav gosudarstva i sub'yektov khozyaystvennoy (predprinimatel'skoy) deyatel'nosti v trudakh T.Ye. Abovoy: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2025. S. 352-355.
6. Yefremova M.A., Abshilava G.V., Pastukhov P.S. Kompromiss v sisteme pravovogo regulirovaniya pri razreshenii ugovno-pravovykh konfliktov // Vestnik ekonomiki, sotsiologii i prava. 2024. № 3. S. 111-118.
7. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.
8. Markelov A.G. Ideya kompromissa v rossiyskom ugovnom protsesse kak mera protivodeystviya prestupnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2021. № 39. S. 48-59.
9. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknoy obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.
10. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhdedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.
11. Sluchevskaya YU.A. Potentsial ispol'zovaniya v ugovnom prave sudebnogo shtrafa v kachestve kompensatsionno-vosstanovitel'nogo mekhanizma // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik nauchnykh statey po rezul'tatam raboty vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2025. S. 420-423.
12. Pakhomova O.N. Aktual'nyye problemy kvalifikatsii prestupleniy v kreditnoy sfere // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 67-68.
13. Markelov A.G., Polyakov M.P. Ideya ugovno-protsessual'nogo kompromissa pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: Monografiya. M.: Prospekt, 2023. 193 s.
14. Anisimova A.P. Prichiny nizkogo urovnya pravosoznaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Stanovleniye i razvitiye nauchnykh shkol prava v gosudarstvennykh universitetakh Rossii: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 3. SPb, 1999. S. 32-34.
15. Petrova O.V. Vnedreniye mediatsii v mekhanizme ugovnoy politiki Respubliki Belarus' // Nauchnyy zhurnal «Epomen». 2021. № 66. S. 84-94.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Костенко Н.С., Третьяков В.И., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Костенко Н.С., Третьяков В.И. Феномен культуры процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве: значение и границы допустимого // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 9-15.

Анна Владимировна МИЛИКОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-0341-4634

Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)

доцент кафедры уголовного права и процесса

milikova@volsu.ru

Научная статья

УДК 343.163:343.101

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ ПРОКУРОРА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Прокурор, органы прокуратуры, уголовно-процессуальные акты, акты прокурорского реагирования, постановление прокурора, уголовное преследование, процессуальные полномочия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, автором был проведен анализ теоретических и практических вопросов, возникающих при осмыслении понятия уголовно-процессуальных актов прокурора. Особое внимание уделено правовой природе этих актов, их классификации и месту в системе уголовно-процессуальных документов. *Методы.* Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Использованы методы анализа и синтеза, диалектический метод научного познания, метод толкования права, системно-структурный, эмпирический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. *Результаты.* Автор приходит к выводу об актуальности проведения научных исследований, посвященных проблемам, возникающим в связи с деятельностью органов прокуратуры по вынесению уголовно-процессуальных актов. Констатируется необходимость совершенствования ее законодательного регулирования. Проанализированы сформировавшиеся в уголовно-процессуальной науке подходы к пониманию функций прокурора, реализации и оформления его процессуальных решений. Сопоставлены и разграничены понятия «уголовно-процессуальные акты прокурора» и «акты прокурорского реагирования». Проведена классификация уголовно-процессуальных актов прокурора, определена их правовая природа и роль в механизме правового регулирования. Осуществлен анализ проблем теоретического и практического характера, возникающих в связи с вынесением уголовно-процессуальных актов. Рассмотрены предложения ряда авторов научных работ по нормативному закреплению новых видов уголовно-процессуальных актов прокурора. По итогам исследования сформулирован вывод о необходимости системного подхода к определению роли прокурора как субъекта, наделенного полномочиями по вынесению и утверждению уголовно-процессуальных актов, что обуславливает его ключевую роль в обеспечении законности и эффективности уголовного судопроизводства.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальные акты прокурора представляют собой особую категорию процессуальных документов, содержащих в себе государственно-властные веления уполномоченных на их принятие субъектов. К сожалению, в настоящее время вопросам сущности и значения уголовно-процессуальных актов прокурора уделяется недостаточно внимания. Такая ситуация обусловлена не вполне определенной ролью самого прокурора в уголовном судопроизводстве, особенно в его досудебных стадиях. Например, И.С. Дикарев указывает на то, что в ходе реформы досудебного производства уголовно-процессуальный статус прокурора существенно трансформи-

ровался [1, с. 27], что, несомненно, повлияло и на характер издаваемых им актов.

Как правило, сейчас выносимые прокурором акты рассматриваются фрагментарно и разрозненно, вне единой концептуальной модели. К тому же в науке не проводится четкого разграничения понятий «уголовно-процессуальный акт» и «акт прокурорского реагирования». В условиях цифровизации документооборота и автоматизации многих процессов в уголовном судопроизводстве очень важно не упускать из виду правовые гарантии, предоставляемые его участникам. Задачи по их защите могут быть решены путем соблюдения установленной законом процессуальной формы и обеспечения качества уголовно-про-

Anna V. MILIKOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-0341-4634
Volgograd State University (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
milikova@volsu.ru

CRIMINAL PROCEDURAL ACTS OF THE PROSECUTOR: LEGAL NATURE AND ROLE IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

KEYWORDS. Prosecutor, prosecutorial authorities, prosecutor's orders, criminal procedural acts, prosecutorial response acts, criminal prosecution, procedural powers.

ANNOTATION. Introduction. In the course of the study, the results of which are presented in the article, the author analyzed the theoretical and practical issues arising in understanding the concept of criminal procedural acts of the prosecutor. Particular attention is paid to the legal nature of these acts, their classification and place in the system of criminal procedural documents.

Methods. The methodological basis of the study was formed by a set of general scientific and specific scientific methods. The methods of analysis and synthesis, the dialectical method of scientific knowledge, the method of interpretation of law, systemic-structural, empirical, formal-legal, and comparative-legal methods were used. **Results.** The author comes to the conclusion about the relevance of conducting scientific research dedicated to the problems arising in connection with the activities of the prosecutor's office in issuing criminal procedural acts. The need to improve its legislative regulation is stated.

Approaches to understanding the functions of the prosecutor, the implementation and registration of his procedural decisions formed in criminal procedural science are analyzed. The concepts of «criminal procedural acts of the prosecutor» and «acts of prosecutorial response» are compared and distinguished. A classification of criminal procedural acts of the prosecutor is provided, their legal nature and role in the mechanism of legal regulation are defined. An analysis of the theoretical and practical problems arising in connection with the issuance of criminal procedural acts is conducted. Proposals by several academic authors for the normative consolidation of new types of criminal procedural acts of the prosecutor are considered. The study concludes that a systematic approach is needed to define the role of the prosecutor as the entity empowered to issue and approve criminal procedural acts, which determines their key role in ensuring the legality and effectiveness of criminal proceedings.

цессуальных актов прокурора. Невыполнение же этих условий ведет к отмене вынесенных актов, нарушению прав участников уголовного процесса и другим негативным последствиям.

Поэтому есть все основания говорить о том, что тематика проведенного нами исследования весьма актуальна, а полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение. Представляются важными итоги анализа правовой природы и роли уголовно-процессуальных актов, составляемых прокурором, в механизме правового регулирования.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили достаточно полно рассмотреть вопросы, касающиеся правовой природы и роли уголовно-процессуальных актов прокурора в общем механизме правового регулирования. Дialectический метод научного познания оказался востребован при изучении уголовно-процессуальных актов прокурора в качестве элемента общего механизма правового регулирования. Формально-юридический метод применялся при анализе норм законодательства. Сравнительно-правовой метод использован автором для выявления различий между актами прокурорского реагирования и уголовно-процессуальными актами прокурора. Системно-структурный метод позволил определить место уголовно-процессуальных актов прокурора в системе уголовного судопроизводства.

Эмпирический метод был полезен при изучении правоприменительной практики и данных других исследований. Кроме того, для изучения и систематизации различных научных подходов и выявления противоречий в правоприменительной практике использовались методы толкования права, анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных уголовно-процессуальных актов прокурора, следует обратить внимание на особенности самого субъекта, уполномоченного на их вынесение. В.Б. Евдокимов и А.Ю. Ульянов в качестве отличительной особенности органов прокуратуры выделяют многообразие форм прокурорской деятельности. Помимо прочего, как отмечают названные авторы, прокуроры наделены значительными властно-публичными полномочиями в сфере уголовного преследования [2, с. 194].

Полномочия прокурора перечислены в ст. 37 УПК РФ. Здесь, также как и в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», за ним закреплены две ключевые функции: осуществление уголовного преследования от имени государства и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве традиционно связывается с его ключевой ролью в обеспечении надзора за законностью действий, реализуемых участниками уголовного

преследования. А.В. Спирин отмечает, что эта роль отличает прокурора от других субъектов уголовного процесса. Она обуславливает фактическое объединение двух выполняемых им функций в единую, поскольку в рамках действующей правовой конструкции не проводится четкого разделения процессуальных прав и обязанностей прокурора [3, с. 56-57].

Вопрос о функциях прокурора в уголовном процессе традиционно остается в фокусе научной дискуссии. В условиях существующей правовой системы их целесообразно рассматривать сквозь призму обсуждения различий между понятиями «функция» и «полномочие» и возможностей очертить исчерпывающий перечень функций прокурора. Дискуссия, по сути, касается не столько радикального перераспределения ролей, сколько уточнения терминологического аппарата и определения юридического статуса института прокуратуры.

В уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет свои функции посредством принятия процессуальных решений, которые фиксируются в виде уголовно-процессуальных актов, предусмотренных законом. Интерес представляет предложенное А.Ю. Синдеевым истолкование процессуального решения прокурора в качестве властного правоприменительного акта¹. Все процессуальные решения прокурора, оформленные в виде уголовно-процессуальных актов, ориентированы на выполнение назначения уголовного судопроизводства. Они имеют государственно-властный характер, строгую процессуальную форму, официальны и обладают особой ценностью ввиду того, что их принятие обуславливает наступление юридически значимых последствий.

Обратим внимание на то, что, несмотря на проведенную реформу и изменение процессуальной роли прокурора, в досудебных стадиях уголовного процесса сохраняется устойчивое присутствие его влияния. По данным, приведенным Н.С. Мановой, более чем две трети сотрудников следственных органов (68,8%) и практически все представители органов дознания (94,2%) констатируют, что прокуроры оказывают воздействие на ход и направление расследования [4, с. 341]. Возникает вопрос: если на практике подобная потребность имеется, не стоит ли пересмотреть подход к характеру и границам полномочий прокурора в досудебном производстве?

Вместе с тем отметим, что прокурор по-прежнему влияет на ход предварительного расследования, поскольку утверждает итоговые уголовно-процессуальные акты следователя и дознавателя. При выявлении нарушений он вправе принять меры, предусмотренные ст.ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ. Иными словами, прокурор не только издает собственные уголовно-процессуальные акты, но и фактически участвует в формировании итоговых уголовно-процессуальных актов.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор имеет право давать дознавателю письменные

указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий. В.М. Быков полагает, что данная норма не лишена недостатков, так как законодатель предоставил прокурору право давать указания только дознавателю. По его мнению, содержание нормы должно быть расширено: необходимо обеспечить прокурору возможность давать такого рода указания и следователю [5, с. 10]. В законе не указана конкретная форма выражения указаний, но отмечено, что они должны быть письменными.

Впрочем, прокурор вправе давать письменные указания и следователю, но лишь при возврате уголовного дела для производства дополнительного следствия (п. 15 ч. 2 ст. 37, п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Эти указания оформляются соответствующим уголовно-процессуальным актом прокурора – постановлением. В нем излагаются причины возврата, выявленные нарушения и обстоятельства, которые требуется установить. По мнению Р.Г. Кузьмина, такое постановление – единственный законный способ прокурорского воздействия на следствие, однако на практике решения о производстве дополнительного следствия нередко принимаются прокурорами излишне субъективно [6, с. 53].

А.В. Гриненко отмечает, что возвращение прокурором уголовного дела рассматривается как показатель, негативно характеризующий работу следователя, поэтому таких случаев стараются избегать. Констатируя это, он предлагает в целях предупреждения возникновения подобного рода ситуаций ввести в уголовный процесс новую форму прокурорского реагирования – предостережение следователя о недопустимости нарушений закона. По мнению А.В. Гриненко, данная мера не ограничит процессуальной самостоятельности следователя, поможет избежать разногласий и будет способствовать повышению качества расследования [7, с. 150]. Однако, на наш взгляд, данное предостережение всё же будет оказывать влияние как на следователя, так и на ход проводимого им расследования.

Уголовно-процессуальные акты, составляемые по итогам предварительного расследования, имеют большое значение для всего уголовного процесса. Но их реализация сопровождается рядом проблем. С.Б. Россинский указывает на то, что некоторые прокуроры формально подходят к проверке материалов уголовного дела и используют обвинительные заключения в качестве шпаргалок [8, с. 103]. Тем не менее, утверждая итоговый уголовно-процессуальный акт, прокурор берет на себя функцию уголовного преследования в полном объеме и потому в полной мере несет ответственность за содержание и обоснованность данного акта. В.А. Лазарева подчеркивает, что прокурор, направивший уголовное дело в суд, не устранив допущенные следователем или дознавателем нарушения, должен нести ответственность за необоснованное уголовное преследование². Это подтверждает необходимость тщательной проверки всех материалов уголовного дела.

¹ Синдеев А.Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12.

² Лазарева В.А. Участие прокурора в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2024. С. 12.

Таким образом, представляется очевидным, что тесное взаимодействие участников уголовного процесса, осуществляющих уголовное преследование, имеет большое значение. В то же время Е.А. Денисов обращает внимание на недопустимость смешения функций следователя и прокурора. Он предлагает выделять акты, составляемые прокурором, в самостоятельную категорию «прокурорских документов» [9, с. 96]. Считаем, что такое их обособление с учетом обширности круга полномочий, реализуемых органами прокуратуры, требует уточнения.

По нашему мнению, необходимо подчеркнуть различие между понятиями «акты прокурорского реагирования» и «уголовно-процессуальные акты», так как документы, о которых идет речь не являются идентичными. Первые могут реализовываться в пределах полномочий сотрудников органов прокуратуры в самых разных сферах деятельности, и, следовательно, их понимание не должно совпадать с тем, которое распространяется на вторые. В правовой доктрине обсуждение данной проблемы приводит к существенным расхождениям во мнениях. Наряду с приведенными выше терминами встречаются и другие: «меры прокурорского реагирования», «средства прокурорского реагирования», – что дополнительно осложняет систематизацию и применение соответствующих понятий¹. Поэтому необходимо выработать единый подход к разграничению видов уголовно-процессуальных актов и документов органов прокуратуры.

Н.В. Буланова под актом прокурорского реагирования в досудебных стадиях уголовного процесса предлагает понимать письменное обращение прокурора, основанное на законе и составленное в рамках его полномочий, направленное должностным лицам органов дознания или следствия с целью устранения выявленных нарушений и причин, способствовавших их возникновению [10, с. 57].

В рамках проведенного исследования нами была осуществлена классификация уголовно-процессуальных актов прокурора. Наиболее очевидным видится деление на акты, выносимые:

- 1) в стадии возбуждения уголовного дела;
- 2) в стадии предварительного расследования;
- 3) в судебных стадиях уголовного процесса.

Помимо этого, А.А. Терехин предлагает разделять акты в зависимости:

- от статуса прокуроров, которые их вынесли;
- от того, кому они адресованы;
- от особенностей их структуры и содержания;
- от характера их действия;
- от времени принятия [11, с. 209].

Е.В. Коломеец не оперирует таким понятием, как «уголовно-процессуальный акт прокурора». Он предлагает различные основания для классификации актов прокурорского реагирования: в зависимости от стадии досудебного производства;

исходя из объекта прокурорского реагирования; в зависимости от сущности и содержания актов; в зависимости от формы реализации [12, с. 228-229]. С некоторыми предложениями названного автора сложно согласиться, например, об отнесении согласований или утверждений решений, а также частей процессуальных документов к числу актов прокурорского реагирования. М.В. Бызова отмечает, что при осуществлении надзора прокурор применяет средства реагирования в отношении не только выявленных нарушений закона, но и к правомерным действиям. В последнем случае речь идет об «утверждении». На практике оно представляет собой отметку, но, несмотря на письменную форму, всё-таки не может быть признано актом прокурорского реагирования в традиционном смысле, так как является не отдельным письменным документом в классическом понимании, а лишь обязательным элементом процессуального документа [13, с. 72-73].

Несмотря на разнообразие видов уголовно-процессуальных актов, которые может выносить прокурор, в современной отечественной уголовно-процессуальной науке прослеживается устойчивая тенденция к расширению их круга. Например, М.Ф. Елчиев предложил отнести к нему «дополнения к обвинительному заключению»². На наш взгляд, данная инициатива представляется спорной, поскольку ее реализация может создать дополнительные затруднения в реализации уголовного судопроизводства. Существующий порядок дачи письменных указаний представляется более рациональным.

К.А. Корчагина предлагает закрепить в законодательстве новый уголовно-процессуальный акт прокурора, который выносился бы для назначения государственного обвинителя. В настоящее время, в соответствии с п. 1.4 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», прокуроры должны заблаговременно назначать государственных обвинителей посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения³. Верным видится предложение автора включить в УПК РФ обязанность прокурора выносить уголовно-процессуальный акт об утверждении государственного обвинителя. Данное нововведение позволит соблюсти права участников уголовного процесса, в частности, на заявление отвода государственному обвинителю. Уголовно-процессуальный акт мог бы составляться не только в случае приобретения прокурором соответствующего статуса, но и при необходимости его прекращения.

Следует обратить внимание и на проблемы, связанные с вынесением еще одного уголовно-процессуального акта прокурора. Так, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе направлять следователю или дознавателю мо-

¹ Шмарев А.И. Документы прокурорского реагирования: Учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 5.

² Елчиев М.Ф. Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для расследования и разрешения уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 15.

³ Корчагина К.А. Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2025. С. 59.

тивированное постановление для решения вопроса об уголовном преследовании. В.В. Ситник указывает на то, что полномочия прокурора по направлению материалов в следственные органы для решения вопроса о возбуждении дела нередко оказываются неэффективными. Прокурорам приходится добиваться начала уголовного преследования, отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и настаивать на устранении нарушений. В связи с этим В.В. Ситник предлагает вернуть прокурору право самостоятельно возбуждать уголовное дело [14, с. 192]. В данном случае речь идет о возвращении прокурору ранее утраченного полномочия, что представляется нам преждевременным.

Роль прокурора на судебных стадиях уголовного процесса выглядит более определенной. В соответствии со ст. 246 УПК РФ он выступает государственным обвинителем, представляя доказательства, формулируя позицию обвинения и предлагая меру наказания. Под государственным обвинением В.А. Лазарева понимает юридическую конструкцию, основанную на доказательствах, собранных органами расследования и утвержденных прокурором¹. Эффективность деятельности прокурора на данном этапе, который является связующим звеном между досудебными и судебными стадиями уголовного процесса, во многом зависит от качества проведения предварительного расследования.

При этом прокурор сохраняет процессуальную самостоятельность: он вправе отказаться от обвинения или изменить его формулировку в сторону смягчения, что служит гарантией соблюдения прав участников процесса (ч.ч. 7, 8 ст. 246 УПК РФ). А.В. Землянухин справедливо, по нашему мнению, замечает, что отказ прокурора от обвинения следует рассматривать в качестве самостоятельного уголовно-процессуального акта². Считаем, что закрепленная в ч. 7 ст. 246 УПК РФ обязанность прокурора при отказе от обвинения изложить суду мотивы такого решения должна предполагать и составление соответствующего мотивированного уголовно-процессуального акта.

С.Н. Самолетов обращает внимание на отсутствие единого порядка изменения прокурором в ходе судебного разбирательства обвинения. Чаще всего о подобного рода решениях сообщается устно. Названный автор предлагает закрепить в законе письменную форму изменения обвинения по аналогии с утверждением обвинительного заключения. По его мнению, это должно повысить ответственность прокурора и будет способство-

вать обеспечению права подсудимого на защиту [15, с. 242].

К числу уголовно-процессуальных актов прокурора относятся и выносимые им апелляционные (кассационные) представления. А.А. Терехин дает им такое определение: это оформленные в установленной законом форме волеизъявления прокурора, направленные на проверку законности судебных решений и восстановление нарушенных прав участников процесса, а также интересов общества и государства [16, с. 165].

Многие из перечисленных нами выше проблем должны решаться путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что возникновение многих затруднений в деятельности, связанной с уголовным судопроизводством, можно предупредить посредством ее цифровизации. Она обеспечит единообразие составления уголовно-процессуальных актов, эффективность их подготовки и избавит от задержек в ходе их передачи. Для достижения этих целей в настоящее время уже предпринимаются активные шаги. Д.О. Антонов отмечает, что все органы прокуратуры Российской Федерации объединены в единую защищенную сеть передачи данных, в них создано пятьдесят тысяч современных автоматизированных рабочих мест [17, с. 18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует подчеркнуть высокую значимость роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Несмотря на проведенные преобразования, прокурор не утратил своего влияния на ход предварительного расследования, будь то дознание или следствие. Выявленные нами проблемы, касающиеся определения функций прокурора, его полномочий, выносимых им уголовно-процессуальных актов, возможности расширения их круга, обуславливают актуальность исследуемой тематики. Механизм осуществления процессуальной деятельности посредством вынесения уголовно-процессуальных актов прокурора, несомненно, нуждается в научном осмыслении. Вместе с тем необходимо совершенствование уголовно-процессуального законодательства в целях устранения противоречий и пробелов, негативно сказывающихся на правоприменительной практике. Недостатки уголовно-процессуальных актов прокурора оборачиваются снижением качества и эффективности уголовного судопроизводства в целом. Поэтому выявление причин их возникновения и определение путей устранения таковых относится к числу первоочередных задач юридической науки. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27-30.
2. Евдокимов В.Б., Ульянов А.Ю. Принцип эффективности и его реализация в деятельности прокуратуры как института публичной власти с особым статусом // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 193-200.

¹ Лазарева В.А. Указ. соч. С. 96.

² Землянухин А.В. Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9.

3. Спирин А.В. Процессуальная деятельность органов дознания. Есть ли необходимость в «прокурорской опеке»? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 56-61.

4. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора как основа реформирования уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 337-345.

5. Быков В.М. Сторона обвинения в уголовном процессе России: Монография. М.: Юрайт, 2025. 172 с.

6. Кузьмин Р.Г. Исполнение следователем письменных указаний прокурора как обязательное условие повторного направления уголовного дела прокурору // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 51-59.

7. Гриненко А.В. Взаимодействие следователя и прокурора в новых правовых реалиях // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73). С. 147-153.

8. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: актуальные проблемы формы и содержания // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 100-109.

9. Денисов Е.А. Понятие «следственные документы»: сравнительно-правовой анализ закона, науки и практики // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2024. № 5. С. 95-99.

10. Буланова Н.В. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2018. 108 с.

11. Терехин А.А. Классификация актов прокурорского реагирования в уголовном процессе // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 209-214.

12. Коломеец Е.В. Классификация актов прокурорского реагирования, применяемых в уголовном досудебном производстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 228-231.

13. Бызова М.В. Понятие и соотношение актов прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 70-73.

14. Ситник В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 185-194.

15. Самолетов С.Н. Проблемные вопросы изменения прокурором обвинения: сущность и современное состояние // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 12-1. С. 239-246.

16. Терехин А.А. Апелляционные и кассационные представления как акты прокурорского реагирования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 4 (33). С. 160-165.

17. Антонов Д.О. Применение современных цифровых технологий в работе органов прокуратуры // Цифровые технологии в прокурорской деятельности: Сборник материалов конференции. М., 2024. С. 16-19.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Spornyye voprosy organizatsii dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam // Rossiyskaya yustitsiya. 2016. № 5. С. 27-30.

2. Yevdokimov V.B., Ul'yanov A.Yu. Printsip effektivnosti i yego realizatsiya v deyatelnosti prokuratury kak instituta publichnoy vlasti s osobym statusom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 506. С. 193-200.

3. Spirin A.V. Protsessual'naya deyatelnost' organov doznaniya. Yest' li neobkhodimost' v «prokurorskoy opeke»? // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3. С. 56-61.

4. Manova N.S. Model' deyatelnosti prokurora kak osnova reformirovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva // Aktual'nyye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugovolno-protsessual'noy deyatelnosti i natsional'noy bezopasnosti: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2022. С. 337-345.

5. Bykov V.M. Storona obvineniya v ugovolnom protsesse Rossii: Monografiya. M.: Yurayt, 2025. 172 s.

6. Kuz'min R.G. Ispolneniye sledovatelem pis'mennykh ukazaniy prokurora kak obyazatel'noye usloviye povtornogo napravleniya ugovolnogo dela prokuroru // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2 (55). С. 51-59.

7. Grinenko A.V. Vzaimodeystviye sledovatelya i prokurora v novykh pravovykh realiyakh // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (73). С. 147-153.

8. Rossinskiy S.B. Obvinitel'noye zaklyucheniye: aktual'nyye problemy formy i soderzhaniya // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. 2024. № 3 (106). С. 100-109.

9. Denisov Ye.A. Ponyatiye «sledstvennyye dokumenty»: sravnitel'no-pravovoy analiz zakona, nauki i praktiki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. 2024. № 5. С. 95-99.

10. Bulanova N.V. Uchastiye prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva. M., 2018. 108 s.
11. Terekhin A.A. Klassifikatsiya aktov prokurorskogo reagirovaniya v ugovnom protsesse // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2010. № 3 (24). S. 209-214.
12. Kolomeyets Ye.V. Klassifikatsiya aktov prokurorskogo reagirovaniya, primenyayemykh v ugovnom dosudebnom proizvodstve // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. № 1 (50). S. 228-231.
13. Byzova M.V. Ponyatiye i sootnosheniye aktov prokurorskogo nadzora i aktov prokurorskogo reagirovaniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2008. № 3 (6). S. 70-73.
14. Sitnik V.V. Teoreticheskiye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi doznaniye // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2018. № 4 (89). S. 185-194.
15. Samoletov S.N. Problemnyye voprosy izmeneniya prokurorom obvineniya: sushchnost' i sovremennoye sostoyaniye // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13. № 12-1. S. 239-246.
16. Terekhin A.A. Apellyatsionnyye i kassatsionnyye predstavleniya kak akty prokurorskogo reagirovaniya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 4 (33). S. 160-165.
17. Antonov D.O. Primeneniye sovremennykh tsifrovyykh tekhnologiy v rabote organov prokuratury // Tsifrovyye tekhnologii v prokurorskoy deyatel'nosti: Sbornik materialov konferentsii. M., 2024. S. 16-19.

© Миликова А.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты прокурора: правовая природа и роль в механизме правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 16-22.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Наталья Николаевна БУГЕРА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-2459-7855
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
knn.76@mail.ru

Научная статья
УДК 343.22:343.9

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Личность преступника, междисциплинарный подход, оперативно-разыскная модель, уголовно-правовая квалификация, криминалистическая идентификация, криминологическая структура и типология, виктимологический портрет.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования четырех моделей личности преступника, сложившихся в рамках уголовно-правовой, оперативно-разыскной, криминалистической и криминологической наук. Проанализированы предметные области каждой из характеристик: юридическая конструкция субъекта преступления; оперативно значимые признаки, способы маскировки и контакты; идентификационный почерк и стиль поведения преступника; его усредненный социальный портрет. *Методы.* Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. Применялись методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, моделирование, системный анализ, логический (формально-юридический) метод и другие. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что каждая из четырех моделей личности преступника обладает своими уязвимостями. Уголовно-правовая модель отличается излишней формализацией. Оперативно-разыскная – высокой неопределенностью получаемых сведений и риском провокации. Криминалистическая – неполнотой следов и субъективизмом интерпретации. Криминологическая – быстрым устареванием сформулированных собирательных образов преступников. Пути решения выявленных проблем видятся в совершенствовании нормативной базы, техническом переоснащении правоохранительных органов, междисциплинарной перекрестной проверке сведений. Важно также признать вероятностный характер всех используемых моделей личности преступника и систематически осуществлять их корректировку. Ни одна модель не может быть признана самодостаточной: для адекватного ответа вызовам современной преступности необходимо использование комплексных междисциплинарных знаний.

ВВЕДЕНИЕ

Личность преступника привлекает внимание целого ряда наук уголовно-правового цикла. Каждая из них формирует собственную информационную модель этого феномена. Такие модели не конкурируют между собой, а служат различным практическим и теоретическим зада-

чам, отражая специфику предмета научного исследования каждой науки.

В уголовном праве модель личности преступника предназначена для установления юридически значимого соответствия между фактическими характеристиками конкретного лица и законодательно закрепленными признаками

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Natalia N. BUGERA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-2459-7855
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Head of the Criminal Law Department of the Educational and Scientific
Complex on Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies
knn.76@mail.ru

**THE PERSONALITY OF A CRIMINAL AS A SUBJECT
OF RESEARCH IN CRIMINAL LAW SCIENCES**

KEYWORDS. Criminal personality, interdisciplinary approach, operational
investigative model, criminal law qualification, criminalistic identification,
criminological structure and typology, victimological profile.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of a study of four criminal personality models developed within the framework of criminal law, operational-investigative, forensic and criminological sciences. The subject areas of each of the characteristics are analyzed: legal construction of the subject of the crime; operationally significant features, methods of disguise and contacts; identification signature and behavior style of the criminal; his average social portrait. **Methods.** The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition. The methods of analysis and synthesis, comparative legal method, modeling, systems analysis, logical (formal-legal) method and others were used. **Results.** The study showed that each of the four models of criminal personality has its own vulnerabilities. The criminal-legal model is distinguished by excessive formalization. The operational-investigative model – by high uncertainty of the information obtained and the risk of provocation. The forensic model – by incompleteness of traces and subjectivity of interpretation. The criminology model – by concerns the rapid obsolescence of established generic criminal stereotypes. Solutions to these identified problems are seen in improving the regulatory framework, technically upgrading law enforcement agencies, and interdisciplinary cross-checking of information. It is also important to recognize the probabilistic nature of all existing criminal personality models and systematically refine them. No single model can be considered self-sufficient: an adequate response to the challenges of modern crime requires the use of comprehensive interdisciplinary knowledge.

субъекта преступления [1]. Эта конструкция носит нормативно-формальный характер и опирается исключительно на требования закона. Для уголовно-правовой квалификации значимы лишь те свойства преступника, на которые прямо указывает Уголовный кодекс Российской Федерации: физическое состояние, вменяемость, достижение установленного возраста привлечения к уголовной ответственности и, при необходимости, наличие специальных признаков, характеризующих субъекта преступления (должностное положение, профессиональные обязанности и другие). Все иные психологические, биографические или социальные особенности остаются часто за рамками данной модели, если только они не закреплены за конодателем в качестве квалифицирующих признаков конкретного состава преступления. Таким образом, уголовное право стремится к предельной формализации и единообразию в решении вопроса о том, кто именно может нести уголовную ответственность за совершенное преступление.

В оперативно-разыскной деятельности исследование личности преступника осуществляется по-разному в зависимости от стадии совершения преступления. На стадиях неоконченного престу-

пления (приготовление и покушение) акцент делается на выявлении замысла, планируемых действий, подготовительных манипуляций, соучастников, каналах связи и способах конспирации. Это позволяет предотвратить или пресечь деяние [2]. В случае с оконченным преступлением, когда объективная сторона его состава уже выполнена, исследование личности преступника переориентируется. Оно проводится в целях розыска подозреваемого (установление местонахождения скрывшегося фигуранта, например, по его привычкам, связям, особенностям поведения) и изобличения (сбор оперативных данных, доказывающих причастность конкретного лица к совершенному деянию: его контакты, следы, орудия, особенности посткриминального поведения) [3]. Таким образом, личность преступника в оперативно-разыскной деятельности изучается под разными углами зрения в зависимости от момента начала проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Криминалистика, напротив, формирует идентификационную модель личности преступника, предназначенную для распознавания и отождествления конкретного человека, оставившего следы в материальной обстановке или в памяти лю-

дей [4]. Эта модель ориентирована на индивидуализацию и охватывает самые разнообразные сведения: от антропометрических и биометрических параметров (рост, телосложение, дактилоскопические узоры, группа крови, ДНК-профиль) до функциональных навыков и преступного «почерка». Важное место в криминалистической модели занимает психологический профиль, который позволяет выдвигать версии о вероятном поведении неустановленного преступника на месте происшествия, особенно при расследовании серийных преступлений. Цель построения такой модели – сузить круг проверяемых лиц и обеспечить последующее процессуальное отождествление. В отличие от уголовно-правовой криминалистической модели не пренебрегает никакими, даже самыми частными, проявлениями личности, если они помогают найти и изобличить преступника.

Криминология подходит к личности преступника с иных позиций: здесь создается абстрактный социальный портрет, отражающий статистические устойчивые закономерности контингента, склонного к преступной деятельности [5]. Эта модель не описывает конкретного человека, а выявляет собирательный образ потенциального преступника. В структуру усредненного портрета входят социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, род занятий, семейное положение), социально-ролевые характеристики (статус в коллективе и семье, выполнение гражданских обязанностей), нравственно-психологические (система ценностей, правосознание, эмоциональная устойчивость) и, наконец, уголовно-правовые свойства (криминальная специализация, рецидив, мотивация). Такой усредненный портрет личности преступника служит инструментом для криминологического прогнозирования и разработки мер противодействия преступности.

Таким образом, каждая из уголовно-правовых наук формирует свой срез информации о личности преступника, и только в совокупности эти модели позволяют составить целостное междисциплинарное знание, необходимое как для правоприменения, так и для научного анализа преступности. Цель исследования, результаты которого представлены в статье, заключалась в междисциплинарном изучении личности преступника, выявлении возникающих при этом проблем, обосновании возможностей и пределов использования полученных знаний для повышения эффективности предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. Он позволил рассмотреть каждую модель как развивающееся явление, а возникающие в ней проблемы – как внутренние противоречия, обусловленные спецификой предмета и средств исследования соответствующей отрасли знания. На его основе комплексно применялись другие методы. В частности, анализ и синтез. Первичный материал (нормативные акты, научные публикации, доктрины) был проанализирован для выделения ключевых элементов каждой модели: субъектных признаков в уголов-

ном праве, поисково-разведывательных параметров в оперативно-разыскной деятельности, идентификационных характеристик в криминалистике, социальных показателей в криминологии. Синтез обеспечил возможность сведения выделенных элементов в целостные описания моделей и выявления в них системных уязвимостей. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления нормативных требований к личности преступника в разных отраслях права. Этот метод помог выявить противоречие между конспирацией и легитимностью, а также различия в подходах к формализации признаков личности. Поскольку каждая из четырех перечисленных выше наук оперирует собственной информационной конструкцией личности преступника, в ходе проведения исследования оказалось востребованным теоретическое моделирование. Были реконструированы идеальные типы уголовно-правовой, оперативно-разыскной, криминалистической и криминологической моделей, а затем определены типичные трудности, связанные с построением каждой из них (неполнота следов, латентность, адаптация преступников, двойная идентичность конфидентов). На основе результатов моделирования сделан вывод о принципиальной неполноте всех четырех моделей: они должны рассматриваться не изолированно, а как элементы единого междисциплинарного знания о личности преступника. Системный анализ позволил обнаружить, что недостатки одной модели (например латентность, если речь о криминологической) могут быть частично компенсированы данными другой модели (оперативно-разыскной), а также сформулировать принцип перекрестной проверки. Логический (формально-юридический) метод использовался при анализе уголовно-правовых норм, касающихся возраста, вменяемости, специальных признаков субъекта преступления, а также при разграничении разрешенного оперативного эксперимента и запрещенной провокации. С помощью данного метода были обнаружены законодательные пробелы и коллизии, требующие корректировки нормативной базы. Исследование, таким образом, сочетало междисциплинарность с теоретико-прикладным подходом, а примененные методы работали в комплексе, что дало возможность не только выявить проблемы каждой из рассматриваемых моделей, но и предложить обобщенные пути их решения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

При построении уголовно-правовой модели личности преступника, опирающейся на признаки субъекта преступления, выявляются несколько проблем. Одна из них – определение возможности наступления ответственности в ситуациях, когда несовершеннолетний формально достиг установленного законом возраста, но по уровню интеллектуального или волевого развития еще не способен в полной мере осознавать характер своих действий [6]. Далее, не всегда удается четко разграничить вменяемость и ограниченную вменяемость, особенно при наличии психических аномалий, которые не исключают вменяемости, но заметно влияют на поведение человека [7].

Выявление специальных признаков субъекта преступления (должностное или профессиональное положение) часто требует обращения к другим отраслям права, поскольку сопряжено с бланкетными нормами. Жесткая формализация уголовно-правовой модели оборачивается тем, что многие личностные характеристики, которые могут влиять на оценку степени общественной опасности, остаются за рамками правовой конструкции, – если только законодатель прямо не отнес их к числу квалифицирующих признаков.

Построение оперативно-разыскной (поисково-разведывательной) модели личности преступника также сопряжено с трудностями. В данном случае они вытекают из самой природы негласной деятельности [8]. Оперативно значимая информация, поиск которой осуществляется в криминальной среде, заведомо отличается высокой степенью неопределенности: преступник сознательно скрывает или искажает сведения о себе, применяет различные способы конспирации [9]. Возникает противоречие между необходимостью негласного проведения оперативно-разыскных мероприятий и требованием легитимности добытых сведений для обеспечения их последующего использования в уголовно-процессуальном доказывании. Для выявления «мотивационных точек» (уязвимых мест личности, через которые можно установить оперативный контакт или склонить фигуранта к содействию) необходим тонкий психологический анализ, а сама такая возможность нередко балансирует на грани между оперативным экспериментом и провокацией [10]. Кроме того, преступники, особенно те, кто на профессиональной основе совершает корыстные и насильственные преступления, быстро адаптируются к применяемым методам оперативного поиска, что заставляет постоянно пересматривать не только саму модель, но и связанные с ней алгоритмы работы оперативных подразделений [11].

Особую – и, пожалуй, самую сложную – проблему создает институт конфиденциального содействия, в частности привлечение конфиденентов из числа лиц, относящихся к криминальной среде или имеющих к ней доступ. Сложность заключается в том, что такие конфидененты внешне вынуждены вести себя подобно преступникам: участвовать в неформальных событиях, соблюдать субкультурные нормы, иногда имитировать противоправные действия, – только так можно сохранить доверие в криминальной среде [12]. Отсюда прямой риск так называемой двойной идентичности: конфидент, формально оставаясь содействующим лицом, одновременно воспроизводит модели поведения, характерные для криминальной среды, что со временем может привести к деформации его личности, снижению лояльности и даже к переходу на сторону криминальных структур. Кроме того, возникает серьезная этико-правовая дилемма: как отличить допустимое конспиративное поведение от фактического подстрекательства к преступлению или соучастия в его совершении? Сама модель личности преступника в данном случае оказывается парадоксально зеркальной: оперативный сотрудник вынужден опираться на

сведения, источником которых выступает человек, имитирующий преступное поведение. Достоверность такой модели напрямую зависит от надежности конфидента, тогда как контроль над ним ограничен, поскольку его ценность для оперативной работы как раз и заключается в способности органично вписываться в криминальное сообщество. Таким образом, формируется уязвимость, связанная с тем, что искажения в информационной модели могут быть намеренно внесены самим конфидентом – как под влиянием внешнего давления со стороны преступников, так и вследствие внутренней моральной дезориентации.

Существенные проблемы возникают и при формировании криминалистической идентификационной модели. Одна из главных заключается в неполноте или искажении следовой информации в ситуациях, когда следы на месте преступления уничтожены, повреждены или изменены, а качество видеозаписей и показаний свидетелей вызывает сомнения. Построение психологического профиля преступника становится крайне затруднительным при отсутствии серийности деяний или недостаточном объеме эмпирического материала, пригодного для обобщения [13]. Высокий риск субъективизма при интерпретации так называемого преступного почерка и функциональных навыков, особенно в случаях инсценировки преступления и намеренного введения следствия в заблуждение [14]. Технологические и методические ограничения проявляются при работе с биометрическими данными, такими как ДНК и дактилоскопические узоры: загрязнение образцов, ошибки при их отборе, необходимость наличия обширных баз данных для сравнения остаются серьезными препятствиями на пути точной идентификации.

При построении криминологической модели, представляющей собой усредненный портрет преступника, исследователи сталкиваются с проблемой репрезентативности статистических показателей. Высокий уровень латентной преступности, особенно в сфере экономических и бытовых насильственных преступлений, обуславливает отражение статистикой лишь видимой части явления, а не всей его полноты [15]. Кроме того, фиксация устойчивых причинно-следственных связей между социальными характеристиками личности и потенциально возможным преступным поведением затруднена из-за множества сопутствующих факторов, действующих одновременно и часто разнонаправлено. Сама модель быстро устаревает под влиянием социальных, экономических и иных изменений, что требует регулярного обновления эмпирической базы и пересмотра выводов [16]. Наконец, существует риск чрезмерного упрощения, когда сведения сложной, многомерной личности к набору абстрактных показателей неизбежно снижает прогностическую ценность модели применительно к конкретным людям.

Таким образом, каждая из четырех моделей личности преступника имеет свои слабые стороны. Эти уязвимости обусловлены как природой исходных данных, так и методологическими ограничениями соответствующей отрасли знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблемы, возникающие при формировании уголовно-правовой, оперативно-разыскной, криминалистической и криминологической моделей личности преступника, носят не случайный, а системный характер, обусловленный спецификой предмета и методов исследования, свойственных разным наукам. Пути преодоления затруднений разнородны и разнообразны. Однако при их изучении всё-таки обнаруживается ряд общих закономерностей, благодаря чему эти пути могут быть сведены к нескольким ключевым направлениям.

Первое из них связано с совершенствованием нормативно-правовой базы и ведомственных регламентов. Во всех рассматриваемых сферах требуется более четкое законодательное закрепление критериев и процедур: от дифференциации возраста уголовной ответственности и признаков ограниченной вменяемости до разграничения допустимого оперативного эксперимента и недопустимой провокации, а также обеспечения гарантий безопасности конфиденентов.

Второе направление – технико-криминалистическое и технологическое переоснащение правоохранительных органов. Внедрение современных методов выявления и фиксации следов, создание единых баз биометрических данных, использование возможностей искусственного интеллекта для объективизации экспертных выводов, а также применение цифровых средств контроля при осуществлении оперативно-разыскной деятельности позволяют существенно снизить степень неопределенности и субъективности исходной информации.

Третье направление носит методологический характер и предполагает отказ от монодисциплинарного подхода в пользу комплексного и межведомственного взаимодействия. Проблема латентности преступности в криминологии решается через анализ данных смежных ведомств, их сопоставление с другой информацией об общественных процессах. Проблема верификации сведений, полученных от конфиденентов, решается посредством перекрестной проверки с обращением к независимым источникам. Проблема доказывания специальных признаков субъекта решается через межотраслевой обмен информацией. Таким образом, ключевой принцип сводится к множе-

ственности источников и перекрестной проверке.

Четвертое направление предполагает организацию психологического и кадрового сопровождения. Регулярное взаимодействие с конфидентами, систематический мониторинг их психического состояния, целенаправленная подготовка оперативных сотрудников к разрешению тактических и этических коллизий, а также проведение в криминологии циклических исследований обеспечат возможность минимизировать риски деформации как самой модели личности преступника, так и лиц, участвующих в ее конструировании.

Пятое направление обусловлено признанием принципиальной неполноты и вероятностного характера любой модели личности преступника. Ни одна из рассмотренных конструкций не позволяет получить абсолютно достоверное и исчерпывающее знание об изучаемом предмете. Из данного положения следует, что наиболее эффективным способом преодоления возникающих трудностей является регулярная корректировка используемых моделей на основе их критического анализа по мере накопления новых эмпирических данных и изменения криминальной реальности. Отсутствие готовности к пересмотру собственного методологического инструментария ставит под сомнение научную и практическую состоятельность любой изолированной модели.

Изучение личности преступника не может ограничиваться рамками одной науки. Каждая из четырех рассмотренных моделей решает собственный круг задач, и ни одна из них в отдельности не способна дать целостного представления о криминальных процессах. Предложенное разграничение предметных областей позволяет избежать терминологической путаницы и подмены понятий. В качестве перспективного направления дальнейших исследований видится разработка конкретных методик, обеспечивающих обмен сведениями между моделями: данные о контактах и способах конспирации (оперативно-разыскная характеристика) интегрируются в идентификационный портрет (криминалистика), затем уточняются с помощью криминологических классификаций и типологий и, наконец, получают уголовно-правовую оценку в рамках нормы закона. Без такого междисциплинарного взаимодействия невозможно адекватно реагировать на вызовы, порождаемые современной преступностью. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Случевская Ю.А. Компенсационная и восстановительная функции уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 194-208.
2. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.
3. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.
4. Катков С.В., Семененко Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.

5. Случевская Ю.А. Особенности социальных норм и девиаций в экологической сфере (на примере российского социума) // Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 154-172.
6. Пахомова О.Н. Некоторые современные проблемы совершенствования уголовно-правового механизма охраны семьи и несовершеннолетних // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 141-144.
7. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. С. 63-66.
8. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.
9. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-розыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
10. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-розыскной науки // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.
11. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
12. Попов С.В. Конфиденциальное содействие: проблемы реализации и перспективы трансформации // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы всероссийского конгресса. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 740-745.
13. Горковенко И.А. Некоторые проблемы оперативно-розыскного противодействия преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов межведомственной научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России, 2024. С. 41-44.
14. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
15. Попов С.В. О некоторых вопросах привлечения граждан к гласному содействию оперативными аппаратами ОВД // Актуальные проблемы права и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. Донецк: Академия МВД ДНР, 2022. С. 385-388.
16. Горковенко И.А. Оперативно-розыскное противодействие преступным проявлениям среди несовершеннолетних: проблемы и подходы к их решению // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 66-68.

REFERENCES

1. Sluchevskaya Yu.A. Kompensatsionnaya i vosstanovitel'naya funktsii ugovornogo prava // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4 (104). S. 194-208.
2. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy Yul MVD Rossii, 2025. S. 41-47.
3. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknogo obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.
4. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.
5. Sluchevskaya Yu.A. Osobennosti sotsial'nykh norm i deviatsiy v ekologicheskoy sfere (na primere rossiyskogo sotsiума) // Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 154-172.
6. Pakhomova O.N. Nekotoryye sovremennyye problemy sovershenstvovaniya ugovorno-pravovogo mekhanizma okhrany sem'i i nesovershennoletnikh // Sostoyaniye, dinamika i tendentsii prestupnosti

v semeyno-bytovoy sfere: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. S. 141-144.

7. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2025. S. 63-66.

8. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

9. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-rozysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskii forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.

10. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskii forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.

11. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhdvedomstvennyy nauchno-prakticheskii Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhdvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

12. Popov S.V. Konfidentsial'noye sodeystviye: problemy realizatsii i perspektivy transformatsii // Sankt-Peterburgskiy vstrechi molodykh uchenykh: Materialy vserossiyskogo kongressa. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 740-745.

13. Gorkovenko I.A. Nekotoryye problemy operativno-rozysknogo protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh // Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Sbornik nauchnykh trudov mezhdvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MosU MVD Rossii, 2024. S. 41-44.

14. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // X Baltiyskiy yuridicheskii forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

15. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh privilecheniya grazhdan k glasnomu sodeystviyu operativnymi apparatami OVD // Aktual'nyye problemy prava i puti ikh resheniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Donetsk: Akademiya MVD DNR, 2022. S. 385-388.

16. Gorkovenko I.A. Operativno-rozysknoye protivodeystviye prestupnym proyavleniyam sredi nesovershennoletnikh: problemy i podkhody k ikh resheniyu // Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 66-68.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Бугера Н.Н., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Бугера Н.Н. Личность преступника как предмет исследования уголовно-правовых наук // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 23-29.

Сергей Викторович ПОПОВ,

ORCID 0000-0002-1240-6046

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности

органов внутренних дел Калининградского филиала

otdeltko270181@yandex.ru

Данияр Вулкайревич КАЙРГАЛИЕВ,

кандидат биологических наук, доцент

ООО «Экспертные технологии и сертификация продукции» (г. Саратов)

эксперт

danchem@mail.ru

Научная статья

УДК 343.233:343.102

ПРАВОМЕРНЫЙ ВРЕД ПРИ ОПЕРАТИВНОМ ВНЕДРЕНИИ: ОТ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОЛЛИЗИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ РЕШЕНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, оперативное внедрение, уголовно-правовое обеспечение, причинение вреда, пределы правомерности, зарубежный опыт, совершенствование законодательства.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, рассматривались уголовно-правовые и оперативно-разыскные аспекты оперативного внедрения – оперативно-разыскного мероприятия, в ходе которого его участники вынужденно причиняют вред охраняемым законом благам. Поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает специального обстоятельства, исключающего преступность такого причинения вреда, имеет место правовая неопределенность и складывается порочная практика: либо внедренные лица необоснованно привлекаются к уголовной ответственности, либо их деяния выводятся из-под действия уголовного закона неформальными договоренностями. *Методы.* При проведении исследования применялись диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. *Результаты.* Установлено, что закрепленные в уголовном законе обстоятельства, исключающие преступность деяния, не охватывают специфики оперативного внедрения. Выявлены два вида пределов правомерного причинения вреда: абсолютные и относительные. Системное толкование норм уголовного и оперативно-разыскного законодательства способствовало обоснованию правомерности вынужденного участия внедренного лица в криминальной деятельности при отсутствии у него преступного умысла. Предложено дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей, закрепляющей специальное обстоятельство, исключающее преступность деяния при проведении оперативно-разыскных мероприятий, а также скорректировать перечень смягчающих обстоятельств и правила назначения наказания для случаев превышения допустимых пределов правомерного причинения вреда.

ВВЕДЕНИЕ

Современная преступность характеризуется высокой степенью организованности, профессионализма и латентности. Преступные сообщества, террористические и экстремистские организации, транснациональные группы, специализирующиеся на незаконном обороте оружия, наркотиков и торговле людьми, тщательно конспирируют свои преступления, активно противодействуют правоохранительным органам, используя коррупционные связи и новейшие технические средства [1, с. 28; 2, с. 18]. В этих условиях традиционные методы выявления, пресечения и раскрытия преступлений часто оказываются недо-

статочно эффективными, а предупреждение особо опасных посягательств становится невозможно без применения негласных способов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) [3, с. 25]. Однако их использование объективно сопряжено с вторжением в охраняемые уголовным законом интересы и неизбежно влечет за собой причинение вреда, пусть и вынужденного, подчиненного публичным целям противодействия преступности [4, с. 45]. Это обуславливает необходимость обращения к такой фундаментальной категории, как вред, которая занимает системообразующее положение в понятийном аппарате уголовного права и теории ОРД.

Sergey V. POPOV,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer of the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
otdeltko270181@yandex.ru

Daniyar V. KAIRGALIEV,
Cand. Sci. (Biology)
LLC «Expert technologies and product certification» (Saratov, Russia)
Expert
danchem@mail.ru

LEGITIMATE HARM DURING OPERATIONAL IMPLEMENTATION: FROM INTERSECTORAL CONFLICT TO LEGISLATIVE SOLUTION

KEYWORDS. Operational investigative activities, operational implementation, criminal law enforcement, causing harm, limits of legality, foreign experience, legislative improvement.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in the article, examined the criminal law and operational-investigative aspects of operational infiltration – an operational-investigative measure during which its participants are forced to cause harm to assets protected by law. Since the Criminal Code of the Russian Federation does not provide for a special circumstance excluding the criminality of such harm, legal uncertainty arises and vicious practices develop: either infiltrators are unjustifiably prosecuted, or their actions are removed from the application of criminal law through informal agreements. *Methods.* The study employed dialectical, formal-legal, comparative-legal methods, and the method of legal modeling. *Results.* It was established that the circumstances enshrined in criminal law excluding the criminality of an act do not cover the specifics of operational infiltration. Two types of limits on the lawful infliction of harm are identified: absolute and relative. A systematic interpretation of criminal and investigative law has helped justify the legality of an undercover agent's forced participation in criminal activity in the absence of criminal intent. It has been proposed to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with an article establishing a special circumstance precluding the criminality of an act during investigative operations, as well as to amend the list of mitigating circumstances and sentencing rules for cases where the permissible limits of lawful harm are exceeded.

С доктринальных позиций вред трактуется как «негативные изменения охраняемых законом благ, наступающие вследствие совершённого деяния» [5, с. 410]. С правовой точки зрения вред может быть как уголовно наказуемым, так и уголовно ненаказуемым. Последний представлен двумя разновидностями:

1) вред, не влекущий ответственности из-за отсутствия необходимых элементов состава преступления (например при малозначительности деяния, невменяемости виновного лица или недостижении им возраста уголовной ответственности);

2) вред правомерный, социально допустимый и находящийся вне сферы уголовной ответственности (например причиняемый при обстоятельствах, исключающих преступность деяния) [5, с. 412].

Вред, причиняемый при производстве оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), относится ко второй разновидности. Этот вывод вытекает из положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), который содержит нормы, допускающие причинение вреда охраняемым интересам, трех видов.

К первому относятся нормы, регламентирующие проведение санкционируемых судом ОРМ, сопряженных с неизбежным вторжением в сферу

конституционно охраняемых прав граждан (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и другие, перечисленные в п.п. 8-11 ч. 1 ст. 6).

Второй вид представлен декларативной нормой, закрепленной в ч. 4 ст. 16. Она провозглашает допустимость вынужденного причинения вреда и гарантирует защиту от преследования при соблюдении установленных условий. Данная норма по своей юридической природе является уголовно-правовой, однако помещена в законодательный акт иной отраслевой принадлежности. Это создает коллизию, поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не предусматривает корреспондирующего обстоятельства, исключающего преступность деяния [6, с. 14]. Судебная практика¹ идет по пути прямого применения ч. 4 ст. 16, однако такой подход не носит системного характера и поэтому не может быть признан удовлетворительным.

Третий вид – нормы, регулирующие проведение ОРМ, когда вред носит не атрибутивный, а вероятностный характер и зависит от складывающейся оперативной обстановки (в первую очередь это относится к оперативному внедрению и оперативному эксперименту). Данные нормы порождают наибольшую правовую неопределенность, поскольку не содержат развернутых критериев

¹ См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2011 № 48-О11-81.

допустимости вынужденного участия содействующего лица в криминальной деятельности.

Оперативное внедрение представляет собой «легендированное проникновение в криминальную среду штатного сотрудника либо конфиденнта для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений». Находясь внутри преступной среды, «внедренное лицо неизбежно совершает действия, формально подпадающие под признаки преступлений (участие в приготовлении к преступлению, пособничество, соисполнительство, вынужденное причинение вреда жизни, здоровью, собственности)» [4, с. 45]. Возникает межотраслевой конфликт: уголовный закон запрещает такие деяния и не содержит специальных положений, легализующих вынужденное причинение вреда в рамках ОРД, тогда как ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД декларирует его допустимость, но она носит бланкетный характер и не подкреплена нормами УК РФ.

Серьезность проблемы отсутствия надлежащего правового регулирования причинения вреда при производстве ОРМ подтверждается результатами проведенного Г.С. Шкабиным опроса 436 сотрудников правоохранительных органов, следователей, прокуроров и судей. Лишь 9,8% респондентов признали возможным применение ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД для квалификации действий внедренного лица. Подавляющее большинство (90,2%) убеждено, что «такие деяния должны оцениваться исключительно через главу 8 УК РФ (обстоятельства, исключающие преступность деяния)» [7, с. 128]. Однако ни необходимая оборона, ни крайняя необходимость, ни обоснованный риск, ни иные законные обстоятельства в полной мере не отвечают специфике такого ОРМ, как оперативное внедрение. Следствием правовой неопределенности стала порочная практика: либо внедренные лица необоснованно привлекаются к уголовной ответственности, либо их деяния искусственно выводятся из-под действия уголовного закона посредством неформальных договоренностей.

Отсутствие в нормативных правовых актах развернутых критериев допустимости вынужденного участия содействующего лица в криминальной деятельности не означает, что их нельзя вывести из системного толкования уголовного и оперативно-разыскного законодательства. Напротив, сопоставление задач УК РФ и целей Закона об ОРД, а также анализ понятийного аппарата обеих отраслей права позволяют обосновать правомерность такого участия и отсутствие у внедренного лица преступного умысла.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил диалектический метод познания социально-правовых явлений, позволивший рассматривать феномен уголовно-правового обеспечения оперативного внедрения в развитии и во взаимосвязи с явлениями, характерными для иных отраслей права, и потребностями правоприменительной практики.

В ходе работы использовался ряд общенаучных методов. Анализ и синтез оказались востребованы

при изучении нормативных правовых актов, теоретических источников и эмпирических данных. Индукция и дедукция были полезны для формулирования общих выводов на основе частных наблюдений и применения общих теоретических положений к конкретным ситуациям оперативного внедрения. Системный подход обеспечил возможность исследовать уголовное и оперативно-разыскное законодательство как элементы единой системы противодействия преступности.

Среди частнонаучных методов ведущую роль сыграл формально-юридический (догматический) метод, посредством которого осуществлялось толкование норм УК РФ, Закона об ОРД, иных федеральных законов и подзаконных актов, выявлялись пробелы и коллизии правового регулирования. Сравнительно-правовой метод был применен для анализа зарубежного опыта правовой регламентации причинения вреда при проведении ОРМ (на примерах таких стран, как Австралия, Канада, Франция, Германия, Италия, Беларусь, Казахстан и США). Метод правового моделирования способствовал разработке проекта новой статьи УК РФ (ст. 39.1) и сопутствующих изменений, которые предлагается внести в законодательство (в ст.ст. 61 и 62 УК РФ).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Содержательное единство задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) и целей оперативно-разыскной деятельности (ст. 1 Закона об ОРД), выражающееся в общей направленности на противодействие преступности и охрану жизни, здоровья, прав, собственности и обеспечение безопасности, служит нормативной основой для легитимации вынужденного участия внедренного лица в деятельности преступных сообществ. Такое единство проявляется и в терминологической корреляции: когда в Законе об ОРД говорится о «подготавливаемом преступлении», то речь, как очевидно, идет о стадии приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ), «совершаемое преступление» – это покушение (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «совершенное» – оконченное преступление. Внедренное лицо «вправе участвовать в действиях, охватываемых указанными стадиями, но исключительно в целях выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступления, а не для его доведения до конца» [8]. Вместе с тем термин «замышляемое преступление», иногда используемый в оперативно-разыскной литературе [8, 9], с точки зрения уголовного права некорректен, поскольку отражает лишь возникновение намерения без каких-либо приготовительных действий. Обнаружение умысла не влечет уголовной ответственности (ч. 2 ст. 30 УК РФ) и не может служить основанием для проведения ОРМ. Следовательно, деятельность внедренного лица всегда должна быть ориентирована на реальные стадии приготовления к преступлению или покушения на его совершение, а не на искусственное формирование умысла у третьих лиц.

Отсутствие умысла у самого внедренного лица обосновывается двумя обстоятельствами. Во-первых, нет совместности действий: внедренное лицо не стремится к достижению общего преступного

результата, а, напротив, принимает меры к его недопущению. Во-вторых, его участие в криминальной деятельности не носит умышленного характера: лицо осознаёт общественную полезность или допустимость своего поведения, что исключает наличие вины. Наиболее приемлемые в данном случае роли – исполнитель (соисполнитель) и пособник. Выполнение организаторских, подстрекательских функций, как правило, недопустимо, поскольку может расцениваться как провокация преступления (ст. 5 Закона об ОРД), то есть склонение лица, не имевшего умысла, к совершению преступления с целью последующего его изобличения [10, с. 69]. В то же время правомерным признаётся склонение участников группы к совершению менее тяжкого преступления (например грабежа вместо разбоя), если это предотвращает наступление более тяжких последствий. Такое склонение не является провокацией, поскольку направлено на уменьшение общественной опасности и не формирует преступного умысла там, где его не было изначально.

Результаты научных исследований показывают, что объектами оперативного внедрения преимущественно становятся групповые образования: «35% – группы лиц по предварительному сговору, более 30% – организованные группы, около 10% – банды и преступные сообщества, 25% – окружение одного лица» [7, с. 159]. Субъектами могут быть как штатные оперативные сотрудники (лица, внедряемые извне), так и конфиденты (лица, уже находящиеся внутри криминальной среды). Исходя из этого, можно сформулировать определение оперативного внедрения: это действия оперативного сотрудника либо конфиденца в криминальной среде, внешне сходные с преступлением, причиняющие правомерный вред и реализуемые в целях выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступления.

Таким образом, даже при отсутствии в законе развернутых критериев допустимости вынужденного участия внедренного лица в преступной деятельности системное толкование уголовного и оперативно-разыскного законодательства позволяет обосновать правомерность такого участия и констатировать отсутствие у названного лица умысла на совершение преступлений.

Попытка урегулировать вопрос об уголовно-правовом статусе лиц, внедренных в криминальную среду, была предпринята в России еще в 1995 году в рамках проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью»¹. Однако законопроект Президентом Российской Федерации в представленной ему на рассмотрение редакции был отклонен. В то же время многие государства (Казахстан, Германия, Канада, США, Италия, Франция, Беларусь, Австралия) накопили значительный опыт правовой регламентации причинения вреда при проведении ОРМ. Его изучение, по нашему мнению, весьма полезно для отечественного законодателя. В зарубежной практике в этой сфере выделяются три основных подхода. Первый (Австралия, Канада, Франция) – осуществление регулирования нормами процессуального

или специального законодательства, сочетающего материальные и процессуальные начала. Например, в австралийском Законе о преступлениях 1914 года (в редакции 2016 года) речь идет о «контролируемом поведении», которое признавалось бы уголовно наказуемым, если не был бы соблюден ряд условий (запрет на причинение смерти, серьезных травм и совершение сексуальных преступлений). Второй подход (Германия, Италия) основан на применении общих норм уголовного закона о крайней необходимости или исполнении обязанности: § 34 УК ФРГ (правомерная крайняя необходимость), ст. 51 УК Италии (осуществление права или исполнение обязанности). Третий подход (Беларусь, Казахстан) предполагает закрепление «специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния», непосредственно в уголовных кодексах. Наиболее удачной может быть признана регламентация причинения вреда при проведении ОРМ, закрепленная ст. 35 УК Республики Казахстан («Осуществление оперативно-разыскных мероприятий или негласных следственных действий»). Здесь даны четкие критерии правомерности: наличие законных оснований, соразмерность (причиняемый вред должен быть менее значителен, чем вред от правонарушения), вынужденность. Особняком стоит опыт США, где рассматриваемый нами вопрос законодательно не регулируется, а неприкосновенность тайных агентов обеспечивается через отрицание умысла либо доктрину «защиты государственной власти» (public authority defense); границы допустимого поведения фактически определяются ведомственными инструкциями [11, с. 54].

Иной подход сложился в России, где ситуация причинения вреда при оперативном внедрении характеризуется дуалистической природой [12, с. 45]. С одной стороны, это объективное существование угроз охраняемым интересам, подтвержденное фактическими основаниями, перечисленными в п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД (сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а равно о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших) [13, с. 63]. С другой стороны, это вынужденность действий внедренного лица, обусловленная необходимостью сохранения легенды, предотвращения расшифровки и выполнения поставленных задач [14, с. 60]. Вынужденность носит объективный характер и означает, что достижение целей ОРД иными, не связанными с причинением вреда, средствами в конкретной обстановке невозможно или крайне затруднительно. Разграничение вреда по его функциональной роли позволяет выделить вспомогательный вред, обеспечивающий возможность внедрения и сохранения легенды (в том числе приобщение наркотических средств в рамках проверочной закупки, изготовление подложных документов), и сопутствующий вред, неизбежно формирующийся в связи с самим фактом нахождения внутри преступной группы и участия в ее деятельности (например непосредственное пособничество в совершении преступлений).

¹ Проект Федерального закона № 94800648-1 «О борьбе с организованной преступностью» // СПС «КонсультантПлюс».

Существует два вида пределов допустимости вреда, причиняемого при оперативном внедрении, обуславливающих критерии его правомерности. Абсолютные (конкретно-определенные) пределы устанавливают безусловный запрет: ни при каких обстоятельствах не допускаются причинение смерти, тяжкого вреда здоровью, нарушение половой неприкосновенности и половой свободы. Недопустимость причинения смерти невиновному человеку при осуществлении ОРД обосновывается абсолютной ценностью человеческой жизни, закрепленной в Конституции Российской Федерации и международных актах. Даже в ситуации «коллизии жизней» внедренное лицо не вправе умышленно причинять смерть. Исключения составляют лишь случаи необходимой обороны, крайней необходимости или физического принуждения, однако они выходят за рамки собственно оперативного внедрения и должны оцениваться по общим правилам. Относительные (соразмерные) пределы требуют сравнения вреда, который причиняется в ходе оперативного внедрения, с тем вредом, который исходит от выявляемого, предупреждаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления [15, с. 61]. Экстремальный характер оперативного внедрения исключает требование точного расчета внедренным лицом баланса вреда. Правомерность определяется соразмерностью: вред не признается преступным, если он не превышает (или незначительно превышает) вред от преступления, для противодействия которому проводится ОРМ. Напротив, явное несоответствие вреда тяжести выявляемого, предупреждаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления квалифицируется как превышение пределов допустимого, он влечет за собой уголовную ответственность, но лишь при умышленной форме вины.

Действующее законодательство не содержит нормы, легализующей вынужденное причинение вреда в рамках ОРМ и определяющей критерии его правомерности. В связи с этим, по нашему мнению, существует необходимость закрепления специального обстоятельства, исключającego в подобных случаях преступности деяния. Считаем, что УК РФ целесообразно дополнить новой статьей – 39.1, предусматривающей такое обстоятельство. Расположить ее следует в гл. 8 после статьи о крайней необходимости, поскольку рассматриваемое нами обстоятельство имеет схожую правовую природу.

Кроме того, для системного совершенствования законодательства предлагаем скорректировать перечень смягчающих обстоятельств (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), дополнив его указанием на причинение вреда при проведении ОРМ. Это позволит рассма-

тривать нарушение условий правомерности такого вреда в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Стоит также дополнить ст. 62 УК РФ правилом, ограничивающим наказание в случае превышения предела допустимости причинения вреда при проведении ОРМ: его срок или размер, на наш взгляд, не должны быть больше трех четвертей максимального значения, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Вместе с тем предлагаем отказаться от использования в Законе об ОРД термина «замышляемое преступление», так как он не имеет уголовно-правового значения. Вместо него нужно закрепить положение, обязывающее оперативные подразделения выявлять лиц, выразивших намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу.

Разработанные нами предложения направлены на устранение правовой неопределенности, гармонизацию уголовно-правовых и оперативно-разыскных норм, а также на обеспечение законности при осуществлении оперативного внедрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют: неопределенность правового положения лиц, участвующих в оперативном внедрении, вызвана отсутствием в УК РФ специальной нормы, которая признавала бы правомерным вынужденное причинение вреда в ходе ОРМ. Предусмотренная ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД возможность освобождения от ответственности носит бланкетный характер и не может служить надежным основанием для оправдания содействующих лиц. При этом обращает на себя внимание тот факт, что обстоятельства, перечисленные в гл. 8 УК РФ, не учитывают в полной мере особенностей оперативного внедрения.

Системное толкование уголовного и оперативно-разыскного законодательства позволило обосновать правомерность вынужденного участия внедренного лица в криминальной деятельности и отсутствие у него преступного умысла. Вместе с тем для устранения правовых коллизий и единообразной правоприменительной практики требуется законодательное закрепление специального обстоятельства, исключającego преступность деяния в случае вынужденного причинения вреда в рамках ОРМ. Реализация сформулированных нами предложений позволит обеспечить законные интересы лиц, осуществляющих оперативное внедрение, повысить эффективность противодействия организованной преступности и укрепить системность правового регулирования в сфере уголовной и оперативно-разыскной политики государства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
2. Алексеева А.П. Цифровизация наркопреступлений и меры противодействия им // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 16-19.

3. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-разыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
4. Поляков А.В. Разделение оперативно-разыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Так ли это необходимо? // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-46.
5. Случевская Ю.А. Критерии криминализации деяний, причиняющих вред окружающей среде // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы XIV Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 410-413.
6. Алексеева А.П., Анисимова Т.В., Третьяков Ю.В. Законодательные инициативы в сфере расширения пределов необходимой обороны жилища: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2022. С. 14-16.
7. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: Монография. М.: Юриспруденция, 2025. 270 с.
8. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.
9. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.
10. Поляков А.В., Герасимов А.В. Оперативная комбинация: провокация или нет? // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 68-70.
11. Мишугис-Бекер Г.С. Институт освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах // Российский следователь. 2024. № 5. С. 52-56.
12. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.
13. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2025. С. 63-66.
14. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
15. Курнавин С.С., Шарун В.В. Выявление и розыск преступников по малозаметным признакам, словесному портрету и приметам // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 60-61.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
2. Alekseyeva A.P. Tsifrovizatsiya narkoprestupleniy i mery protivodeystviya im // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 16-19.
3. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-razysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.
4. Polyakov A.V. Razdeleniye operativno-razysknoy, razvedyvatel'noy i kontrrazvedyvatel'noy deyatel'nostey. Tak li eto neobkhodimo? // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-46.
5. Sluchevskaya Yu.A. Kriterii kriminalizatsii deyaniy, prichinyayushchikh vred okruzhayushchey srede // Obshchestvennaya opasnost' v ugovnom, ugovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: Materialy XIV Rossiyskogo kongressa ugovnogo prava. M.: Yurlitinform, 2024. S. 410-413.

6. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V., Tret'yakov Yu.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere rasshireniya predelov neobkhodimoy oborony zhilishcha: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2022. S. 14-16.

7. Shkabin G.S. Ugolovno-pravovoye obespecheniye operativnogo vnedreniya: Monografiya. M.: Yurisprudentsiya, 2025. 270 c.

8. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy YUI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.

9. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknogo obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.

10. Polyakov A.V., Gerasimov A.V. Operativnaya kombinatsiya: provokatsiya ili net? // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 68-70.

11. Mishugis-Beker G.S. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti v zarubezhnykh stranakh // Rossiyskiy sledovatel'. 2024. № 5. S. 52-56.

12. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

13. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2025. S. 63-66.

14. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

15. Kurnavin S.S., Sharun V.V. Vyyavleniye i rozysk prestupnikov po malozametnym priznakam, slovesnomu portretu i primetam // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 60-61.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Попов С.В., Кайргалиев Д.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В., Кайргалиев Д.В. Правомерный вред при оперативном внедрении: от межотраслевой коллизии к законодательному решению // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 30-36.

Даниил Георгиевич ШАШИН,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-2761-0285

Омская академия МВД России (г. Омск)

докторант научно-исследовательского отдела

Shashin06@mail.ru

Научная статья

УДК 340.132.8:[340.131.4:343.102]

ТИПОЛОГИЯ КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Законность, оперативно-разыскная деятельность, контроль, специальные гарантии, обеспечение гарантий, система, типология контроля.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Правоохранительная деятельность государства, в том числе оперативно-разыскная, объективно нуждается в системе обеспечения законности. Сотрудники осуществляющих ее подразделений вторгаются в частную жизнь граждан, ограничивают права и интересы лиц, вовлеченных в оперативно-разыскные правоотношения, что может повлечь их необоснованное и незаконное нарушение. Законодательством предусмотрены специальные гарантии обеспечения законности оперативно-разыскной деятельности. Их ключевым элементом является контроль деятельности оперативных подразделений. Однако этот институт недостаточно изучен с позиций его типологизации. Решение данной проблемы представляется весьма актуальным для теории оперативно-разыскной деятельности. *Методы.* В ходе исследования были использованы методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования. *Результаты.* Автор приходит к выводу о том, что контроль представляет собой прием (способ), составляющий ядро специальных (правовых, юридических) гарантий законности. Методологические процедуры логического деления позволили типологизировать контроль на основе наиболее важных его признаков. Дальнейшее исследование контроля в системе гарантий законности оперативно-разыскной деятельности может позволить взглянуть на контроль под иным углом зрения, что не исключает выявления новых оснований для его разделения на виды.

ВВЕДЕНИЕ

Любое общество нуждается в упорядочении своих социальных процессов, что детерминирует необходимость выработки правил (например общения, субординации, уважения к старшим и т.д.), а соответственно, и установления контроля за их соблюдением. Данные правила формируются длительное время, нередко несколькими поколениями людей, поддерживаются и развиваются при условии отсутствия деградации общественного сознания под воздействием тех или иных факторов (вседозволенность, упадок морали, рост конфликтности и т.п.). Правила могут быть неформальными (религиозные, этические и т.д.) и формально определенными, закрепленными в праве, то есть представленными в виде положений нормативных правовых актов.

Контроль неизбежно присутствует в любой деятельности людей, если в ней участвуют больше одного человека. Или даже один, если говорить о дееспособности, то есть способности контролировать свое поведение и нести за него ответственность [1]. В научном дискурсе деятельность по поддержанию порядка в обществе нередко рас-

сматривается в качестве социального контроля. Субъектами такого контроля являются человек, социальные группы, государство, общество в целом. Несмотря на то, что контроль исследуется главным образом в контексте государственного управления, он присущ всем сферам деятельности. Обратим внимание на наличие контроля со стороны общества за функционированием государства и его органов. Его значимость подчеркивается в последнее время принятием законов об общественном контроле. В данном случае государство предстает элементом структуры более высокого порядка – политической организации общества, а наблюдение и проверка становятся способами (методами) контроля за соблюдением законности в работе государственного аппарата, в том числе и в сфере оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД).

Отметим, что большое количество исследований посвящается государственному контролю [2], а негосударственный (общественный) контроль стал предметом интереса ученых относительно недавно [3]. Это объясняется тем, что он стал занимать весьма значимое место в общественных и

Daniil G. SHASHIN,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-2761-0285

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russia)

Doctoral Student of the Research Department

shashin06@mail.ru

TYPOLOGY OF CONTROL IN THE SYSTEM OF GUARANTEES FOR ENSURING THE LEGALITY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Legality, operational investigative activities, control, special guarantees, ensuring guarantees, system, typology of control.

ANNOTATION. *Introduction.* Law enforcement activities of the state, including operational investigative activities, objectively require a system for ensuring the rule of law. Employees of the units implementing these activities invade the privacy of citizens, limit the rights and interests of persons involved in operational investigative legal relations, which may lead to their unjustified and illegal violation. Legislation provides for special guarantees to ensure the legality of operational investigative activities. Their key element is control over the activities of operational units. However, this institution has not been sufficiently studied in terms of its typology. The solution to this problem appears to be highly relevant for the theory of operational investigative activities. *Methods.* The study utilized the methods of analysis, synthesis, induction and deduction, and abstraction. *Results.* The author concludes that control is a technique (method) that forms the core of special (legal, juridical) guarantees of legality. Methodological procedures of logical division made it possible to typologize control based on its most important features. Further research into control in the system of guarantees of the legality of operational investigative activities may allow us to look at control from a different angle, which does not exclude the identification of new grounds for its division into types.

государственных процессах современной России. По мнению авторов научных трудов, система контроля имеет более чем тысячелетнюю историю [4, с. 39]. В России в дореволюционный период общественный контроль фактически не использовался, так как большинство населения страны находилось в той или иной форме зависимости [5, с. 89; 6, с. 6]. В советский период он был представлен в виде мощной системы народного контроля. После распада СССР институт общественного контроля долго оставался в тени, и только в начале 2000-х годов на него вновь стали обращать внимание ученые и представители власти. Это связано прежде всего с появлением Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Благодаря принятию Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» данный институт официально был закреплен в качестве инструмента контроля за деятельностью органов внутренних дел. На важность взаимного контроля общества и государства указывал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В.В. Путин¹.

Понятия «контроль» и «надзор» впервые были использованы в Федеральном законе от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)». При этом законодатель не определил различий в их содержании, дав им равнозначное толкование.

Для решения задач управления востребованы институты, главное предназначение которых – обеспечение законности в деятельности органов государственной власти. Одним из важнейших организационно-правовых способов обеспечения законности является институт контроля [7, с. 13;

8, с. 156-158]. Такой подход, предложенный учеными еще в прошлом столетии, остается актуальным и сегодня.

Необходимость в контроле обнаруживается не только в сфере деятельности государственных структур. Он представляет собой форму участия граждан в управлении государством. В данном случае речь о реализации контрольной функции в отношении государства в виде общественного контроля. Большое значение контроль имеет и для ОРД как специфической государственно-правовой формы борьбы с преступностью и одного из видов деятельности органов исполнительной власти. Как вид управленческой деятельности он задекларирован в ряде статей Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст.ст. 20-22) и выступает в качестве способа (приема) функционирования гарантий законности ОРД.

Контроль позволяет получить информацию о состоянии законности в аппарате государственно-го управления, о содержании и направленности его деятельности, что способствует исполнению нормативных правовых актов, регулирующих те или иные общественные отношения. Он способствует повышению ответственности должностных лиц управленческого аппарата за надлежащее выполнение своих обязанностей. Кроме того, контроль предоставляет возможность проверять соответствие актов управления Конституции Российской Федерации и законодательству и в случае необходимости принимать меры к восстановлению данного соответствия [9, с. 31].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что контроль является ключевым способом обеспечения гарантий законности в деятельности органов, осуществляющих ОРД.

¹ См., например: Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 06.02.2012.

МЕТОДЫ

Для уяснения сущности исследуемого института важно представить целостную систематизированную картину видов контроля в сфере ОРД. В целях систематизации объектов в науке используются методологические процедуры классификации и типологизации. Выбор зависит от уровня изученности объектов в той или иной области знаний и исследовательской задачи.

Контроль многообразен, что обусловлено объективными факторами: большим числом субъектов, осуществляющих контроль от имени государства; принадлежностью этих субъектов к разным ветвям власти; наличием контроля со стороны граждан, общества в целом; различиями в предметах контроля и, как следствие, появлением индивидуальных форм контроля; различиями в последствиях контрольных мероприятий и т.д. [10].

Система контроля в сфере ОРД неоднородна, его формы функционируют в различных условиях (период, время, последовательность контрольных действий; состав участников правоотношений; организация проведения и т.д.). Контроль как часть системы обеспечения гарантий законности в науке ОРД недостаточно изучен, по крайней мере, в том аспекте, в каком он изучается нами. Эти обстоятельства препятствуют его полноценной классификации. Применительно к предмету исследования представляется затруднительным выявить все основания для классификации контроля в сфере ОРД, так чтобы они находились в строгой иерархии от простого к сложному, а каждый новый выявленный класс не находился бы в зоне классификации по иному основанию в силу его малой изученности в данной области знаний.

В последние десятилетия как в теоретико-правовых, так и в специальных отраслевых исследованиях широкое распространение получило понятие типологизации [11, с. 86-87]. Ее можно представить как процесс деления рода на виды, понятия – на составляющие его элементы [12, с. 70]. Типологизация правовых явлений осуществляется в рамках ряда последовательных этапов (стадий): 1) определение и анализ критериев (оснований) для деления изучаемых объектов или явлений; 2) установление признаков объектов (явлений), объединяющих их в определенный класс (группу); 3) непосредственное группирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Применение метода типологизации позволило нам выявить критерии деления контроля в сфере ОРД на виды и объединить эти виды в группы по разным основаниям.

1. В зависимости от отношения к государственной власти контроль в сфере ОРД разделяется на государственный и негосударственный. В жизни общества преобладает государственный контроль, он осуществляется органами государства и его институтами; негосударственный представлен общественным контролем. Его субъектами являются граждане и институты гражданского общества (общественные палаты и наблюдательные комиссии, некоммерческие организации, общественные инспекции, группы общественного контроля и т.д.).

2. В зависимости от наличия субординационных отношений между субъектом контроля и его объектом выделяются контроль внешний (вневедомственный, надведомственный) и внутренний (внутриведомственный). Первый осуществляется субъектом контроля в отношении неподчиненных ему объектов, второй – в отношении подчиненных объектов.

Внешний вневедомственный контроль осуществляется извне по отношению к объекту контроля, его субъект находится вне контролируемой им системы. По этому критерию происходит отграничение от ведомственного контроля. По признаку иерархического положения субъекта в системе государственной власти в структуре вневедомственного контроля выделяется надведомственный контроль: субъект контроля занимает вышестоящее положение по отношению к объекту. В чистом виде это, например, президентский контроль, с определенной долей условности – правительственный контроль. Вывод сделан в силу того, что Президент Российской Федерации руководит деятельностью ряда федеральных органов исполнительной власти, в частности ведающих вопросами внутренних дел. Он утверждает положения об этих органах, назначает их высших руководителей, осуществляет иные полномочия как Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации. Правительство же лишь координирует деятельность этих органов, не вмешиваясь в осуществление ими деятельности, и может как вышестоящий орган исполнительной власти заслушать доклад на своем заседании (например министра внутренних дел по вопросам компетенции МВД, в том числе в сфере ОРД).

3. В зависимости от стадии контрольных мероприятий (временной критерий) выделяются: предварительный контроль – при принятии решений; текущий контроль – в процессе оперативной управленческой деятельности; последующий контроль – в отношении полученных от принятого решения результатов; отложенный контроль (характерен для ОРД, когда, например, результаты оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) могут изучаться только после их проведения и возникновения права на ознакомление с уголовным делом у стороны защиты (ст. 217 УПК РФ) или общественности в процессе судебного рассмотрения уголовного дела, содержащего результаты ОРД).

4. В зависимости от предмета контроля: общий контроль, осуществляемый комплексно в отношении всей сферы компетенции подконтрольного объекта (ведомственный контроль ОРД), и специальный контроль, который осуществляется в отношении определенного круга вопросов деятельности либо конкретной специальной функции подконтрольного объекта (ведомственный финансовый контроль ОРД или правовой контроль ОРД [13]).

5. В зависимости от периодичности проведения контрольных мероприятий выделяются: плановый контроль и внеплановый, проводимый эпизо-

дически в связи с решением вышестоящего руководителя или органа, осуществляющего ОРД.

6. В зависимости от наличия повода для проведения контрольных мероприятий выделяется: контроль по «инициативе сверху» – в связи с появлением у субъекта контроля в отношении подконтрольного объекта информации о нарушении (жалобы, обращения, заявления); и контроль по «инициативе снизу» – в связи с обращением объекта контроля к субъекту, в результате чего субъект вынужден проводить контрольные мероприятия (его осуществляют, например, Минюст России при поступлении нормативного правового акта в сфере ОРД, требующего регистрации, и Минфин России при рассмотрении проекта ассигнований на обеспечение ОРД).

7. По степени обязательности контроль разделяется на обязательный и факультативный. Контрольные мероприятия обязательного характера проводятся в случаях, предусмотренных законом. Факультативный контроль осуществляется в зависимости от усмотрения контролирующего субъекта [14]. Например, когда в рамках ОРД ограничению подлежат конституционные права граждан, обязательна процедура судебного контроля [15, с. 33-34], судья может потребовать представить те или иные материалы, касающиеся оснований для производства инициируемого ОРМ.

8. В зависимости от правовых последствий выделяются консультативный контроль, в рамках которого контролирующий субъект принимает решения рекомендательного характера, и упреждающий контроль, когда решения субъекта имеют обязательную юридическую силу для подконтрольного объекта¹. Это характерно для ведомственного контроля в сфере ОРД.

9. В зависимости от наличия промежуточных звеньев между субъектом и объектом контроля следует выделить непосредственный контроль (например ведомственный) и опосредованный контроль (например президентский, осуществляемый через Контрольное управление при Президенте Российской Федерации или полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах).

10. В зависимости от субъекта осуществления выделяются: неспециализированный контроль – президентский, парламентский, контроль органов исполнительной власти, контроль судов общей юрисдикции; специализированный контроль – судебный конституционный контроль, контроль Уполномоченного по правам человека (омбудсмена); и прокурорский надзор [16, с. 217, 219]. В последнем случае «надзор» следует рассматривать как традиционное наименование отдельных видов контроля, и не более того [17, с. 52]. Включая прокурорский надзор в типологию контроля, мы подчеркиваем, что, по нашему мнению, надзор – это вид контроля. Предметом контроля является не только законность, но и целесообразность действий подконтрольных субъектов. При надзоре проверяется лишь соответствие действий поднадзорных субъектов установленным правилам. Раз-

личие между надзором и контролем заключается в широте охвата обследованием контролируемой сферы деятельности, а также в специфике методов и правовых форм воздействия.

11. Исходя из того, что субъект и объект контроля находятся в иерархическом взаимоположении, есть основания выделять вертикальный (руководители оперативных подразделений по отношению к подчиненным сотрудникам; вышестоящие органы по отношению к нижестоящим подразделениям) и горизонтальный (осуществляемый контрольно-ревизионными подразделениями, штабами, подразделениями делопроизводства и режима, правовыми подразделениями в отношении не подчиненных им оперативных подразделений) контроль.

12. В зависимости от объема контрольной деятельности выделяются: сплошной (осуществляется в отношении всего объема полномочий подконтрольного объекта) и выборочный (осуществляется в отношении отдельных сфер либо функций подконтрольного объекта) контроль. Это, например, правовой и финансовый контроль в структуре ведомственного контроля в сфере ОРД.

13. На несколько видов контроль может быть разделен по способу его организации: инспектирование, инспекторская проверка, контрольная проверка, комплексный выезд, отраслевая проверка, выборочная проверка (целевая, предметная).

14. На основе конституционного принципа разделения властей выделяется контроль в сфере ОРД со стороны законодательной, исполнительной и судебной власти.

15. С учетом полномочий, предоставленных контролирующему субъекту, контроль можно разделить на осуществляемый на федеральном, межрегиональном (по федеральным округам), региональном (в субъекте федерации) и районном уровнях.

16. В зависимости от направленности и характера контрольной деятельности выделяются следующие виды контроля: стратегический (президентский), тактический (ведомственный регионального уровня), оперативный (ведомственный районного уровня).

17. В зависимости от того, какой объект (орган, осуществляющий ОРД) является подконтрольным, также можно выделить несколько видов контроля: осуществляемый в оперативных подразделениях органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы охраны, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки, Министерства обороны Российской Федерации.

18. По объему и назначению контроль подразделяется на зональный, особый, отраслевой (применительно к органам внутренних дел).

19. По способу получения сведений о деятельности подконтрольного объекта выделяются фактический (непосредственное изучение деятельности) и документальный (документальная проверка расходования средств, выделяемых на осуществ-

¹ Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. С. 99.

вление ОРД, органами финансового контроля) контроль.

20. В зависимости от цели осуществления (проверка законности, эффективности, результативности, целесообразности либо проверка только законности) выделяются собственно контроль и надзор (суженный контроль).

21. В зависимости от количества контрольных мероприятий (количественный критерий) выделяется: первичный контроль, как, например, предварительный судебный контроль, осуществляемый при принятии решений до производства ОРМ судом первой инстанции; повторный предварительный судебный контроль при обращении в вышестоящий суд в случае отказа, полученного в нижестоящем суде, как это предусмотрено ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; дополнительный предварительный контроль, осуществляемый при принятии решения о продлении производства дальнейшего ОРМ после санкционирования судом первой инстанции.

22. В зависимости от профессионального аспекта деятельности контролирующего субъекта выделяются профессиональный (осуществляемый судом, прокуратурой, руководителем, Уполномо-

ченным по правам человека, адвокатами, представителями средств массовой информации) и непрофессиональный (проводимый гражданами, общественностью) контроль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контроль представляется способом, приемом, средством обеспечения законности ОРД. Как составляющий содержание любого элемента системы гарантий законности ОРД, контроль в данной сфере изучен пока недостаточно. Вместе с тем посредством типологизации выявляется большое количество критериев для деления контроля на виды (группы). Приведенный нами выше перечень не является исчерпывающим, так как многообразие контроля может оставить за пределами поля зрения исследователя какие-либо его грани (виды, формы). Проведение тех или иных методологических операций открывает возможность посмотреть на контроль под разными углами зрения, что не исключает выявления новых оснований для группирования его видов.

Проведенная нами процедура типологизации позволяет отграничить контроль от надзора, что, в свою очередь, препятствует смешению этих понятий в нормативных правовых актах и в правоприменительной практике. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): Монография. М.: Контракт, 2023. 232 с.
2. Харитонов А.Н. Государственный контроль над преступностью: теоретические и правовые проблемы: Монография. Омск: Омский ЮИ МВД России, 1997. 239 с.
3. Зубарев С.М. Процессуальная природа контроля и надзора // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 10-14.
4. Пахомова Г.Н. Реформы государственного контроля // Контроллинг. 1994. № 2. С. 34-40.
5. Ялбулганов А.А. Зарождение государственного контроля в России во второй половине XVII-XVIII в. (историко-правовое исследование) // Государство и право. 2001. № 10. С. 89-97.
6. Тарасов А.М. Становление и развитие государственного контроля на Руси (дооктябрьский период) // История государства и права. 2002. № 2. С. 6-15.
7. Тарасов А.М. Государственный контроль в России. М.: Континент-Пресс, 2008. 671 с.
8. Лунев А.Е. Теоретические проблемы государственного управления. М., 1974. 246 с.
9. Тарасов А.М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26-36.
10. Бурмистров А.С. Структура контрольной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 4. С. 11-15.
11. Коновалов С.И., Маркова-Мурашова С.А. Систематизация и типологизация как методологические процедуры правовых исследований // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 86-96.
12. Щербаковский Г.З., Маркова-Мурашова С.А., Биктасов О.К., Ильичев В.В. Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-правовых исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С. 67-73.
13. Шашин Д.Г. Правовой контроль как специализированный вид ведомственного контроля законности оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 40-48.
14. Алексеев Д.Б. Система государственной контрольной деятельности // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1131-1137.
15. Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: Монография. М.: Проспект, 2019. 336 с.
16. Махрова М.В. Государственный контроль в сфере исполнительной власти Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3. С. 212-220.
17. Кудилинский М.Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 47-52.

REFERENCES

1. Zyryanov S.M. Gosudarstvennyy kontrol' (nadzor): Monografiya. M.: Kontrakt, 2023. 232 s.
2. Kharitonov A.N. Gosudarstvennyy kontrol' nad prestupnost'yu: teoreticheskiye i pravovyye problemy: Monografiya. Omsk: Omskiy YUI MVD Rossii, 1997. 239 s.
3. Zubarev S.M. Protsessual'naya priroda kontrolya i nadzora // Administrativnoye pravo i protsess. 2016. № 2. S. 10-14.
4. Pakhomova G.N. Reformy gosudarstvennogo kontrolya // Kontrolling. 1994. № 2. S. 34-40.
5. Yalbulganov A.A. Zarozhdeniye gosudarstvennogo kontrolya v Rossii vo vtoroy polovine XVII-XVIII v. (istoriko-pravovoye issledovaniye) // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 10. S. 89-97.
6. Tarasov A.M. Stanovleniye i razvitiye gosudarstvennogo kontrolya na Rusi (dooktyabr'skiy period) // Istoriya gosudarstva i prava. 2002. № 2. S. 6-15.
7. Tarasov A.M. Gosudarstvennyy kontrol' v Rossii. M.: Kontinent-Press, 2008. 671 s.
8. Lunev A.Ye. Teoreticheskiye problemy gosudarstvennogo upravleniya. M., 1974. 246 s.
9. Tarasov A.M. Gosudarstvennyy kontrol': sushchnost', sodержaniye, sovremennoye sostoyaniye // Zhurnal rossiyskogo prava. 2002. № 1. S. 26-36.
10. Burmistrov A.S. Struktura kontrol'noy vlasti v Rossii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. 2009. № 4. S. 11-15.
11. Konovalov S.I., Markova-Murashova S.A. Sistematizatsiya i tipologizatsiya kak metodologicheskiye protsedury pravovykh issledovaniy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. 2012. № 1-2. S. 86-96.
12. Shcherbakovskiy G.Z., Markova-Murashova S.A., Biktasov O.K., Il'ichev V.V. Klassifikatsiya i tipologizatsiya kak metodologicheskiye protsedury teoretiko-pravovykh issledovaniy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 1 (29). S. 67-73.
13. Shashin D.G. Pravovoy kontrol' kak spetsializirovannyy vid vedomstvennogo kontrolya zakonnosti operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2 (59). S. 40-48.
14. Alekseyev D.B. Sistema gosudarstvennoy kontrol'noy deyatel'nosti // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. 2015. № 11. S. 1131-1137.
15. Gusev V.A., Lugovik V.F. Teoriya operativno-rozysknykh protsedur: Monografiya. M.: Prospekt, 2019. 336 s.
16. Makhrova M.V. Gosudarstvennyy kontrol' v sfere ispolnitel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 3. S. 212-220.
17. Kudilinskiy M.N. Kontrol' kak vid gosudarstvenno-upravlencheskoy deyatel'nosti. Sootnosheniye ponyatiy «kontrol'» i «nadzor» // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2015. № 8 (57). S. 47-52.

© Шашин Д.Г., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шашин Д.Г. Типология контроля в системе гарантий обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 37-42.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мария Юрьевна ТАРАСОВА,

кандидат юридических наук, доцент

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники

tarasovawo.mariya@yandex.ru

Михаил Александрович БУГЕРА,

доктор юридических наук, доцент

Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)

профессор кафедры уголовного права и криминологии

ma.bugera@mail.ru

Научная статья

УДК 343.85:[343.9.024:004]

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ТРИ ВЕКТОРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Противодействие преступности, цифровая преступность, киберпреступление, информационно-телекоммуникационные технологии, средства сотовой связи, беспилотное воздушное судно.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Цифровая преступность стала магистральным вектором эволюции противоправной деятельности: от массовых телефонных мошенничеств до атак на критически важную инфраструктуру. Особое место в ней занимают операции с SIM-картами и смартфонами, включая кражи устройств с последующей легализацией через изменение IMEI-номеров. Новая угроза связана с расширением использования в криминальных целях беспилотных воздушных судов, управление которыми нередко осуществляется через сети сотовой связи. Противодействие таким вызовам со стороны преступного мира требует от государства не точечных, а системных мер. **Методы.** В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были востребованы абстрагирование, обобщение и статистический метод. **Результаты.** В 2025 году в России впервые удалось добиться снижения числа цифровых преступлений. В качестве ключевого инструмента была использована государственная информационная система, объединившая данные правоохранительных органов, операторов связи и регуляторов. Внедрен механизм временной блокировки иностранных SIM-карт, а все беспилотные воздушные суда оснащаются средствами удаленной идентификации с интеграцией в систему «ЭРА-ГЛОНАСС». Законодательным ответом на хищения смартфонов стало создание единого реестра IMEI с привязкой к SIM-карте. Тем не менее сохраняется значительный правовой пробел – отсутствие уголовной ответственности за перепрограммирование IMEI. В связи с этим авторами предлагаются направления совершенствования законодательства с учетом зарубежного опыта и рисков переходного периода.

ВВЕДЕНИЕ

Современный уровень технической оснащенности преступной деятельности не позволяет рассматривать сегодня цифровую преступность в качестве частной криминалистической проблемы или второстепенного явления. Напротив, данный криминальный сегмент выступает одним из магистральных векторов эволюции преступности в XXI веке. Деяния, совершаемые с применением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), трансформирова-

лись из экзотических форм в повседневную реальность, охватывая спектр от массовых веерных телефонных мошенничеств до целевых атак на объекты критической инфраструктуры [1, с. 76]. Особое место в структуре цифровой преступности занимают противоправные операции, непосредственно связанные с использованием SIM-карт и смартфонов: фишинговые рассылки, хищения денежных средств со счетов граждан, а также кражи самих мобильных устройств с последующей их «легализацией» через изменение идентифи-

Maria Yu. TARASOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment

tarasovawo.mariya@yandex.ru

Mikhail A. BUGERA,

Doctor of Law, Associate Professor

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnodar, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

ma.bugera@mail.ru

COUNTERING DIGITAL CRIME: THREE VECTORS OF LEGISLATIVE INITIATIVES

KEYWORDS. Countering crime, digital crime, cybercrime, cellular communications, unmanned aerial vehicles, information and telecommunications technologies.

ANNOTATION. *Introduction.* Digital crime has become the main vector of the evolution of illegal activity: from mass telephone fraud to attacks on critical infrastructure. A special place in this trend belongs to transactions with SIM cards and smartphones, including the theft of devices followed by legalization by changing IMEI numbers. A new threat is associated with the increasing use of unmanned aerial vehicles for criminal purposes, which are often controlled via cellular networks. Countering such challenges from the criminal underworld requires systemic rather than targeted measures from the state. *Methods.* The study, the results of which are presented in the article, employed a general scientific dialectical method of understanding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, examining the connections and contradictions between them. Abstraction, generalization, and statistical methods were also required. *Results.* In 2025, Russia achieved a reduction in the number of digital crimes for the first time. The key tool was a state information system that combined data from law enforcement agencies, telecom operators, and regulators. A temporary blocking mechanism for foreign SIM cards has been implemented, and all unmanned aerial vehicles are equipped with remote identification systems integrated into the ERA-GLONASS system. The legislative response to smartphone theft has been the creation of a unified IMEI registry linked to SIM cards. However, a significant legal gap remains: the lack of criminal liability for IMEI reprogramming. Therefore, the authors propose areas for legislative improvement, taking into account international experience and the risks of the transition period.

кационных номеров (IMEI) [2, с. 25]. Принципиально важно, что те же каналы сотовой связи и те же инструменты (SIM-карты, идентификаторы устройств) всё чаще используются для совершения преступлений других видов. Параллельно с эскалацией классических киберугроз в последние годы обозначился качественно новый вызов – применение беспилотных воздушных судов (далее – БВС) в криминальных целях, включая разведывательные и ударные операции со стороны недружественных государств. Управление такими аппаратами нередко осуществляется дистанционно через сети сотовой связи, что делает контроль за SIM-картами и мобильными устройствами критически значимым и для противодействия беспилотной угрозе. Оба описанных выше явления (и связанные с ними хищения средств сотовой связи) требуют не разрозненных, точечных мер, а системной, внутренне согласованной работы, адекватной масштабу угроз.

Проведенное нами исследование имело следующие цели: выявить специфику цифровых преступлений, совершаемых с использованием SIM-карт и смартфонов; оценить системы защиты от противоправного применения БВС (с учетом того, что они управляются через сети сотовой связи) и механизмы пресечения хищений средств сотовой связи; определить, какие организационные, материально-технические и правовые затруднения возникают при реализации законодательных инициатив, ориентированных на противодействие цифровой преступности; обосновать перспектив-

ные пути реформирования российского законодательства в рассматриваемой сфере.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, в качестве общенаучной основы познания применялся диалектический метод. Это позволило рассмотреть законодательные инициативы и противоправные явления (киберпреступления, причиняющее вред использование БВС, хищения средств сотовой связи) комплексно, во взаимосвязях, развитии и противоречиях, что способствовало формированию целостного, а не фрагментарного взгляда на предмет исследования. Метод абстрагирования и обобщения позволил выделить ключевые, существенные признаки анализируемых законодательных новелл и сформулировать общие выводы о логике государственной политики в сфере цифровой безопасности без отвлечения на частные и второстепенные детали. Статистический метод был применен для изучения динамики преступлений, совершаемых с использованием ИКТ и в сфере компьютерной информации (в частности для констатации факта снижения количества таких преступлений в 2025 году), что позволило эмпирически обосновать эффективность принятых мер.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На расширенных заседаниях коллегии МВД России последних лет неизменно обсуждается блок вопросов, касающихся противодействия цифровой преступности. В 2024 году Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на оче-

редном из таких заседаний, одну из стратегических целей органов внутренних дел сформулировал следующим образом: требуется переломить имеющуюся негативную тенденцию и обеспечить устойчивое снижение уровня цифровых преступлений¹. Министр внутренних дел В.А. Колокольцев в марте 2026 года отчитался перед главой государства с трибуны коллегии о выполнении данного поручения²: в 2025 году число преступлений, совершенных с применением ИКТ, снизилось. С учетом того, что в предшествовавшее десятилетие наблюдался неуклонный рост киберпреступности, данный факт имеет важное политическое и криминологическое значение. Впервые зафиксированное снижение годового показателя свидетельствует о том, что совокупность принимаемых мер приобрела системный характер, а выбранные правовой и организационный векторы государственной политики в сфере борьбы с цифровой преступностью являются верными.

Ключевым инструментом достижения такого результата стало выстраивание эффективного межведомственного взаимодействия МВД России с Банком России, ФСБ, Росфинмониторингом и операторами связи – институтами, без координации работы с которыми противодействие киберугрозам объективно невозможно. Практика показала, что изолированные усилия каждого ведомства по отдельности в данной сфере ранее закономерно приводили к ограниченным результатам.

В ходе осуществленных мероприятий в 2025 году из незаконного оборота было изъято свыше 1800 SIM-банков (устройств для массовых мошеннических обзвонов) и более трех миллионов SIM-карт. Совместно с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам нейтрализовано порядка 1500 зарубежных IP-адресов, использовавшихся для управления вредоносным программным обеспечением. Качественным шагом вперед стало принятие Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ³, которым в России впервые была создана специализированная государственная информационная система, ориентированная исключительно на противодействие правонарушениям, совершаемым с применением ИКТ. Принципиальным в данном случае является переход от реагирования на отдельные инциденты к непрерывному мониторингу и межведомственной координации. Система объединила в общем контуре сведения, поступающие из правоохранительных органов, от операторов связи и регуляторов, чего ранее невозможно было добиться. Ее создание позволило наконец скоординировать усилия по всем перечисленным выше направлениям противодействия киберпреступности: прежде работа осуществлялась по ним в рамках решения отдельных, изолированных оперативных задач. В частности, пресечена аренда аккаунтов у недо-

бросовестных граждан, заблокировано свыше 165 тысяч абонентских номеров, связанных с мошенниками, прекращено функционирование онлайн-площадок, созданных для торговли персональными данными [3, с. 13; 4, с. 123].

Вместе с тем необходимо отметить, что в 2025 году российские операторы связи запустили новый механизм противодействия одному из наиболее распространенных инструментов телефонного мошенничества – использованию иностранных SIM-карт. Суть новации заключается в том, что при попадании в Россию SIM-карта, зарегистрированная за рубежом, автоматически лишается доступа к сети Интернет и SMS-сообщениям на 24 часа; разблокировка требует верификации личности пользователя. Хотя внешне мера выглядит как ограничение для туристов, ее реальная цель – разрушить типичную схему, в условиях которой мошенники, физически находящиеся в России, используют зарегистрированные за ее пределами номера, не отслеживаемые отечественными операторами связи [5, с. 12]. Дополнительным эффектом оказывается создание препятствий для дистанционного управления БВС с задействованием зарубежных SIM-карт.

В целях обеспечения безопасности Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2026 г. № 83 с 1 марта 2026 года введена обязанность оснащать все БВС, допущенные к полетам на территории России, аппаратно-программными средствами удаленной идентификации с последующей интеграцией в государственную автоматизированную информационную систему «ЭРА-ГЛОНАСС», изначально разработанную для экстренного реагирования на дорожно-транспортные происшествия. Расширение ее функций на воздушное пространство является логичным шагом с учетом роста числа инцидентов с беспилотниками. Реализация новой нормы имеет большое значение для правоохранительной практики, так как данные о местонахождении и маршруте аппарата передаются в режиме реального времени. Это открывает возможность производства оперативно-разыскных мероприятий (в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности») в отношении операторов, противоправно использующих БВС. Фактически закладывается инфраструктурная основа для этого направления оперативно-разыскной деятельности [6, с. 62].

Отдельной проблемой, тесно связанной с контролем за мобильными устройствами, остаются хищения средств сотовой связи. Несмотря на повсеместное распространение биометрической защиты (сканеры отпечатков пальцев, системы распознавания лиц, двухфакторная аутентификация), криминальный интерес к смартфонам не снижа-

¹ Путин потребовал улучшить борьбу с преступлениями в сфере IT // ГОСТономика: сайт. 02.04.2024 // URL: <https://gostonomica.ru/putin-potreboval-uluchshit-borbu-s-prestuplenijami-v-sfere-it/>.

² Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России: сайт. 04.03.2026 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/79255>.

³ Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ется. Только в Москве ежедневно регистрируется свыше 150 заявлений о кражах телефонов, по большей части это дорогостоящие флагманские модели. Типичные места совершения таких преступлений – объекты транспортной инфраструктуры и массового пребывания людей (метро, торговые центры, парки, рестораны) [7, с. 27]. Устойчивый спрос на похищенные гаджеты объясняется двумя факторами: во-первых, после изменения IMEI-номера их можно реализовать в качестве готовых к использованию устройств; во-вторых, активно развивается теневой рынок запасных частей (дисплеев, аккумуляторов, материнских плат), которые обращаются в «серой» зоне экономики независимо от правового статуса устройства-донора [8, с. 211]. Оба канала сбыта обеспечивают высокую рентабельность криминального бизнеса рассматриваемого вида.

Ответом государства на обострение проблемы стала подготовка законопроекта, предусматривающего создание единого реестра идентификационных номеров мобильных устройств (IMEI), включенного во второй пакет антикибермошеннических мер¹. Он был одобрен обеими палатами парламента и направлен 17 июня 2026 года Президенту Российской Федерации на подписание. IMEI (International Mobile Equipment Identity) – уникальный 15-значный код, присваиваемый каждому мобильному устройству, который автоматически передается в сеть оператора при регистрации аппарата. Именно этот идентификатор является ключевым инструментом, используемым при розыске похищенных телефонов и проведении специальных технических мероприятий [9, с. 118]. Новый законодательный механизм предполагает внесение каждого ввозимого в нашу страну устройства сотовой связи в федеральный реестр (порядок его ведения определяет Правительство Российской Федерации). Операторы смогут оказывать телекоммуникационные услуги только тем абонентам, IMEI телефонов которых зафиксированы в этой базе данных. При заключении договора об услугах связи оператор обязан будет фиксировать в нем идентификатор конкретного устройства и привязку SIM-карты к данному аппарату. Повторное оформление карты, уже закрепленной за другим телефоном, станет технически невозможным.

Код IMEI для оперативно-розыскной деятельности важен еще и тем, что этот идентификатор позволяет устанавливать факт нахождения устройства в зоне действия определенной базовой станции, а также маршруты его перемещения и соотносить их с данными о личности пользователя [10, с. 159]. Привязка SIM-карты к IMEI в рамках единого реестра сформирует сквозную идентификационную цепочку «устройство – абонент – абонентский номер», что существенно повысит результативность поисковых мероприятий [11, с. 216]. Это в полной мере соответствует целям таких оперативно-розыскных мероприя-

тий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», как наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

Однако именно возможность перепрограммирования IMEI-кода позволяет злоумышленникам «обнулять» идентификацию похищенного устройства, фактически легализуя его для последующего использования или перепродажи. В отечественном уголовном законодательстве в настоящее время такие действия не рассматриваются в качестве самостоятельного состава преступления [12, с. 24]. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит нормы об ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения (ст. 272.1); за создание вредоносных программ (ст. 273). Но эти нормы не охватывают перепрограммирования идентификатора устройства сотовой связи.

Полагаем, было бы правильно дополнить Уголовный кодекс статьей 272.2 «Незаконные изменение, уничтожение или подделка идентификационного номера мобильного устройства (IMEI)». Это позволило бы устранить существующий ныне пробел. Тем более что практика ряда зарубежных государств предлагает готовые законодательные модели. Так, в США специального закона, прямо запрещающего изменение IMEI, не существует, однако использование чужого идентификационного номера для доступа к сети с 2020 года квалифицируется как мошенничество и наказывается лишением свободы на срок до 10 лет. В Республике Беларусь уголовная ответственность за изменение IMEI введена еще в 2008 году (ст. 350 УК РБ «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации»). В Индии функционирует Центральная база данных оборудования (CEIR), позволяющая блокировать похищенные устройства всем операторам одновременно. Аналогичные реестры действуют в Пакистане, ряде государств Африки и Юго-Восточной Азии. В России же акцент сделан на привязку IMEI к конкретной SIM-карте. Такой подход воспринимается участниками рынка как прецедент в мировой практике.

Предложенный российским законодателем единый реестр IMEI представляет собой не столько инструмент блокировки устройств (как в Индии), сколько механизм оперативно-розыскного характера, ориентированный на сквозную идентификацию абонента посредством привязки устройства к SIM-карте. Именно эта особенность определяет его практическое назначение и отличает от зарубежных аналогов. Нормативно-правовой фундамент такой идентификации абонента

¹ Законопроект № 1110676-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части противодействия преступлению, совершаемому с использованием информационных и коммуникационных технологий)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1110676-8>.

заложен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ¹, который регулирует государственный контроль над хозяйствующими субъектами (речь о плановых и внеплановых проверках бизнеса). Впрочем, сам по себе факт нарушения оператором связи требований, касающихся идентификации абонентов, не является основанием для контрольной проверки. Выявление такого рода нарушений, если они сопряжены с преступной деятельностью, относится к компетенции правоохранительных органов: ч. 3 ст. 1 названного закона прямо выводит из сферы его действия оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Поэтому единый реестр IMEI – это инструмент не надзора за рынком, а оперативно-разыскной деятельности, что принципиально важно для определения его практического назначения. Соответственно, требуется криминализация нарушений, о которых идет речь.

Еще одним базовым нормативно-правовым актом, ориентированным на противодействие киберпреступности, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который за два десятилетия своего действия претерпел многочисленные изменения, каждый раз адаптируясь к новым вызовам цифровой среды. Данный закон регулирует распространение информации, порядок доступа к ней и ответственность за противоправные действия в цифровом пространстве.

Существенным элементом правовой системы обеспечения информационной безопасности стал Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250². Продекларированный им подход к проблеме принципиально отличается от традиционных. Ответственность за состояние информационной безопасности персонально возлагается на руководителей органов государственной власти и организаций, благодаря чему вопрос переводится из сугубо технической плоскости в управленческую. Кроме того, указ запрещает применение средств защиты информации, произведенных в недружественных государствах, что следует оценивать не только как меру безопасности, но и как стимул для развития отечественной отрасли информационной защиты. В совокупности с правоохранительными инструментами формируется двухуровневая модель: профилактика на организационном уровне плюс уголовно-правовое реагирование.

Здесь отметим, что развитие превентивной составляющей системы противодействия цифровой преступности нашло отражение в законопроекте о совершенствовании профилактики киберпреступлений³ (одобрен Государственной Думой Российской Федерации и направлен 24 июня 2026 года в

Совет Федерации). В частности, предлагается дополнить Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» положением о таком самостоятельном направлении деятельности, как противодействие правонарушениям в сфере компьютерной информации и информационно-коммуникационных технологий, включая работу по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению. В законопроекте необходимо выделить три ключевые новеллы. Во-первых, противодействие киберпреступлениям приобретает самостоятельный статус в перечне направлений профилактики, что создает для региональных органов власти правовое основание для разработки и финансирования соответствующих целевых программ. Во-вторых, на федеральные ведомства и субъекты федерации возлагается обязанность информировать граждан о правилах цифровой безопасности посредством максимально широкого спектра каналов: платежные квитанции, SMS от операторов, национальный мессенджер «Макс», портал «Госуслуги», банковские офисы, МФЦ, отделения Социального фонда России. Для пожилых людей предусматриваются специальные форматы разъяснительной работы. В-третьих, Минцифры совместно с Минпросвещения наделяются полномочиями по разработке конкретных форматов информирования и координации деятельности субъектов системы профилактики. С точки зрения уголовно-правовой науки данная инициатива заслуживает положительной оценки: переход от традиционного реагирования на уже совершённые деяния к превентивной парадигме соответствует современным криминологическим представлениям о приоритете предупреждения преступлений [13, 14, 15]. Вместе с тем практическая эффективность закона будет во многом определяться качеством подзаконного регулирования и реальным финансовым обеспечением соответствующих программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государство последовательно переходит от реагирования на отдельные преступления к созданию инфраструктуры, в рамках которой совершение цифровых и сопряженных с ними преступлений объективно затруднено. Прежде всего речь о государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, которая закрывает каналы анонимной связи. Реестр IMEI лишает смысла хищение телефонов, идентификация БВС делает невозможным анонимное управление им. Каждая из этих мер по отдельности – лишь инструмент; в совокупности они образуют среду, создающую условия, при которых совершение цифровых пре-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».

³ Законопроект № 1106687-8 «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (в части совершенствования государственной политики в сфере профилактики правонарушений)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1106687-8>.

ступлений существенно затрудняется. Вместе с тем выявленный нами законодательный пробел – отсутствие самостоятельного состава преступления, связанного с изменением IMEI-номера, – остается уязвимым местом этой системы. Опыт США, Беларуси и Индии показывает: без криминализации этого деяния защитный потенциал реестра

окажется ниже предполагавшегося уровня. Его будут обходить так же, как обходят любые другие идентификационные ограничения – путем перепрограммирования IMEI-кода. Устранение этого пробела должно стать важным шагом законодателя на пути противодействия цифровой преступности в России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
2. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-розыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
3. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.
4. Катков С.В., Семененко Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.
5. Алексеева А.П. Кибермошенничество как объект криминологического исследования: анализ способов совершения и стратегий противодействия // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 11-13.
6. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-розыскной науки // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.
7. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
8. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
9. Контемирова Ю.В., Тарасова М.Ю. Современное состояние деятельности оперативных подразделений по противодействию хищениям денежных средств граждан, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 118-126.
10. Желудков М.А., Алексеева А.П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159-169.
11. Попов С.В. К вопросу об особенностях обнаружения признаков мошеннических действий в сети Интернет // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 216-219.
12. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью: Сборник научных трудов по материалам всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Вып. 2. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2017. С. 24-31.
13. Решняк О.А., Алексеева А.П. Использование IT-технологий в раскрытии и расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого современными способами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 125-130.
14. Алексеева А.П. Цифровизация наркопреступлений и меры противодействия им // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 16-19.
15. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.
2. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-rozysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.
3. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, soderzhashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Spb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-15.
4. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.
5. Alekseyeva A.P. Kibermoshennichestvo kak ob'yekt kriminologicheskogo issledovaniya: analiz sposobov soversheniya i strategiy protivodeystviya // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 11-13.
6. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.
7. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
8. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.
9. Kontemirova Yu.V., Tarasova M.Yu. Sovremennoye sostoyaniye deyatel'nosti operativnykh podrazdeleniy po protivodeystviyu khishcheniyam denezhnykh sredstv grazhdan, sovershayemym s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2021. № 1 (56). S. 118-126.
10. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obespecheniye zashchishchennosti biometricheskikh personal'nykh dannyykh ot ispol'zovaniya v kriminal'nykh tselyakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (106). S. 159-169.
11. Popov S.V. K voprosu ob osobennostyakh obnaruzheniya priznakov moshennicheskikh deystviy v seti Internet // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 216-219.
12. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugolovnoy zakonodatel'stva v kibersfere // Podgotovka sotrudnikov politzii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu: Sbornik nauchnykh trudov po materialam vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 2. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2017. S. 24-31.
13. Reshnyak O.A., Alekseyeva A.P. Ispol'zovaniye IT-tekhnologiy v raskrytii i rassledovanii nezakonnoy sbyta narkoticheskikh sredstv, sovershayemogo sovremennymi sposobami // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2021. № 4 (59). S. 125-130.
14. Alekseyeva A.P. Tsifrovizatsiya narkoprestupleniy i mery protivodeystviya im // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 16-19.
15. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Тарасова М.Ю., Бугера М.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тарасова М.Ю., Бугера М.А. Противодействие цифровой преступности: три вектора законодательных инициатив // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 43-49.

Владимир Юрьевич ЖАНДРОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники

vaisvladimir74@gmail.com

Научная статья

УДК 343.102:[343.14:004]

ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО ОПЕРАТИВНОГО ПОИСКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, оперативный поиск, киберпреступность, цифровизация, цифровой след.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Цифровизация общественных отношений и массовый переход преступности в информационно-телекоммуникационную среду требуют пересмотра традиционных подходов к оперативно-разыскной деятельности. Оперативный поиск как инициативный метод выявления преступлений в новых технологических условиях сталкивается с отсутствием в российском законодательстве правового основания для его осуществления. Буквальное толкование закона фактически лишает оперативно-разыскную деятельность наступательности, сводя использование ее потенциала к ситуациям, когда признаки преступления уже проявились. Это особенно негативно сказывается на выявлении латентных киберпреступлений. *Методы.* Проведение исследования опиралось на системно-структурный подход, позволивший сконструировать многоуровневую модель реализации цифрового оперативного поиска. Востребованным оказался сравнительно-правовой метод. Применены методы OSINT-аналитики, Data Mining, социально-сетевого, экономического и структурного анализа цифровых следов. Были также задействованы формально-юридический метод и метод моделирования оперативно-разыскных процессов. *Результаты.* Обоснована необходимость закрепления в российском законодательстве отдельного основания для инициативного цифрового поиска с использованием возможностей OSINT-аналитики, фиксации цифровых следов и теней. В противном случае нарастают риски признания в уголовном процессе собранных цифровых данных недопустимыми доказательствами. Разработана пятиуровневая модель цифрового оперативного поиска. В ней объединены в единую методическую схему объективно-установочный, информационно-накопительный, верифицирующе-проверочный, аналитический и процессуально-интегративный уровни. Предложено реализовать меры по созданию межведомственного цифрового пространства, подготовке специалистов по OSINT-аналитике и цифровой криминалистике, совершенствованию ведомственных регламентов и стандартов документирования.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация и связанные с ней процессы перемещения криминальной активности в информационно-телекоммуникационную среду требуют обновления сложившихся в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) подходов к выявлению и документированию преступлений. В первую очередь это касается оперативного поиска – метода ОРД, традиционно занимающего в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) значимое место и не теряющего своей актуальности в новых технологических условиях.

Осуществление оперативного поиска в цифровой среде (иначе – цифрового оперативного

поиска) напрямую зависит от организационно-правового обеспечения. Речь идет прежде всего о правовом основании его проведения, а также использовании специальных приемов, способов и средств субъектами ОРД на всех этапах осуществления поискового процесса – от выявления до реализации оперативно значимой информации.

Основания проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) закреплены в ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД»). Однако такие инструменты, как OSINT-разведка¹ и фиксация цифровых следов, пока не имеют нормативно-правовой опоры. Представляется, что решение данной

¹ OSINT-разведка (OSINT-аналитика) – это сбор, анализ и систематизация данных из общедоступных источников (OSINT – от англ. Open Source Intelligence).

Vladimir Y. ZHANDROV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Moscow University of the Ministry of the Interior
of Russia named after V.Ya. Kikot (Moscow, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities and Special Equipment
vaisvladimir74@gmail.com

LEGAL AND ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL OPERATIONAL SEARCH

KEYWORDS. Operational investigative activities, operational investigative measures, operational search, cybercrime, digitalization, digital footprint.

ANNOTATION. Introduction. The digitalization of social relations and the widespread migration of crime to the information and telecommunications environment require a revision of traditional approaches to operational investigative activities. Operational search, as a proactive method for detecting crimes in the new technological environment, faces the lack of a legal basis for its implementation in Russian legislation. A literal interpretation of the law effectively deprives operational investigative activities of their offensive potential, limiting their use to situations where the elements of a crime have already manifested themselves. This has a particularly negative impact on the detection of latent cybercrimes. **Methods.** The study relied on a systems-structural approach, which made it possible to construct a multi-level model for implementing digital operational search. A comparative legal method proved to be in demand. Methods of OSINT analytics, data mining, social network, economic, and structural analysis of digital traces were applied. A formal legal method and a method for modeling operational investigative processes were also employed. **Results.** The need to establish in Russian legislation a separate basis for proactive digital searches using OSINT capabilities and the recording of digital traces and shadows is substantiated. Otherwise, the risk of collected digital data being deemed inadmissible as evidence in criminal proceedings increases. A five-level model of digital operational search has been developed. It combines the object-identification, information-cumulative, verification-checking, analytical, and procedural-integrative levels into a single methodological framework. Measures are proposed to create an interdepartmental digital space, train specialists in OSINT intelligence and digital forensics, and improve departmental regulations and documentation standards.

проблемы лежит в сфере совершенствования регулирования инициативности ОРД.

Перед исследованием, результаты которого представлены в статье, были поставлены цели обосновать необходимость формирования правовой и организационной базы для реализации ОВД цифрового оперативного поиска, а также разработать такую его модель, которая обеспечивала бы сохранность цифровых доказательств и их интеграцию в уголовный процесс.

МЕТОДЫ

Системно-структурный подход позволил сконструировать целостную пятиуровневую модель цифрового оперативного поиска, где каждый уровень логически связан с последующим. Сравнительно-правовой метод был использован для анализа законодательства России, Беларуси, Кыргызстана и директив ЕС с целью выявления оптимальных правовых решений для нормативного закрепления инициативного цифрового поиска как инструмента ОРД. Методы OSINT-аналитики и Data Mining применены для описания технологических приемов сбора, обработки и выявления скрытых закономерностей в больших массивах цифровых данных открытых источников. Социально-сетевой анализ был направлен на реконструкцию структуры онлайн-сообществ, деанонимизацию участников и выявление ролей в преступных группах. Экономический анализ оказался полезен для изучения финансовых потоков, схем воспроизводства преступной деятельности и идентификации ресурсной базы. С помощью структурного анализа

исследована инфраструктура цифровой среды функционирования преступных объектов (серверы, платформы, сети) и определены ее уязвимые элементы. Формально-юридический метод обеспечил толкование норм Федерального закона «Об ОРД» и выявление правовых пробелов в регулировании инициативного поиска. Метод моделирования оперативно-разыскных процессов предоставил возможность построить алгоритм действий оперативных подразделений при выявлении, фиксации, верификации и правовой интеграции цифровых следов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Буквальное толкование ст. 7 Федерального закона «Об ОРД», как отмечают Е.В. Кузнецов и А.Е. Ступницкий, фактически лишает ОРД ее ключевых черт – инициативности и наступательности, сводя проведение мероприятий к ситуациям, когда признаки преступления уже проявились [1, с. 46]. В связи с этим оперативный поиск теряет разведывательно-поисковый потенциал, что особенно негативно отражается на процессах, направленных на выявление и раскрытие латентных деяний, например преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Аналогичные выводы сделаны и белорусским исследователем И.И. Шишковцом, отметившим, что эффективность оперативного поиска существенно ограничена отсутствием в национальном законодательстве специального правового основания для его проведения. Им было предложено закрепить в Законе Республики Беларусь от 15 ию-

ля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве такого основания необходимость обнаружения признаков латентных преступлений и лиц, к ним причастных [2, с. 82].

Показателен в данном случае законодательный опыт Кыргызской Республики. Здесь в Законе от 26 июня 2025 г. № 127 «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено такое самостоятельное ОРМ, как «оперативный поиск в информационных сетях и сети Интернет» (п. 6 ст. 2). Законодатель относит его к числу мер, не ограничивающих конституционные права граждан, в то время как действия, в большей степени ограничивающие эти права, – снятие информации с компьютерных систем, перехват телекоммуникаций и скрытое наблюдение – выведены в блок специальных мероприятий. Таким образом, кыргызский закон устанавливает нормативное разграничение между инициативной стадией ОРД, предусматривающей лишь меры с минимальным уровнем вмешательства, и мероприятиями, требующими особой процессуальной процедуры. Важно и то, что результаты сетевого поиска могут служить основанием для досудебного производства и использоваться в доказывании, если они соответствующим образом запротоколированы.

Идеи о необходимости законодательного закрепления отдельного правового основания для инициативного поиска, закрепляющего возможность осуществления ограниченного круга ОРМ (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение), во многом близки подходу, реализуемому в Европейском союзе. Здесь допускается применение превентивных форм расследования (англ. – *proactive investigation*), предполагающих ограниченный мониторинг, сбор метаданных и скрытое наблюдение еще до выявления прямых признаков преступления. Нормативной основой выступает Директива (ЕС) 2016/680, в ст. 1(1) которой говорится о том, что обработка персональных данных компетентными органами разрешена не только для выявления и расследования преступлений, но и для их предупреждения (*prevention*)¹.

В отсутствие непосредственного правового основания цифрового оперативного поиска в российском законодательстве риски признания собранных таким образом данных недопустимыми в уголовном процессе значительно возрастают. До тех пор, пока законодатель не урегулирует этот вопрос, работа с цифровой оперативной информацией должна сопровождаться усиленными мерами по подтверждению ее достоверности.

В целях формирования актуальной модели поискового метода исследуемого нами вида был применен системно-структурный подход. Он позволил сконструировать модель так, чтобы она полностью соответствовала современным условиям цифровизации. Предлагаемая концепция цифрового оперативного поиска опирается на многоуровне-

вую модель, где каждый уровень формирует основу для следующего и может быть воспроизведен в повторных циклах.

На первом (**объектово-установочном**) уровне структурная модель охватывает формулировку задачи поиска и определение источников цифровых следов и теней. Именно на нем закладывается фундамент для последующего анализа и обеспечивается непрерывность поискового процесса [3, с. 60]. Специальная цель первоначального этапа поиска – своевременное обнаружение признаков преступлений и причастных к ним лиц на ранних стадиях в рамках работы с неопределенным кругом объектов. Достижение указанной цели обеспечивается последовательным решением двух задач.

Первая – определение признаков, которые необходимо заложить в поисковую матрицу. В ходе этой деятельности уточняются объекты оперативного интереса и цифровые маркеры, выдвигаются рабочие гипотезы. Основным условием успешного решения поставленной задачи является минимизация так называемого «пузыря фильтров» [4, с. 173], прежде всего с помощью применения неперсонализированных запросов и специальных приемов обхода профилирования. Такая тактика снижает риск искажения информации и обеспечивает ее репрезентативность.

Вторая задача – выбор среды и источников информации. Это могут быть открытые сайты, закрытые разделы и базы данных, даркнет, распределенные сети или устройства интернета вещей [5, с. 211]. Как правило, проводимая на этом этапе работа связана с многоуровневым доступом к различным сегментам цифровой среды, поэтому поиск целесообразно строить по принципу постепенного продвижения от открытых источников (*Surface Web*) к менее доступным (*Deep Web*) и далее к скрытым и анонимным сетям (*DarkNet*, *P2P-платформы*). Такой маршрут позволяет постепенно расширять поле поиска и выявлять скрытые массивы информации.

Второй (**информационно-накопительный**) уровень поиска предусматривает извлечение и первичную фиксацию обнаруженной информации. Это не только сам сбор сведений, например визуальным способом, но и обязательное документирование условий их получения (время, обстоятельства доступа, технические параметры среды, контрольные хэши файлов). Надежность цифровых доказательств обеспечивается соблюдением совокупности требований, каждое из которых направлено на подтверждение их подлинности, сохранности и возможности независимой проверки [6, с. 76].

Одним из ключевых является требование *двойной фиксации*. Информация подлежит сохранению не менее чем двумя независимыми способами – в виде визуальной копии (например скриншота) и исходного файла, дополнительно подвергнутого хэшированию. Такой подход предоставляет возможность надежной проверки неизменности дан-

¹ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences, and on the free movement of such data. EUR-Lex // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/680/oj> (дата обращения: 25.11.2025).

ных и существенно снижает риск их несанкционированной модификации.

Неотъемлемой составляющей фиксации цифровых следов выступает *маркировка источника*. В обязательном порядке документируются условия формирования следа: уровень среды (Surface, Deep, Dark, IoT), параметры доступа (используемый браузер, клиентское приложение, подключение через TOR/I2P-сети), IP-адрес, а также точные дата и время взаимодействия. Подобная детализация приобретает особую значимость в делах, связанных с организованной преступностью, где сторона защиты нередко ссылается на вероятность искажения или фальсификации доказательственной базы.

Отдельного внимания требует порядок *хранения верифицирующих метаданных*. Заголовки электронных писем, EXIF-информация, сетевые журналы и иные сведения технического характера должны фиксироваться и храниться отдельно от основного содержания. Это позволяет обеспечить условия для их независимой проверки и экспертной атрибуции, повышая достоверность представленных цифровых объектов.

Третий (**верифицирующе-проверочный**) уровень охватывает меры, направленные на кросс-источниковую проверку достоверности извлеченной цифровой информации. Все значимые сведения должны быть сопоставлены с независимыми источниками, такими как альтернативные поисковые системы, журналы операторов связи, биллинговые данные [7, с. 26]. Сравнение сведений, полученных из разных источников, снижает вероятность ложных совпадений, позволяет исключить ошибки и способствует формированию более точного атрибутивного профиля цифрового следа.

Развитие организационно-правовой составляющей цифрового оперативного поиска невозможно без совершенствования ведомственных информационных систем, объединяющих внешние источники (OSINT, Deep Web, цифровые тени) с государственными централизованными регистрами. К числу ключевых технологических решений, используемых МВД России, относятся автоматизированные комплексы «Розыск-магистраль», «Папилон», «Безопасный город», «Паутина» и др., а также централизованные базы учета, содержащие данные о лицах, событиях и объектах, представляющих оперативный интерес [8, с. 27]. Эти ресурсы формируют массивы данных, доступ к которым возможен исключительно в соответствии с требованиями нормативных актов и на основании ведомственных инструкций.

Четвертый (**аналитический**) уровень поисковой работы включает в себя обработку собранной и зафиксированной надлежащим образом цифровой информации. Задача оперативно-аналитического этапа заключается в объединении инициативного сбора цифровых следов и теней с их аналитической обработкой, что позволяет превратить разрозненные сведения в целостную картину преступной активности и разработать систематизированные версии. Как отмечает Я.М. Мазунин, специфика оперативно-аналитического поиска состоит в сочетании оперативного и аналитического ком-

понентов, что позволяет систематизировать полученные сведения и использовать их для решения тактических и стратегических задач [9, с. 8].

Методологическое ядро аналитического уровня формируется вокруг трех основных составляющих:

1) полноты информации, обеспечиваемой включением в аналитическую базу даже «второстепенных» сигналов и документов. Важен итеративный цикл «поиск → анализ → уточненный поиск», который позволяет последовательно конкретизировать гипотезы и повышать точность выводов. Такой контур демонстрирует внутреннюю согласованность цифрового оперативного поиска с классической логикой оперативного поиска («построение по признакам → проверка → редукция гипотез») и одновременно отражает его технологическую современность;

2) применения разных видов анализа:

- экономического (направлен на изучение финансовых потоков, схем воспроизводства преступной деятельности, идентификацию новых ее участников, позволяет выявить скрытую ресурсную базу криминальных формирований и увязать ее с организационной структурой);

- структурного (исследуется инфраструктура объектов оперативного интереса, а именно цифровая среда, в которой функционируют участники преступной деятельности; данный метод позволяет выяснить, как организована цифровая система преступной деятельности, определить ее уязвимые элементы и спрогнозировать возможные изменения);

- социально-сетевого (позволяет реконструировать структуру онлайн-сообществ, выявить распределение ролей внутри них, выделить ключевых участников, скрытые группы и связи между ними; задачей такого анализа становится деанонимизация цифровых субъектов);

3) систематизации данных (их упорядочение для решения тактических и стратегических задач). Систематизация любых доступных данных – от формальных документов до косвенных фактов – позволяет формировать целостные информационно-поисковые модели. Она предполагает не только техническое упорядочение цифровых следов, но и их правовое структурирование с учетом возможностей дальнейшего использования в процессуальной сфере. Особое значение здесь приобретают методы, позволяющие привести разнородные сведения – от OSINT-фрагментов до лог-файлов и метаданных операторов связи – к единой аналитической форме.

Криминалистическая экспертиза как метод выявления закономерностей и аномалий в вещественных доказательствах получает в цифровой среде эквивалент в виде аналитики Big Data и Data Mining. Их преимущество заключается в задействовании алгоритмов искусственного интеллекта, способных обрабатывать колоссальные объемы информации, обнаруживать скрытые связи и строить статистические модели. Как подчеркивает В.И. Шаров, именно использование Big Data и Data Mining может вывести оперативный поиск на качественно новый уровень, оно позволяет выхо-

доть за пределы статистических сводок и производить идентификацию преступлений, лиц и их связей [10, с. 412]. Эффективность таких процедур напрямую зависит от корректности предварительной фиксации данных и сохранения их необработанного вида, что гарантирует возможность независимой проверки результатов.

И наконец, пятый (**процессуально-интегративный**) уровень обеспечивает соответствие поисковых процедур требованиям законодательства, документирование результатов и их интеграцию в процессуальную сферу уголовного судопроизводства [11, с. 13]. Его результативность определяется степенью минимизации возможных правовых рисков. Всего можно выделить три основных вида таких рисков.

Первый их вид связан с угрозой выхода за пределы допустимого законом доступа к цифровым данным и нарушения режима конфиденциальности. Применение OSINT-разведки связано с риском несанкционированного вторжения в частную жизнь. Даже если цифровые следы формально находятся в открытом доступе (например видеозаписи с камер наблюдения или данные от IoT-устройств), они могут содержать персональную информацию, защищаемую ст. 23 Конституции Российской Федерации и ст. 137 УК РФ. Ее использование без должных правовых оснований может привести к чрезмерному вмешательству в цифровую сферу жизнедеятельности граждан, признанию доказательств недопустимыми и подрыву доверия к оперативно-разыскной деятельности в целом [12, с. 216].

Второй вид рисков связан с несоблюдением порядка сбора и фиксации цифровой информации. Доказательственный аспект цифрового оперативного поиска имеет особое значение – цифровые следы и тени могут быть использованы в уголовном судопроизводстве только при условии их надлежащей аутентификации и фиксации в соответствии с процессуальными требованиями. Результативность поиска рассматриваемого вида определяется не только тем, насколько качественно производится извлечение и анализ информации, но и возможностью ее последующего использования в суде [13, с. 160].

Третий вид рисков связан с несоблюдением порядка легализации в национальном правовом поле цифровых данных, полученных в условиях трансграничного доступа. Вопрос международного перемещения такой информации приобретает особую важность именно в контексте цифрового оперативного поиска [14, с. 62]. Значительная часть серверов, облачных хранилищ и социальных сетей, где формируются ключевые цифровые следы, находится за пределами юрисдикции России. Это создает трудности в получении допустимых с точки зрения уголовного процесса доказательств и требует углубления международного сотрудничества [15, с. 123].

Таким образом, оперативный поиск в цифровой среде формируется в качестве пятиуровневой модели, в которой выявление источников цифровых данных, их инициативный сбор, верификация, последующая аналитическая обработка и правовая интеграция образуют единую методическую схему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровому оперативному поиску необходима институализация в российском правовом поле и практике ОРД, что предполагает принятие ряда правовых и организационных мер.

1. На законодательном уровне должно быть закреплено отдельное основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий, ориентированных на инициативный цифровой поиск. Это позволит узаконить работу с информацией, полученной в рамках OSINT-разведки и фиксации цифровых теней, снизить вероятность признания ее недопустимой в качестве доказательства и выстроить деятельность оперативных подразделений с учетом современных технологических реалий.

Для эффективного осуществления цифрового оперативного поиска требуется разработать и внедрить комплекс регламентов и стандартов. Прежде всего нужны ведомственные регламенты, которые будут закреплять порядок сбора и фиксации цифровых следов и теней, а также устанавливать минимальные требования к протоколам действий оперативных служб. Кроме того, следует подготовить стандарты документирования, которые должны предусматривать обязательное описание среды, в которой были получены цифровые данные, параметров метаданных, условий доступа и технических характеристик сеанса, а также использования контрольных хэш-сумм. Это обеспечит возможность повторного получения результатов и уменьшит риск их оспаривания в суде. Наконец, необходимы инструкции по взаимодействию с зарубежными сервисами и вопросам трансграничного обмена данными. Речь о том, что возникают сложности с допустимостью в качестве доказательства информации, которая хранится на серверах за пределами юрисдикции России. Унификация правил доступа к таким данным и их фиксации будет способствовать их включению в судебные процессы.

2. Важно наладить организационное обеспечение реализации цифрового оперативного поиска. Достижение этой цели возможно посредством создания устойчивых организационных структур, прежде всего за счет развития межведомственного взаимодействия, стандартизации обработки данных и подготовки специалистов с нужными цифровыми навыками.

Первым шагом на этом пути может стать повышение эффективности межведомственного сотрудничества. Это предполагает создание общего цифрового пространства, в котором оперативно значимая информация передается по согласованным правилам и в соответствии со стандартами безопасности. Расширение источников данных – от баз МВД России, ФСБ и Росфинмониторинга до региональных и муниципальных систем – позволит более точно анализировать ситуацию даже при высокой скрытности правонарушений.

Второй шаг – развитие профессиональных навыков реализующих цифровой оперативный поиск субъектов. Современные специалисты этой сферы должны обладать аналитическим мышлением и цифровой грамотностью: уметь работать

с большими данными, пользоваться инструментами OSINT-аналитики, фиксировать и подтверждать цифровые следы, разбираться в кибербезопасности и защите персональной информации. Для подготовки таких кадров необходимо внедрять в программы учебных заведений правоохранительных органов и государственных финансовых структур образовательные модули по тематике киберразведки, цифровой криминали-

стики, анализа сетевых структур и мониторинга блокчейна.

Повышение качества подготовки кадров и развитие межведомственного взаимодействия – основа для реализации цифрового оперативного поиска. Квалифицированные специалисты и единая система обмена информацией позволят достичь баланса между эффективностью оперативных действий и соблюдением правовых норм. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов Е.В., Ступницкий А.Е. Основания для проведения оперативно-разыскных мероприятий: проблемы инициативности оперативного поиска // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 46-47.
2. Шишковец И.И. О понятии, содержании и правовых основаниях оперативного поиска как целостной системы // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 78-83.
3. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
4. Карпика А.Г. Актуальные вопросы поиска и анализа цифровых следов в оперативно-розыскной деятельности // Юристы-Правовед. 2019. № 3 (90). С. 171-179.
5. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
6. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
7. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-розыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
8. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
9. Мазунин Я.М. Оперативно-аналитический поиск как направление борьбы с преступностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности: Материалы всероссийского научно-практического семинара. Ч. 1. Красноярск: Сибирский ЮИ МВД России, 2023. С. 7-10.
10. Шаров В.И. Поиск и анализ оперативно-розыскной информации в интернете // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 411-416.
11. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.
12. Попов С.В. К вопросу об особенностях обнаружения признаков мошеннических действий в сети Интернет // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 216-219.
13. Желудков М.А., Алексеева А.П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159-169.
14. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-розыскной науки // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.
15. Катков С.В., Семененко Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.

REFERENCES

1. Kuznetsov Ye.V., Stupnitskiy A.Ye. Osnovaniya dlya provedeniya operativno-razysknykh meropriyatiy: problemy initsiativnosti operativnogo poiska // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2016. № 16-1. S. 46-47.

2. Shishkovets I.I. O ponyatii, sodержanii i pravovykh osnovaniyakh operativnogo poiska kak tselostnoy sistemy // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2021. № 1 (41). S. 78-83.
3. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob"yekty operativnoy zainteresovannosti // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.
4. Karpika A.G. Aktual'nyye voprosy poiska i analiza tsifrovyykh sledov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Yurist"-Pravoved". 2019. № 3 (90). S. 171-179.
5. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya infor-matsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhdovedomstvennyy nauchno-prakticheskoy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.
6. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskoy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.
7. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-rozysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.
8. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
9. Mazunin Ya.M. Operativno-analiticheskoy poisk kak napravleniye bor'by s prestupnost'yu, svyazannoy s nezakonnym oborotom narkotikov // Operativno-rozysknoye protivodeystviye narkoprestupnosti: Materialy vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminara. Ch. 1. Krasnoyarsk: Sibirskiy YUI MVD Rossii, 2023. S. 7-10.
10. Sharov V.I. Poisk i analiz operativno-rozysknoy informatsii v internete // Yuridicheskaya tekhnika. 2024. № 18. S. 411-416.
11. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, sodержashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-15.
12. Popov S.V. K voprosu ob osobennostyakh obnaruzheniya priznakov moshennicheskikh deystviy v seti Internet // Mezhdovedomstvennyy nauchno-prakticheskoy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 216-219.
13. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obespecheniye zashchishchennosti biometricheskikh personal'nykh dannyykh ot ispol'zovaniya v kriminal'nykh tselyakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (106). S. 159-169.
14. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.
15. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.

© Жандров В.Ю., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Жандров В.Ю. Правовое и организационное обеспечение реализации цифрового оперативного поиска // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 50-56.

Игорь Александрович ГОРКОВЕНКО,
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
начальник Калининградского филиала
ijhsy@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.102:343.97

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, уголовная ответственность, несовершеннолетний, профилактика преступности, восстановительный подход, процессуальные гарантии, ресоциализация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В исследовании, результаты которого представлены в статье, сквозь призму оперативно-разыскной деятельности рассмотрено постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором даются разъяснения особенностей привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности и назначения им наказания. На основе детального изучения постановления выявлены правовые предписания и принципы, которые определяют цели, методы, ограничения и критерии эффективности оперативно-разыскной деятельности, реализуемой в отношении несовершеннолетних. *Методы.* В ходе исследования применен комплекс взаимодополняющих методов. Диалектический метод использовался для обнаружения системных противоречий. Анкетирование оперативных сотрудников проведено для оценки проблем, возникающих в их профессиональной деятельности. Для установления объективных характеристик и тенденций преступности осуществлен контент-анализ специальной литературы, материалов уголовных дел и дел оперативного учета. Сравнительный анализ позволил сопоставить данные эмпирического исследования с мнениями экспертов. *Результаты.* Установлена прямая корреляция между требованиями, изложенными в рассмотренном акте судебного толкования, и необходимостью реформирования подходов к оперативному выявлению, документированию подростковой преступности и ее профилактике. Автор доказывает, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации формирует новую парадигму работы правоохранительных органов, смещающую акцент с репрессивно-раскрывающей функции оперативно-разыскной деятельности на превентивно-профилактическую и восстановительную. Делается вывод о том, что реализация заложенных в рассмотренном постановлении стандартов правосудия невозможна без глубокой интеграции этически выверенной, аналитически насыщенной и социально ориентированной оперативно-разыскной деятельности в межведомственную систему профилактики.

ВВЕДЕНИЕ

Современная государственная политика противодействия преступности несовершеннолетних находится на этапе преобразования, обусловленного необходимостью реализации международных стандартов прав ребенка и поиском баланса между карательными и восстановительными подходами. Изученные нами результаты проводимых в этой сфере исследований по криминологии и уголовному праву [1, 2, 3], уголовному процессу [4, 5, 6] и оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) [7, 8, 9] позволили выявить комплекс нерешенных проблем, требующих научного осмысления.

Цели исследования, основные итоги которого представлены в настоящей статье, заключались в определении специфики оперативно-разыскной деятельности в отношении несовершеннолетних; систематизации правовых предписаний, прямо или косвенно формирующих новые требования и ограничения, касающиеся ОРД данного вида, и ее новых направлений; в выявлении возникающих в рамках такой ОРД проблем и формулировании предложений по их разрешению.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования комплексно применялся ряд взаимодополняющих методов. Философско-методологической основой работы

Igor A. GORKOVENKO,
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Head of the Kaliningrad Branch
ujhsy@mail.ru

Scientific supervisor:
Andrey I. TAMBOVTSEV,
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities in Internal Affairs Agencies of the Saint Petersburg
University of the Ministry of the Interior of Russia

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AGAINST MINORS

KEYWORDS. Operational investigative activities, minor, criminal liability,
crime prevention, restorative approach, procedural guarantees, resocialization.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in the article, examines the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which provides explanations of the specifics of bringing minors to criminal responsibility and sentencing them, through the prism of operational-investigative activities. A detailed study of the resolution allowed us to identify legal provisions and principles that define the goals, methods, limitations, and effectiveness criteria of operational-investigative activities carried out in relation to minors. *Methods.* The study utilized a combination of complementary methods. The dialectical method was used to identify systemic contradictions. A survey of operational officers was conducted to assess problems arising in their professional activities. To establish objective characteristics and trends in crime, a content analysis of specialized literature, criminal case materials, and operational records was conducted. A comparative analysis allowed us to compare the data of the empirical study with expert opinions. *Results.* A direct correlation is established between the requirements set forth in the judicial interpretation act under review and the need to reform approaches to the prompt detection, documentation, and prevention of juvenile delinquency. The author demonstrates that the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation establishes a new paradigm for law enforcement, shifting the emphasis from the repressive and revealing functions of investigative operations to preventative, preventive, and restorative ones. The author concludes that the implementation of the justice standards laid out in the resolution under review is impossible without the deep integration of ethically sound, analytically rich, and socially oriented investigative operations into the interagency prevention system.

послужил диалектический метод. Он позволил распознать и проанализировать системные противоречия, присущие современной государственной политике в сфере противодействия преступности несовершеннолетних.

С помощью анкетирования 45 сотрудников правоохранительных органов (25 оперативников и 20 следователей), проведенного в 2025 году, были определены возникающие на практике проблемы, дана оценка потенциала реализации подходов, закрепленных Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – Постановление).

Контент-анализ специальной литературы, изучение материалов дел оперативного учета и уголовных дел помогли установить закономерности в проведении оперативно-разыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних и тенденции, связанные с изменениями в этой деятельности. Изучено 30 уголовных дел и 20 дел оперативного учета в отношении несовершеннолетних. Материалы были отобраны по следующим критериям: наличие социально-психологического контекста, учет возрастных особенностей и гарантий, применение восстановительных механизмов, выявление

роли взрослых, эффективность межведомственного обмена информацией, качество оперативного сопровождения.

Формально-юридический метод применялся для толкования содержания Постановления, норм уголовного и уголовно-процессуального законов, законодательства об оперативно-разыскной деятельности в части, касающейся несовершеннолетних. Это способствовало обнаружению системных связей между предписаниями, установлению иерархии требований и ограничений, адресованных субъектам ОРД.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления положений Постановления и аналогичных актов судебного толкования (в частности, разъяснений, имеющих отношение к взрослым подозреваемым и обвиняемым).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Традиционная парадигма уголовного правосудия демонстрирует ограниченную эффективность в отношении несовершеннолетних, что подтверждается научными исследованиями [10, 11]. В этих условиях особую значимость приобретает выработка новых правовых и организационных основ деятельности всех субъектов, участвующих в досудебном производстве по уголовным делам в отношении подростков [12, 13]. Постановление, формально адресованное судам, фактически формирует

концептуальные основы для деятельности всех субъектов, вовлеченных в досудебное производство, включая органы следствия, дознания и, что особенно важно, оперативно-разыскные подразделения. Однако, несмотря на более чем десятилетний период действия Постановления, вопросы внедрения сформулированных в нем указаний в практику ОРД остаются недостаточно проработанными. Сохраняются обвинительный уклон и ориентация на формальные показатели раскрываемости, не в полной мере задействован профилактический и восстановительный потенциал ОРД, фиксируются многочисленные нарушения процессуальных прав несовершеннолетних при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Всё это свидетельствует о глубоком разрыве между правовой парадигмой, заданной Верховным Судом Российской Федерации, и реальной правоприменительной практикой.

Рассмотрим негативные проявления этого разрыва.

В Постановлении со всей определенностью указано на то, что правосудие в отношении несовершеннолетних должно быть направлено не столько на наказание, сколько на максимальное воспитательное воздействие, предупреждение экстремистских и иных противоправных деяний, а также на ресоциализацию (п.п. 1, 3). Данный тезис имеет фундаментальное значение для переосмысления роли ОРД. Традиционная ее модель, ориентированная преимущественно на раскрытие уже совершенного преступления и сбор доказательств вины, представляется ограниченной и в известной степени архаичной. В новой парадигме, заданной высшим судебным органом, первичными целями ОРД оказываются раннее выявление и нейтрализация криминогенных факторов, а также предотвращение перехода подростка из «группы риска» в число исполнителей преступного умысла. Для достижения этих целей требуется перенаправление ресурсов с преимущественного реагирования на уже совершенные противоправные деяния в сторону организации системного предупреждения криминального поведения несовершеннолетних.

При такой постановке вопроса ОРМ должны быть ориентированы на выявление и мониторинг неформальных подростковых групп антиобщественной направленности (причем уже на ранних стадиях их формирования, а не после совершения ими серии правонарушений); на сбор информации комплексного характера – не только о готовящемся или совершенном преступлении, но и о социально-психологическом контексте: условиях жизни подростка, уровне семейного благополучия, влиянии деструктивного окружения, психологических травмах (п.п. 1, 17 Постановления). Такие сведения критически важны для суда при выборе между наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия (ст.ст. 90, 92 УК РФ) [14, 15].

Однако изучение материалов уголовных дел показывает, что лишь в 17% случаев в них присутствует аналитическая справка, раскрывающая социально-психологический контекст жизни несовершеннолетнего. Чаще всего (73%) в деле

имеется только формальная характеристика. Это подтверждает выводы, сделанные по результатам проведенного нами опроса, о том, что сбор сведений контекстного характера не является системной практикой и не влияет на целеполагание ОРД в настоящее время. А ведь достоверная и своевременная оперативная информация, свидетельствующая о возможности исправления подростка без назначения ему наказания, позволяет лицу, производящему предварительное расследование, и суду обоснованно прекратить уголовное преследование (п.п. 16, 31 Постановления). Таким образом, эффективность ОРД начинает измеряться не только количеством раскрытых преступлений, но и числом подростков, в отношении которых удалось инициировать процедуры восстановительного правосудия. Опрошенные нами сотрудники правоохранительных органов в целом признают обоснованность такого подхода (средняя оценка его реалистичности – 3,0-3,2 по 5-балльной шкале). При этом они указывают на ключевое препятствие для его реализации на практике – сохранение традиционных критериев оценки их работы, ориентированных на раскрываемость (так считают более 90% респондентов). Данное обстоятельство свидетельствует о глубоком противоречии между новой правовой парадигмой и действующей ведомственной системой мотивации.

Необходимо обратить внимание на то, что Постановление закрепляет для несовершеннолетних ряд процессуальных гарантий, которые формируют правовые рамки и ограничения для ОРД. В п.п. 6, 7, 26 разъясняется, что мера пресечения в виде заключения под стражу применяется в исключительных случаях, а в отношении большинства несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, она недопустима. Для оперативных подразделений это означает, что стратегия, построенная на изоляции подростка от общества в целях сокращения сроков и повышения эффективности следствия или дознания, становится юридически и этически неприемлемой. При избрании меры пресечения для несовершеннолетних, по нашему мнению, следует тщательно изучать особенности их развития и психофизического состояния, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и стремиться избегать изоляции от общества, обеспечивая соблюдение прав и законных интересов данной категории лиц в процессе осуществления ОРД.

Исходя из этого, можно сформулировать два важных для ОРД вывода.

Во-первых, речь идет о качестве подготовки и оформления результатов ОРД, приобщаемых к материалам уголовного дела для суда. Ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно содержать не констатацию наличия состава преступления, а исчерпывающие оперативные данные, убедительно доказывающие невозможность применения иной меры: отсутствие родительского контроля, устойчивые связи с организованными группами криминального характера, демонстрация подростком агрессии и игнорирование им профилактических мер. Сбор и документирование этой информации

– прямая задача оперативного сотрудника. При этом, как показывают результаты проведенного нами опроса, три четверти следователей оценивают риск признания доказательств недопустимыми из-за нарушений при работе с несовершеннолетними как «очень серьезный», тогда как среди оперативных сотрудников такого мнения придерживается лишь каждый пятый. Этот разрыв в восприятии риска указывает на одну из ключевых точек напряженности в досудебном производстве и подтверждает необходимость смещения акцента на негласные методы [16].

Во-вторых, следует иметь в виду, что при невозможности изоляции резко возрастает роль оперативного контроля за несовершеннолетним, находящимся на свободе. Это обстоятельство обуславливает потребность разработки специальных методик наблюдения, отслеживания коммуникаций и организации негласной работы в молодежной среде в целях предотвращения новых преступлений. Важными задачами правоохранительных органов являются своевременное выявление и пресечение преступлений, совершаемых подростками, и их изъятие из преступной среды путем осуществления индивидуальной профилактики. Эффективное решение данных задач невозможно без ОРД. При этом участие несовершеннолетних в оперативно-разыскных отношениях может рассматриваться в двух основных аспектах: в качестве лиц, содействующих субъектам ОРД, и в качестве объектов оперативно-разыскных мероприятий [17].

Большое значение имеет фактор недопустимости доказательств, полученных с нарушением специальных процедур (п. 9 Постановления). Допрос несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет (а в ряде случаев и старше), без участия педагога или психолога ведет к безусловному признанию показаний недопустимыми¹. Для ОРД это создает зону повышенного процессуального риска. При изучении дел оперативного учета (15%) и материалов уголовных дел (27%) нами были выявлены нарушения процедур осуществления контакта с несовершеннолетними или претензии к его организации со стороны защиты. В ряде случаев это привело к невозможности использования полученных сведений в качестве доказательств. Данный факт напрямую коррелирует с высокой оценкой серьезности этой проблемы, которую в ходе анкетирования дали 75% следователей. Любые оперативные контакты с несовершеннолетним, беседы с ним или опросы, которые могут трактоваться как попытка неформального получения сведений, ставят под угрозу всё последующее производство по делу². Следовательно, акцент должен быть смещен на негласные методы получения информации, исключающие прямой контакт оперативного сотрудника с подростком в подобном контексте: на работу с содействующими лицами, наблюдение, анализ «цифрового следа», проведение ОРМ в сети Интернет.

В п. 45 Постановления обосновано применение принципа конфиденциальности, являющегося для ОРД одним из основных. Пленум, ссылаясь на Пекинские правила³, обязывает обеспечивать конфиденциальность информации о несовершеннолетнем правонарушителе для защиты его репутации и будущей ресоциализации. Для ОРД это означает усиление режима защиты оперативной информации. Утечка данных о несовершеннолетнем, находящемся в разработке, или, что еще более опасно, о несовершеннолетнем, содействующем правоохранительным органам, наносит ему непоправимый вред и дискредитирует саму систему правосудия.

Анализ Постановления позволяет выделить ряд конкретных указаний, которые трансформируются в задачи для оперативных подразделений. Прежде всего это установление возраста и уровня психического развития (п.п. 5, 14). Точный возраст и наличие отставания в психическом развитии, ограничивающего вменяемость, являются обязательными элементами предмета доказывания. ОРД на стадии проверки информации или разработки не может игнорировать признаки психической незрелости или возрастной неуверенности. Зафиксированные оперативным путем данные об инфантильном поведении, легкой внушаемости, неадекватном восприятии ситуации должны быть немедленно переданы следователю (дознавателю) для постановки вопроса о комплексной психолого-психиатрической экспертизе. ОРД может активно способствовать сбору материалов для экспертов (характеристики из образовательных учреждений, свидетельства лиц из круга общения и т.д.) [18].

Далее, большое значение имеет установление фактов вовлечения подростков в преступную деятельность взрослыми (п. 42 Постановления). Суд, в частности, должен тщательно изучать характер взаимоотношений между взрослым и несовершеннолетним соучастниками. Сбор необходимых для этого материалов – задача оперативных подразделений. Выявление и документирование роли взрослого, методов его воздействия на подростка (обещания, обман, угрозы, разжигание низменных побуждений) относится к числу приоритетов ОРД. Особенно важна работа по пресечению вовлечения взрослыми несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность, а также в незаконный оборот наркотиков.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие исследователи солидарны во мнении о необходимости снижения возраста привлечения к уголовной ответственности [10, с. 194] и, соответственно, о возможности участия несовершеннолетних в оперативно-разыскных отношениях с 11-12 лет. Однако имеются и противоположные мнения. В частности, А.П. Алексеева считает, что для эффективного противодействия наркопреступности несовершеннолетних нужно усилить

¹ См., например: Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12.12.2022 по делу № 55-635/2022.

² См., например: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2023 № 77-145/2023.

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года.

профилактические меры, повысить результативность работы правоохранительных органов и образовательных учреждений и расширить сеть реабилитационных центров, а не снижать возраст уголовной ответственности, видя в этом попытку уйти от ответственности взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в криминальную деятельность [12, с. 20].

Кроме того, считаем важным сделанный в Постановлении акцент на примирении несовершеннолетнего нарушителя с потерпевшим и заглаживании им причиненного вреда (п. 16). Суд должен выяснять возможность примирения сторон по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. ОРД здесь может быть инструментом реализации восстановительных процедур. Тем не менее результаты контент-анализа демонстрируют, что такой потенциал используется крайне редко: примирение стало основанием для прекращения уголовных дел лишь в 13% случаев, рассмотренных нами в ходе исследования, а в материалах дел оперативного учета вообще зафиксированы только единичные инициативы о применении примирительных процедур. Представленные данные подтверждают глубокий разрыв между декларируемой в Постановлении возможностью и реальной следственной и оперативной практикой. Оперативный сотрудник, располагая доверительными контактами, может способствовать установлению диалога между сторонами, выяснить реальную позицию потерпевшего относительно компенсации, зафиксировать факты добровольного возмещения ущерба. Это меняет роль оперативного сотрудника: в таких условиях он перестает быть нейтральным субъектом сбора информации и становится активным участником процесса восстановления социальной справедливости.

Наконец, одним из наиболее важных направлений ОРД представляется выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления (п. 44 Постановления). Обязанность суда реагировать частными определениями на недостатки в работе органов профилактики формирует для ОРД аналитико-профилактическую функцию. Собираемые оперативным путем сведения о системных проблемах (безнадзорность, дефекты работы комиссий по делам несовершеннолетних, распространение наркотиков в учебных заведениях, деятельность деструктивных интернет-сообществ) должны обобщаться, анализироваться и направляться не только для возбуждения уголовных дел, но и в органы государственной власти и местного самоуправления для принятия управленческих и профилактических решений. Таким образом, ОРД становится важнейшим источником «сигнальной» информации для системы профилактики в целом. Однако качество обмена такого рода данными на сегодняшний день оценивается практиками крайне низко: большинство опрошенных оперативных сотрудников (72%) и следователей (60%) характеризуют его как формальный или неэффективный. Наиболее ценной для передачи субъектам профилактики информацией респонденты назвали сведения о связях несовершеннолетнего в деструктивных группах и его

социально-бытовых условиях. Итоги проведенного нами анализа документов позволяют говорить о том, что обмен информацией носит исключительно запаздывающий и формальный характер: в материалах 83% уголовных дел, которые были рассмотрены в ходе исследования, зафиксировано, что запросы в профилактические органы инициировались уже после возбуждения дела, а в оперативных материалах указаний на упреждающую передачу данных для раннего реагирования практически нет. Сделанный нами вывод полностью согласуется с негативной оценкой эффективности взаимодействия, которую дали респонденты, участвовавшие в опросе.

Проведенное исследование дает основания сформулировать ряд выводов о направлениях совершенствования ОРД для адаптации к новой восстановительно-превентивной парадигме правосудия в отношении несовершеннолетних.

Во-первых, в сфере целеполагания необходимо официальное закрепление в ведомственных нормативных актах наряду с выявлением, пресечением и раскрытием преступлений превентивной и восстановительной целей ОРД. Данные опроса однозначно указывают на то, что без пересмотра ведомственных критериев эффективности декларируемый сдвиг парадигмы останется нереализованным. На это обратило внимание абсолютное большинство респондентов. Критерии оценки работы оперативных подразделений должны быть дополнены показателями, отражающими их вклад в применение воспитательных мер и предупреждение преступлений.

Во-вторых, нужно совершенствовать подготовку личного состава и структуру правоохранительных органов. В уголовном розыске и подразделениях по контролю за оборотом наркотиков целесообразно создавать оперативно-профилактические группы, фокусирующиеся исключительно на подростковой среде. Обязательным элементом подготовки оперативных сотрудников должны стать обучающие курсы по подростковой психологии, основам восстановительного правосудия и этике работы с несовершеннолетними. Запрос на такие знания есть: большинство оперативников, принявших участие в исследовании, поставили их на первое место среди потребностей, удовлетворить которые можно было бы в рамках дополнительной подготовки (72%).

В-третьих, следует заняться методологическим перевооружением органов, осуществляющих ОРД. Приоритет должен быть отдан негласным, высокотехнологичным методам, минимизирующим прямой контакт с подростком на досудебных стадиях. Речь идет об углубленной работе с лицами, оказывающими содействие, цифровом мониторинге, анализе больших данных для выявления групп риска, использовании возможностей оперативной аналитики. При наличии объективных оснований для проведения ОРМ необходимо применять весь оперативно-разыскной инструментарий с привлечением оперативно-поисковых и оперативно-технических подразделений.

В-четвертых, важнейшими направлениями совершенствования ОРД выступают интеграция в

систему профилактики правонарушений несовершеннолетних и развитие аналитики. Необходимо создание защищенных межведомственных каналов обмена информацией между оперативными подразделениями, подразделениями по делам несовершеннолетних, органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних и социальными службами. На основе оперативных данных должна развиваться профилактическая аналитика, позволяющая строить прогнозные модели, реализовывать эффективные упреждающие действия и оценивать результативность применяемых мер.

В-пятых, особое значение приобретает повышение уровня правовой и этической культуры. В данном случае речь идет о внедрении стандартов, исключающих нарушения процессуальных прав несовершеннолетних в ходе ОРМ. Оперативно-разыскная деятельность должна осуществляться с учетом высшей цели – интересов ребенка и его будущей ресоциализации, что требует исключения из практики методов, использование которых может причинить подростку непоправимый психологический или репутационный вред.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется очевидным, что Постановление является не только актом судебного толкования, но и стратегическим документом, задающим вектор развития оперативно-разыскной деятельности. Вместе с тем следует отметить, что сформированная им новая парадигма правосудия в отношении несовершеннолетних находит ограниченное понимание среди сотрудников опера-

тивных подразделений, ее реализация сталкивается со значительными трудностями. В качестве ключевых проблем можно выделить формализм сбора информации о социально-психологическом контексте жизни подростка, игнорирование потенциала восстановительных процедур и исключительно запаздывающий, формальный характер межведомственного обмена данными. Указанные недостатки требуют не дополнительных разъяснений, а системных изменений в управлении правоохранительными органами, совершенствования критериев оценки их деятельности и ее методического обеспечения.

Затрудняют адаптацию оперативно-разыскной деятельности к новой парадигме правосудия в отношении несовершеннолетних, помимо непонимания ее целей, институциональные барьеры: устаревшие ведомственные критерии определения качества работы (ориентированные на раскрываемость), дефицит специализированных знаний в области подростковой психологии и восстановительного правосудия, а также неэффективные механизмы межведомственного взаимодействия.

Реализация современных стандартов правосудия в отношении несовершеннолетних требует не только правового, но и управленческого преобразования оперативно-разыскной деятельности. Ее успешная адаптация к новой восстановительно-превентивной парадигме является условием повышения реальной эффективности противодействия преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.
2. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.
3. Пахомова О.Н. Некоторые современные проблемы совершенствования уголовно-правового механизма охраны семьи и несовершеннолетних // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 141-144.
4. Козлова Е.Л., Барина Е.Д. Тактические особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых, совершивших преступления в преступной группе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы международной научно-практической конференции. Севастополь: Севастопольский государственный университет, Ариал, 2025. С. 37-41.
5. Власенкова Э.А. Особенности проведения психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 59-65.
6. Кузнецов Д.В., Кузьмина О.Л. Права, законные интересы и обязанности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 113-121.
7. Гринева Д.А. К вопросу привлечения несовершеннолетних к проведению оперативно-розыскных мероприятий // Общество. Право. Современность: Материалы научно-представительских мероприятий. Ч. 4. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2025. С. 63-65.
8. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-

розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. С. 63-66.

9. Кот Е.А. Технологии манипулирования сознанием несовершеннолетнего в сети Интернет: криминалистический аспект // IV Хмыровские криминалистические чтения: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 30-35.

10. Случевская Ю.А. Компенсационная и восстановительная функции уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 194-208.

11. Пахомова О.Н. Некоторые современные проблемы совершенствования уголовно-правового механизма охраны семьи и несовершеннолетних // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 141-144.

12. Алексеева А.П. Возраст привлечения к уголовной ответственности за наркопреступления: нужна ли коррекция? // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 17-21.

13. Пахомова О.Н. Читерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 307-310.

14. Козлова Е.Л., Барина Е.Д. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. 2021. № 4. С. 8-11.

15. Случевская Ю.А. Потенциал использования в уголовном праве судебного штрафа в качестве компенсационно-восстановительного механизма // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы всероссийской научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2025. С. 420-423.

16. Попов С.В. Конфиденциальное содействие: проблемы реализации и перспективы трансформации // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: Материалы всероссийского конгресса. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 740-745.

17. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.

18. Попов С.В. О некоторых вопросах привлечения граждан к гласному содействию оперативными аппаратами ОВД // Актуальные проблемы права и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. Донецк: Академия МВД ДНР, 2022. С. 385-388.

REFERENCES

1. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak odno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.

2. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.

3. Pakhomova O.N. Nekotoryye sovremennyye problemy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo mekhanizma okhrany sem'i i nesovershennoletnikh // Sostoyaniye, dinamika i tendentsii prestupnosti v semeyno-bytovoy sfere: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. S. 141-144.

4. Kozlova Ye.L., Barinova Ye.D. Takticheskiye osobennosti doprosa nesovershennoletnikh podozrevayemykh, sovershivshikh prestupleniya v prestupnoy gruppe // Ugolovnoye proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sevastopol': Sevastopol'skiy gosudarstvennyy universitet, 2025. S. 37-41.

5. Vlasenkova E.A. Osobennosti provedeniya psikhologicheskoy ekspertizy v otnoshenii nesovershennoletnikh // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti podrazdeleniy i sluzhb organov vnutrennikh del v sfere okhrany obshchestvennogo poriyadka i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti: Sbornik nauchnykh statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. S. 59-65.

6. Kuznetsov D.V., Kuz'mina O.L. Prava, zakonnyye interesy i obyazannosti nesovershennoletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 4 (58). S. 113-121.

7. Grineva D.A. K voprosu privlecheniya nesovershennoletnikh k provedeniyu operativno-rozysknykh meropriyatiy // Obshchestvo. Pravo. Sovremennost': Materialy nauchno-predstavitel'skikh meropriyatiy. Ch. 4. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskii institut MVD Rossii, 2025. S. 63-65.

8. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2025. S. 63-66.
9. Kot Ye.A. Tekhnologii manipulirovaniya soznaniyem nesovershennoletnego v seti Internet: kriminalisticheskiy aspekt // IV Khmyrovskiy kriminalisticheskiy chteniya: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 30-35.
10. Sluchevskaya Yu.A. Kompensatsionnaya i vosstanovitel'naya funktsii ugolovnogo prava // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4 (104). S. 194-208.
11. Pakhomova O.N. Nekotoryye sovremennyye problemy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo mekhanizma okhrany sem'i i nesovershennoletnikh // Sostoyaniye, dinamika i tendentsii prestupnosti v semeyno-bytovoy sfere: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. S. 141-144.
12. Alekseyeva A.P. Vozrast privilecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti za narkoprestupleniya: nuzhna li korrektsiya? // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 17-21.
13. Pakhomova O.N. Chisterstvo: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. S. 307-310.
14. Kozlova Ye.L., Barinova Ye.D. Sudebnyy shtraf kak mera osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 4. S. 8-11.
15. Sluchevskaya Yu.A. Potentsial ispol'zovaniya v ugolovnom prave sudebnogo shtrafa v kachestve kompensatsionno-vosstanovitel'nogo mekhanizma // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik nauchnykh statey po rezul'tatam raboty vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2025. S. 420-423.
16. Popov S.V. Konfidentsial'noye sodeystviye: problemy realizatsii i perspektivy transformatsii // Sankt-peterburgskiy vstrechi molodykh uchenykh: Materialy vserossiyskogo kongressa. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 740-745.
17. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.
18. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh privilecheniya grazhdan k glasnomu sodeystviyu operativnymi apparatami OVD // Aktual'nyye problemy prava i puti ikh resheniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Donetsk: Akademiya MVD DNR, 2022. S. 385-388.

© Горковенко И.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Горковенко И.А. Теоретико-прикладные аспекты осуществления оперативно-разыскной деятельности в отношении несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 57-64.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)
профессор кафедры государственного и муниципального управления
M-13913@mail.com

Юлия Владимировна КАПИТАНЕЦ,

кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)
заведующая кафедрой государственного и муниципального управления
gtm@rea.ru

Научная статья
УДК 342.9

«ВОЙНА ПОЛОВ» КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ УГРОЗА ДЛЯ САМОСОХРАНЕНИЯ И САМОВОСПРОИЗВОДСТВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Война полов, информационно-психологическое воздействие, когнитивные угрозы, национальная безопасность, традиционные ценности, демографическая безопасность, гендерное и межпоколенческое доверие, принцип добросовестности, стигматизация, теория культивации.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования феномена «войны полов» как специфической формы информационно-психологического и когнитивного воздействия на сферу брачно-семейных отношений, традиционные духовно-нравственные ценности и демографическую устойчивость общества. Актуальность работы обусловлена тем, что в современном медиaprостранстве всё чаще воспроизводятся конфликтные и негативные образы мужчин и женщин, и это способствует подрыву доверия в семейных отношениях и ослаблению межличностной солидарности. **Методы.** Методологическую основу исследования составили системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и ценностно-нормативный подходы. Использовались элементы анализа медиадискурса, теории культивации, теории стигматизации, а также авторской концепции А.И. Мелихова, в рамках которой национальная безопасность рассматривается как процесс самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания многонационального народа. **Результаты.** Установлено, что «война полов» проявляется через систематическое формирование в медиaprостранстве негативных образов мужчин и женщин, искусственное усиление недоверия к потенциальным брачным партнерам, распространение ярлыков и стигматизирующих категорий. Данные процессы ведут к атомизации общества, снижению готовности к браку и родительству, ослаблению семейных связей и демографического потенциала. Подрыв доверия между мужчиной и женщиной является не только социально-культурной проблемой, но и угрозой национальной безопасности в сфере духовно-нравственных ценностей и самовоспроизводства народа. Делается вывод о необходимости нормативного закрепления принципа доверия и добросовестности в отношениях между мужчиной и женщиной, а также между старшими и младшими поколениями в системе защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Предлагается придать этому принципу межотраслевое значение, распространив его, в частности, на семейное и информационное право, что позволит усилить правовые механизмы противодействия деструктивному медиаконтенту, подрывающему институт семьи, межпоколенческую преемственность и демографическую безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

Ключевыми направлениями деструктивного воздействия на духовно-нравственные ценности и историческую память являются информационно-психологические операции и массированная пропаганда, фальсификация истории и «войны памяти», культурно-идеологическое давление, разжигание «войны поколений» и «войны полов» [1]. В этом контексте нами зафиксировано несколько видов современных информационных угроз. В частности, это «**война поколений**», которая представляет собой сознательное разжигание конфликта между старшими и молодыми поколениями, и «**война полов**» – сознательное разжигание конфликта между мужчинами и женщинами репродуктивного возраста.

Последний из названных видов пока мало исследуется в отечественной науке [2, с. 148-170; 3, с. 194-195, 260]. Приходится говорить об этом с сожалением, так как для коллективного Запада разжигание ненависти между мужчиной и женщиной остается информационным оружием на протяжении всего постсоветского периода истории, когда культурно-идеологическое давление наших геополитических противников нацелилось на размывание традиционных нравственных основ и подрыв культурной идентичности [4].

Под видом «модернизации» и «либерализации» продвигаются нормы и практики, противоречащие отечественной духовной традиции. Традиционные ценности дискредитируются как «архаика» и «пережиток прошлого». Попытки обратиться в гендерных отношениях к здравому смыслу по инерции навязанных неолиберальных ценностей представляются некоторыми современными учеными «маргинализацией темы репродуктивных прав, гендерного насилия, экономической автономии и доступа женщин к политике», что «воспроизводит структурное неравенство и ограничивает возможности для расширения политической и социальной субъектности женщин» [5]. Не отрицая наличия перечисленных проблем в современном российском обществе, тем не менее считаем целесообразным поддержать дискуссию о правовой охране доверия в условиях искусственной культивации гендерных [6] и межпоколенческих конфликтов [7, 8].

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого изложены в статье, базировалось на диалектическом методе познания, позволяющем рассматривать «войну полов» как динамически развивающийся, внутренне противоречивый феномен, находящийся в постоянном изменении под воздействием внешних (геополитических, информационных, технологических) и внутренних (социокультурных, ценностно-нормативных) факторов.

Системный подход был применен для анализа «войны полов» как элемента более широкого комплекса когнитивных и информационно-психологических угроз, направленных на подрыв способности многонационального народа Российской Федерации к самосохранению, самовоспроизводству и самоподдержанию. В рамках данного подхода брачно-семейные отношения рассматри-

ваются не изолированно, а как базовый механизм воспроизводства социальной целостности, демографической устойчивости и межпоколенческой преемственности.

В ходе исследования мы опирались на положения органической теории национальной безопасности (разработана А.И. Мелиховым). В ее рамках национальная безопасность понимается не только как состояние защищенности государственных институтов и территориальной целостности, но и как способность общества к самосохранению (консолидация перед внешними и внутренними угрозами), самовоспроизводству (демографическое и культурное воспроизводство народа) и самоподдержанию (сохранение внутренней регуляции, неформальных механизмов социальной поддержки, семейной солидарности). В контексте данной концепции «война полов» приобретает не частный социально-культурный, а системный, структурно-функциональный характер, она воспринимается как угроза антропологическому измерению национальной безопасности [9].

С точки зрения самосохранения и самовоспроизводства многонационального народа «война полов» представляет собой форму деструктивного воздействия на базовый уровень социальной солидарности. Систематическая демонстрация в медиапространстве образов мужчины и женщины в качестве взаимоопасных, вызывающих подозрение и заведомо ненадежных партнеров подрывает доверие в гендерных отношениях как ключевой социальной ресурс. В условиях эрозии доверия в обществе ослабляются горизонтальные связи, возрастает его атомизация, у индивида усиливается чувство экзистенциальной небезопасности. Это, в свою очередь, снижает способность общества к консолидации перед внешними и внутренними угрозами, что противоречит задаче самосохранения народа как целостного социального организма.

В логике самовоспроизводства «война полов» приобретает еще более критическое значение. Демографическое воспроизводство невозможно без стабильных, долгосрочных и ценностно легитимированных отношений между мужчиной и женщиной. Формирование в общественном сознании устойчивых негативных ожиданий по отношению к браку, семье, родительству и взаимной ответственности приводит к сознательному отказу от создания семьи и рождения детей либо к замещению этих форм краткосрочными, легко разрушаемыми моделями взаимодействия. В результате подрывается не только количественное воспроизводство населения, но и качественная передача культурных, нравственных и гражданских установок. Всё это ослабляет потенциал народа к исторической продолженности.

Говоря о самоподдержании многонационального народа, следует иметь в виду, что «война полов» разрушает механизмы внутренней регуляции и устойчивости социальной системы. Семья является не только демографическим, но и институционально-нормативным ядром, обеспечивающим первичную социализацию, формирование идентичности, усвоение ценностей служения, ответственности и солидарности. При дискреди-

Alexander I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Professor of the Department of Public and Municipal Administration
M-13913@mail.com

Yulia V. KAPITANETS,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Head of the Department of State and Municipal Administration
gmu@rea.ru

THE «GENDER WAR» AS AN INFORMATION THREAT TO THE SELF-PRESERVATION AND SELF-REPRODUCTION OF THE MULTINATIONAL PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

KEYWORDS. Gender war, informational and psychological influence, cognitive threats, national security, traditional values, demographic security, gender and intergenerational trust, principle of good faith, stigmatization, cultivation theory.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of a study of the «gender war» phenomenon as a specific form of informational, psychological, and cognitive influence on marital and family relations, traditional spiritual and moral values, and the demographic stability of society. The relevance of the work is determined by the fact that conflicting and negative images of men and women are increasingly reproduced in the modern media space, which contributes to the undermining of trust in family relationships and the weakening of interpersonal solidarity. *Methods.* The methodological basis of the study consists of systemic, structural-functional, comparative-legal, and value-normative approaches. Elements of media discourse analysis, cultivation theory, stigmatization theory, as well as the author's concept of A.I. Melikhov, within the framework of which national security is considered as a process of self-preservation, self-reproduction, and self-maintenance of a multinational people. *Results.* It has been revealed that the «gender war» manifests itself through the systematic formation of negative images of men and women in the media, the artificial reinforcement of mistrust of potential marriage partners, and the spread of labels and stigmatizing categories. These processes lead to the atomization of society, a decline in readiness for marriage and parenthood, and the weakening of family ties and demographic potential. The erosion of trust between men and women is not only a socio-cultural problem but also a threat to national security in the sphere of spiritual and moral values and the self-reproduction of the people. It is concluded that the principle of trust and good faith in relationships between men and women, as well as between older and younger generations, must be legally enshrined in the system of protecting traditional Russian spiritual and moral values. It is proposed that this principle be given cross-cutting significance, extending it, in particular, to family and information law, which will strengthen legal mechanisms for countering destructive media content that undermines the institution of the family, intergenerational continuity, and demographic security.

тации семьи как социального института возрастает нагрузка на государственные и квазигосударственные структуры, ослабевают неформальные механизмы социальной поддержки, усиливается зависимость индивида от внешних управляющих воздействий – прежде всего информационных и медиатехнологических.

Принципиально важно, что в рамках органической теории национальной безопасности «война полов» не может рассматриваться как спонтанный результат культурной эволюции или частное следствие индивидуальных предпочтений. Она выступает как элемент более широкого комплекса когнитивных и информационно-идеологических воздействий, направленных на подрыв способности народа к самоподдержанию и самовоспроизводству без внешнего контроля. Разрушение доверия между полами облегчает манипуляцию массовым сознанием, поскольку атомизированное общество, лишенное устойчивых семейных и межличностных связей, становится более восприимчивым к навязываемым извне ценностям идентичности и моделям поведения.

Снижение уровня семейной солидарности, усиление недоверия между полами и распростране-

ние конфронтационных моделей взаимодействия оказывают негативное влияние на брачное поведение, репродуктивные установки и стабильность отношений в семье. В результате возникают риски, связанные с сокращением демографического потенциала, ослаблением механизмов межпоколенческой передачи социальных и культурных ценностей, а также ослаблением способности общества к устойчивому самовоспроизводству.

Вышеперечисленные процессы могут быть интерпретированы как угрозы общенациональной безопасности когнитивного и ценностного характера, воздействующие на глубинные основания многонационального народа России. Их специфика заключается в том, что они не проявляются в форме непосредственного ущерба материальным объектам или государственным институтам, однако могут последовательно изменять социальные установки, модели поведения и ценностные ориентации, определяющие долгосрочную устойчивость общества.

Следовательно, вопросы сохранения устойчивых семейных отношений и развития культуры взаимного уважения между полами должны рассматриваться в качестве одного из направлений

обеспечения национальной безопасности в ее антропологическом измерении. Речь идет о самоподдержании и самовоспроизводстве многонационального народа Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

«Война полов» является специфической формой когнитивного воздействия на сферу брачно-семейных отношений. Она есть не стихийный конфликт мужчин и женщин, а систематическое воспроизводство в медиапространстве таких образов и нарративов, которые представляют мужчину и женщину как взаимоопасных, вызывающих подозрение и заведомо ненадежных партнеров. Это приводит к размыванию доверия между полами, обесцениванию брака и семьи как социальных институтов, появлению устойчивых негативных ожиданий по отношению к потенциальным супругам.

1. Разрушительные результаты «войны полов» достигаются прежде всего посредством навязывания негативных образов мужчин и женщин.

Современные массмедиа и цифровые платформы ориентированы на производство «контента высокой вовлеченности», что обуславливает смещение акцента в сторону сюжетов конфликтного, скандального и экстремального содержания. Поэтому в медиадискурсе систематически конструируются **отрицательные и непривлекательные образы** представителей обоих полов.

Мужчины в медийных нарративах часто позиционируются как:

- агрессивные и опасные (домашние тираны, абьюзеры, склонные к насилию и унижению партнерши);
- инфантильные и безответственные (не способны обеспечить семью, не готовы к долгосрочным обязательствам, «вечные подростки»);
- сексуально ненадежные (склонные к изменам и двойной жизни, для них супружество не является ценностью);
- интеллектуально и социально несостоятельные (карикатурные персонажи, которые не могут принимать взвешенных решений и нуждаются в постоянной «опеке» со стороны женщины).

Женщины, в свою очередь, нередко представляются как:

- меркантильные и корыстные (выходящие замуж «за кошельки», ориентированные в отношениях исключительно на материальную выгоду);
- манипулятивные и лживые (использующие эмоции, детей, сексуальность, социальный статус как инструмент давления и контроля);
- эмоционально нестабильные и «токсичные» (истеричные, склонные к драматизации и разрушительным конфликтам);
- поверхностные и потребительски настроенные (сконцентрированные на внешности, потреблении и символическом статусе, но не на содержательных аспектах партнерства).

Такие репрезентации носят не единичный, а массовый характер, воспроизводятся в сериалах, ток-шоу, развлекательном контенте, блогосфере и социальных сетях. Позитивные, устойчивые и основанные на взаимном уважении брачно-семей-

ные отношения оказываются в информационной тени, уступая место «драме» и конфликту как более «просматриваемым» сюжетам. С точки зрения теории культивации [10] длительное погружение в подобную медиасреду формирует у аудитории ощущение, что демонстрируемая картина мира является нормой, а не крайним, проблемным вариантом.

2. Негативное влияние на демографическую ситуацию в стране оказывает искусственный подрыв доверия и формирование в информационном пространстве неуверенности в потенциальных брачных партнерах.

Систематическое тиражирование отрицательных образов мужчин и женщин приводит к закреплению у молодежи и взрослых базовых установок недоверия по отношению к браку и потенциальным супругам. На уровне массового сознания формируются устойчивые стереотипы:

- «порядочных и надежных партнеров почти не существует»;
- «во вступлении в брак изначально заложен высокий риск эксплуатации, измены и насилия»;
- «открытость и искренность воспринимаются как слабость, ведущая к использованию одного партнера другим».

В результате мужчина и женщина вступают во взаимодействие уже не как субъекты, ориентированные на взаимную поддержку и создание семьи, а как подозревающие друг друга стороны, стремящиеся минимизировать каждый для себя возможный ущерб. Это проявляется в:

- гипертрофированном стремлении к контролю и проверкам («тестирование» партнера на честность и лояльность, тотальный мониторинг поведения в сети и вне ее);
- распространении циничных установок («лучше никому не доверять», «если не использовать другого – используют тебя»);
- повышении уровня готовности к отказу от брака и родительства как от «избыточно рискованных проектов».

Таким образом, результатом навязывания массмедиа негативных образов мужчин и женщин оказывается снижение базового доверия между полами, формирование представлений о рискованности, неопределенности, уязвимости и зависимости отношений, что подрывает саму возможность долгосрочного брачно-семейного проектирования как социокультурной ценности [11] и усиливает тенденции индивидуализации и демографического спада.

3. Деструктивное воздействие оказывает механизм ярлыков и стигматизации потенциальных супругов.

Важным инструментом «войны полов» выступает механизм ярлыков, хорошо описанный в рамках социологической теории стигматизации [12, 13]. Медиадискурс и соцсети предлагают аудитории набор упрощенных категорий для обозначения «опасных» или «неприемлемых» партнеров. Эти ярлыки затем активно используются в межличностной коммуникации.

В современном коммуникативном пространстве значительное распространение получили про-

цессы социальной категоризации личности посредством использования упрощенных оценочных характеристик. Подобные обозначения являются инструментом разделения индивидов на группы на основании тех или иных особенностей их поведения, социального статуса или соответствия определенным общественным ожиданиям.

В отношении мужчин наиболее часто используются характеристики, связанные с их материальным положением («альфонс», «иждивенец»), уровнем социальной успешности («маменькин сынок», «изменщик») и особенностями межличностного поведения («абыюзер», «тиран», «инфантил»). Так, неопределенность экономического статуса либо несоответствие распространенным представлениям о социальной состоятельности нередко становится основанием для формирования негативных оценок личности. Аналогичным образом попытки реализации представлений о распределении семейных обязанностей и ответственности могут интерпретироваться через призму негативных социальных стереотипов. Предметом оценивания также становятся уровень материальной самостоятельности, степень социальной зрелости и характер взаимодействия с представителями противоположного пола.

В отношении женщин процессы стереотипизации также основываются на аспектах социального поведения и жизненных стратегий. В частности, объектом негативных оценок могут выступать ожидания, связанные с материальной обеспеченностью потенциального партнера («голддиггер», «содержанка»), эмоциональное выражение собственной позиции («истеричка», «токсичная»), профессиональная самореализация («стерва», «карьеристка»), особенности личной биографии и публичной самопрезентации («не для серьезных отношений»). Подобные оценки зачастую формируются независимо от конкретных обстоятельств и опираются преимущественно на устойчивые социальные представления.

С точки зрения социальной психологии использование стереотипизированных характеристик выполняет несколько взаимосвязанных функций.

Во-первых, оно способствует когнитивному упрощению социальной реальности. Многообразие индивидуальных особенностей личности редуцируется до ограниченного набора типичных признаков, что снижает необходимость детального анализа мотивов и поведения другого человека.

Во-вторых, стереотипизация может выполнять защитную функцию, позволяя субъекту интерпретировать неопределенность межличностных отношений через заранее сформированные схемы восприятия. В этом случае негативные ожидания в отношении потенциального партнера получают субъективное обоснование и воспринимаются как подтвержденные социальным опытом.

В-третьих, стереотипные оценки способны выступать инструментом социального регулирования. Их активное использование в публичном информационном пространстве оказывает влияние

на формирование общественных представлений о допустимых моделях поведения, а также способствует закреплению определенных нормативных ожиданий в отношении мужчин и женщин.

Особое значение данные процессы приобретают в условиях цифровизации общественных коммуникаций. Современные цифровые платформы создают условия для быстрого распространения и воспроизводства стереотипных представлений посредством алгоритмов персонализированной выдачи информации и формирования однородных информационных сообществ. В итоге пользователи чаще сталкиваются с контентом, который согласуется с уже имеющимися установками и убеждениями, что может усиливать односторонность восприятия социальных процессов и снижать готовность к критическому переосмыслению существующих представлений. Эти тенденции оказывают влияние на формирование установок в сфере межличностных и семейно-брачных отношений, усложняя развитие моделей взаимодействия, основанных на взаимном доверии, уважении и объективной оценке личностных качеств партнера.

Таким образом, «война полов» в медиапространстве представляет собой значимый канал информационно-психологического воздействия на общество. Его использование приводит к деформации образов мужчин и женщин, эрозии доверия между потенциальными супругами и стигматизации брачно-семейных отношений. В публичном пространстве в результате успешного ведения «войны полов» укрепляются радикальные движения, продвигающие идеи отказа от семьи, детей, долгосрочных обязательств («чайлдфри»¹, некоторые течения радикального феминизма, антимужские/антиженские сообщества и др.). Вирусные видеоролики, содержание которых соответствует лозунгам «отношения невыгодны», «дети мешают успеху», «семья – источник проблем», формируют у молодежи образ семьи как угрозы личной свободе. Эффект «эхо-камер» в соцсетях приводит к радикализации взглядов и утрате доверия между полами. В совокупности данные процессы оказываются фактором духовно-нравственной и демографической дестабилизации, они подрывают демографический и нравственный потенциал общества, ведут к увеличению количества одиноких, психологически уязвимых людей, к кризису институтов брака и семьи. Для России, где демографическая устойчивость уже является насущной проблемой национальной безопасности, такая ценностная трансформация чревата долгосрочными негативными последствиями. Всё это необходимо учитывать при разработке мер по укреплению семейных ценностей и культурного суверенитета.

Особую роль в культурно-ценностном давлении играют глобальные медиасистемы и индустрия развлечений, прежде всего Голливуд и крупные стриминговые платформы («YouTube», «TikTok» и др.), тесно взаимодействующие с государственными структурами США. Через механизмы «мягкой силы» и культурной экспансии

¹ С 2024 года в России пропаганда чайлдфри запрещена законом. См.: Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

формируются стандарты поведения, эстетические и моральные ориентиры, не совпадающие с традиционными представлениями российского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для борьбы с негативным информационно-психологическим воздействием, вызванным «войной полов», мы предлагаем скорректировать положения Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Речь о том, чтобы дополнить его раздел, определяющий содержание традиционных ценностей, принципом «доверия и добросовестности между мужчиной и женщиной, между старшим и младшим поколением». Этот принцип является фундаментальной основой солидарности, демографического самовоспроизводства и межпоколенческой преемственности многонационального народа Российской Федерации.

Подрыв доверия, в том числе посредством информационно-психологических операций, культивации в медиапространстве образов взаимной опасности, ненадежности и стигматизации потенциальных супругов, а также представителей иных поколений, однозначно рассматривается нами как угроза традиционным российским духовно-нравственным ценностям и демографической безопасности. Подобного рода действия должны влечь юридическую ответственность за посягательство на доверие в обществе как традиционную ценность и добросовестность как правовой принцип.

Считаем целесообразным поддержать предложения коллег о придании принципу добросовест-

ности (имеющему длительную историю и разработанному в гражданском праве) межотраслевое значение [14] как минимум в семейном [15] и информационном праве [16]. Это позволит, с одной стороны, укрепить доверие как основу солидарности мужчины и женщины, а также гармоничного взаимодействия представителей разных поколений. Воспринимаемое таким образом доверие будет способствовать демографическому самовоспроизводству народа, преемственности культурных и нравственных установок, устойчивости семьи как института первичной социализации и внутренней регуляции общества. С другой стороны, граждане, их объединения и государственные органы получают возможность подавать иски в своих интересах в связи с нарушением рассматриваемого нами принципа. Это позволит привлекать к материальной ответственности недобросовестных стримеров, блогеров, авторов интернет-каналов, а также владельцев цифровых платформ, занимающихся систематическим продуцированием контента, подрывающего доверие между мужчиной и женщиной, старшими и младшими поколениями.

Реализация сформулированного выше предложения обеспечит завершение формирования нормативной базы для противодействия «войне полов» как особой форме когнитивной угрозы. Вместе с тем она поспособствует укреплению защиты традиционных семейных и межпоколенческих отношений, переведя ее из разряда декларативных посылов в плоскость юридически обеспеченных гарантий. И наконец, доктринально разработанному принципу добросовестности будет придано публично-правовое измерение, что позволит интегрировать его в систему охраны духовно-нравственных ценностей. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Працко Г.С. Конституционно-правовые основы демографической безопасности в Российской Федерации // *Философия права*. 2014. № 1 (62). С. 56-59.
2. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью: Монография / 3-е изд. исправл. и дополн. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.
3. Матвейчев О. Информационные войны XXI века. «Мягкая сила» против атомной бомбы. М.: Книжный мир, 2016. 352 с.
4. Kameneva A. It's Your Fault: A Critical Discourse Analysis of Narratives Surrounding Gender-Based Violence in a Russian Talk Show // *Language, Culture and Society*. 2024. Vol. 6. № 2. P. 190-222.
5. Великая Н.М. Женщины в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов в XXI веке (сравнительный анализ) // *PolitBook*. 2026. № 2. С. 60-82.
6. Мосиенко Л.И. Гендерный конфликт и трансформация репродуктивной функции семьи в условиях современного общества // *Омские социально-гуманитарные чтения - 2010: Материалы межрегиональной научно-практической конференции*. Омск: Омский государственный технический университет, 2010. С. 130-134.
7. Сулейманова Р.Р., Бетильмерзаева М.М. Межпоколенческий конфликт ценностей как фактор разрушения национальной самобытности // *Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Грозный: Чеченский государственный педагогический институт, 2016. С. 289-294.
8. Акимов Р.А. Социологический и философский аспекты межпоколенческого конфликта // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2023. № 2 (218). С. 4-10.
9. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // *Вопросы безопасности*. 2022. № 3. С. 79-92.
10. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelli N. Growing up with Television: The Cultivation Perspective // *Braynt J., Zillmann D. (Eds.). Media Effects: Advances in Theory and Research*. Hilsdale, 1994. P. 17-41.

11. Надежина Н.Н. Межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной как социокультурная ценность // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 3. С. 121-130.
12. Пчелинцева А.С. Феномен стигматизации в психологической литературе // Вестник науки. 2022. № 10 (55). С. 78-85.
13. Гаунова Д.Х. Стигматизация как форма проявления социального маркирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 284-290.
14. Богданова Е.Е. Многоотраслевая природа принципа добросовестности в российском праве // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 10 (203). С. 23-35.
15. Матанцев Д.А. О принципе добросовестности в семейном праве // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7 (163). С. 16-20.
16. Дженакова Е.В. Вопросы совершенствования правового регулирования отношений по распространению информации // European and Asian Law Review. 2025. Т. 8. № 1. С. 18-29.

REFERENCES

1. Pratsko G.S. Konstitutsionno-pravovyye osnovy demograficheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii // Filosofiya prava. 2014. № 1 (62). S. 56-59.
2. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Novyye tekhnologii bor'by s rossiyskoy gosudarstvennost'yu: Monografiya / 3-ye izd. ispravl. i dopoln. M.: Nauchnyy ekspert, 2013. 472 s.
3. Matveychev O. Informatsionnyye voyny XXI veka. «Myagkaya sila» protiv atomnoy bomby. M.: Knizhnyy mir, 2016. 352 s.
4. Kameneva A. It's Your Fault: A Critical Discourse Analysis of Narratives Surrounding Gender-Based Violence in a Russian Talk Show // Language, Culture and Society. 2024. Vol. 6. № 2. P. 190-222.
5. Velikaya N.M. Zhenshchiny v publichnom diskurse Rossii, Kazakhstana i Uzbekistana v kontekste transformatsii politicheskikh rezhimov v XXI veke (sravnitel'nyy analiz) // PolitBook. 2026. № 2. S. 60-82.
6. Mosiyenko L.I. Gendernyy konflikt i transformatsiya reproduktivnoy funktsii sem'i v usloviyakh sovremennogo obshchestva // Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya - 2010: Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2010. S. 130-134.
7. Suleymanova R.R., Betil'merzayeva M.M. Mezhpokolencheskiy konflikt tsennostey kak faktor razrusheniya natsional'noy samobytnosti // Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh uchenykh: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Grozny: Chechenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 2016. S. 289-294.
8. Akimov R.A. Sotsiologicheskiy i filosofskiy aspekty mezhpokolencheskogo konflikta // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2023. № 2 (218). S. 4-10.
9. Melikhov A.I. Natsional'naya bezopasnost' v svete organicheskoy teorii gosudarstva // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 79-92.
10. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelli N. Growing up with Television: The Cultivation Perspective // Brayant J., Zillmann D. (Eds.). Media Effects: Advances in Theory and Research. Hillsdale, 1994. P. 17-41.
11. Nadezhina N.N. Mezhlchnostnoye doveriye v pare mezhdu muzhchinoy i zhenshchinoy kak sotsiokul'turnaya tsennost' // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2024. № 3. S. 121-130.
12. Pchelintseva A.S. Fenomen stigmatizatsii v psikhologicheskoy literature // Vestnik nauki. 2022. № 10 (55). S. 78-85.
13. Gaunova D.Kh. Stigmatizatsiya kak forma proyavleniya sotsial'nogo markirovaniya // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2014. № 7. S. 284-290.
14. Bogdanova Ye.Ye. Mnogootraslevaya priroda printsipa dobrosovestnosti v rossiyskom prave // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 10 (203). С. 23-35.
15. Matantsev D.A. O printsipe dobrosovestnosti v semeynom prave // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 7 (163). С. 16-20.
16. Dzenakova Ye.V. Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnosheniy po rasprostraneniyu informatsii // European and Asian Law Review. 2025. Т. 8. № 1. С. 18-29.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Капитанец Ю.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Капитанец Ю.В. «Война полов» как информационная угроза для самосохранения и самовоспроизводства многонационального народа Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 65-71.

Игорь Константинович ВОЛКОВ,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-5265-3367

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

доцент кафедры «Гражданское право»

igor.volkov@list.ru

Научная статья

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИНВАЗИВНЫХ ВИДОВ ОРГАНИЗМОВ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Инвазивный вид, биологическая инвазия, охрана окружающей среды, балластные воды, чужеродный организм, экологическая безопасность, экологическое право, природоохранное законодательство, сравнительно-правовой анализ.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Инвазивные (чужеродные) виды организмов представляют собой одну из наиболее серьезных угроз биологическому разнообразию, экосистемам, экономике и здоровью людей. Несмотря на остроту проблемы, до недавнего времени в России не существовало специального закона о чужеродных видах организмов, что создавало пробелы в правовом регулировании. Сейчас законодательство охватывает главным образом растения, тогда как правоотношения, касающиеся инвазивных животных и других организмов, регулируются лишь косвенно. *Методы.* Проведение исследования, результаты которого представлены в статье, было основано на общенаучных и специальных методах юридического анализа. *Использованы* формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный подход. *Изучены* примеры правоприменения в России и некоторых зарубежных странах. *Результаты.* Сделан вывод о том, что российское законодательство в сфере противодействия распространению инвазивных видов организмов находится на стадии формирования. Принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 294-ФЗ стало важным шагом к созданию единого правового механизма борьбы с опасными чужеродными растениями. Однако регулирование в рассматриваемой сфере по-прежнему остается фрагментарным, им не охватываются животные и микроорганизмы. Сравнительно-правовое исследование выявило значительные расхождения между российским и зарубежным подходами: в то время как Европейский союз применяет централизованную систему «черных списков», а США и Китай развивают комплексные меры биобезопасности, российская правовая модель пока ограничивается кратким перечнем обязанностей землепользователей. Международные обязательства России, включая необходимость соблюдения положений Конвенции о биологическом разнообразии и Конвенции по балластным водам, требуют перехода к более интегрированной политике «предотвращения – обнаружения – контроля». Результаты исследования подтверждают потребность в дальнейшем развитии российского экологического законодательства и межведомственной координации деятельности по выполнению вышеуказанных обязательств и обеспечению экологической безопасности страны.

ВВЕДЕНИЕ

Инвазивные (чужеродные) виды организмов представляют собой одну из наиболее серьезных угроз биологическому разнообразию, экосистемам, экономике и здоровью людей [1, с. 111; 2, с. 130]. Такие организмы (растения, животные, грибы, микробы) умышленно или случайно распространяются человеком за пределами их естественного ареала, успешно акклиматизируются на новой территории и причиняют значительный вред. Общеизвестно, что

они являются глобальной экологической опасностью, так как способствовали вымиранию местных видов организмов примерно в 60% известных случаев [3, с. 21]. Экономические потери от инвазий огромны: по экспертным оценкам, суммарные затраты на борьбу с ними и возмещение ущерба в мировом масштабе превышают 400 млрд долларов США в год¹. Европе негативные последствия распространения чужеродных видов организмов ежегодно обходятся приблизительно в 12 млрд евро², связанные с ними совокупные издержки в Со-

¹ Оценочный доклад IPBES о контроле инвазивных чужеродных видов (Assessment Report on Invasive Alien Species and their Control) // URL: <https://www.ipbes.dk/wp-content/uploads/2023/12/Hroy12.12.23.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).

² Invasive alien species – Environment – European Commission // URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/invasive-alien-species_en (дата обращения: 12.10.2025); European Weed Research Society working groups turn focus on biological control of Invasive Alien Plant species // URL: <https://blog.invasive-species.org/2024/12/23/european-weed-research-society-working-groups-turn-focus-on-biological-control-of-invasive-alien-plant-species/> (дата обращения: 12.10.2025).

Igor K. VOLKOV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-5265-3367
Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)
Associate Professor of the Department of Civil Law
igor.volkov@list.ru

LEGAL REGULATION OF COUNTERACTING THE SPREAD OF INVASIVE SPECIES OF ORGANISMS: RUSSIAN LEGISLATION AND FOREIGN EXPERIENCE

KEYWORDS. Invasive species, biological invasion, environmental protection, ballast water, alien organism, environmental safety, environmental law, environmental legislation, comparative legal analysis.

ANNOTATION. Introduction. Invasive (alien) species pose one of the most serious threats to biodiversity, ecosystems, the economy, and human health. Despite the severity of the problem, until recently, Russia lacked a specific law on alien species, creating gaps in legal regulation. Currently, legislation primarily covers plants, while legal relations involving invasive animals and other organisms are only indirectly regulated. **Methods.** The study, the results of which are presented in the article, was based on general scientific and specialized methods of legal analysis. Formal legal and comparative legal methods, as well as a systems approach, were used. Examples of law enforcement in Russia and several foreign countries were examined. **Results.** It is concluded that Russian legislation on combating invasive species is in the developmental stage. The adoption of Federal Law № 294-FZ of July 31, 2025, marked an important step toward creating a unified legal framework for combating hazardous alien plants. However, regulation in this area remains fragmented, failing to cover animals and microorganisms. A comparative legal study revealed significant discrepancies between Russian and international approaches: while the European Union employs a centralized system of «blacklists», and the United States and China are developing comprehensive biosecurity measures, the Russian legal model is currently limited to a brief list of land user responsibilities. Russia's international obligations, including compliance with the Convention on Biological Diversity and the Ballast Water Convention, require a transition to a more integrated «prevention – detection – control» policy. The study's findings confirm the need for further development of Russian environmental legislation and interagency coordination to implement these obligations and ensure the country's environmental safety.

единенных Штатах с 1960 года превысили 1,2 трлн долларов¹.

Глобализация, развитие торговли и транспорта способствовали резкому увеличению темпов переселения организмов за пределы их экосистем [4, с. 393]. Исследования показывают, что количество новых инвазивных видов не снижается, инвазии продолжают нарастать и нет признаков прекращения этого процесса [5, с. 462]. С учетом опасности этих тенденций международное сообщество пытается предпринимать защитные меры. Так, в 2023 году в рамках Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года была поставлена цель сократить скорость появления и распространения инвазивных видов организмов на 50% к 2030 году (Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия, цель 6)². Тем не менее необходимо подчеркнуть, что эффективность борьбы с биологическими инвазиями прежде всего зависит от законодательного регулирования этой деятельности на уровне отдельных государств и реализуемой ими политики в отношении чужеродных видов организмов.

До недавнего времени в России такое регулирование не осуществлялось. А проблемы в рассматриваемой нами сфере только накапливались. Например, было выявлено не менее 584 инвазивных видов сосудистых растений [4, с. 396], многие из них (борщевик Сосновского, клен ясенелист-

ный, амброзия и др.) широко распространились и нанесли серьезный ущерб местным экосистемам, здоровью людей и сельскому хозяйству. Некоторые агрессивные виды на региональном уровне превратились в социальное бедствие (яркий пример – борщевик Сосновского в Центральной России). Несмотря на остроту проблемы, правовые меры долгое время сводились лишь к фрагментарным нормам о карантине растений и регулированию пользования животным миром [6, с. 424]. В результате многочисленные инвазии происходили бесконтрольно, а ответственность за них не была четко закреплена. Принятие в 2025 году первого российского специализированного закона в данной сфере ознаменовало начало перемен, однако остаются вопросы о полноте и эффективности предложенного правового механизма.

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого представлены в статье, было основано на общенаучных и специальных методах юридического анализа. Применены формально-юридический метод (анализу подвергнуты положения нормативных актов Российской Федерации и международных договоров в сфере охраны окружающей среды), сравнительно-правовой метод (сопоставлены нормы, закрепленные в законодательстве Российской Федерации, США, ЕС, КНР). Оказался востребован системный подход (рассмотрение совокуп-

¹ Economic costs of biological invasions in the United States – PubMed // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34743879/> (дата обращения: 12.10.2025).

² Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-en.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).

ности норм в их взаимосвязи). Изучены примеры из практики правоприменения в России и ряде зарубежных стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В течение длительного времени борьба с инвазивными видами организмов в России не была самостоятельным объектом правового регулирования [7, с. 14]. Отдельные требования, касающиеся данной сферы, закрепляли нормативные акты, ориентированные на смежные виды деятельности: фитосанитарный контроль, охрану растительного и животного мира, ведение лесного хозяйства. Так, Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» предусматривает, что акклиматизация новых животных, переселение животных в новые места обитания, а также мероприятия по гибридизации животных допускаются только по разрешению специально уполномоченных государственных органов (Минприроды России) при наличии заключения компетентных научных организаций с учетом требований экологической безопасности (ст. 25). Однако даже упоминания инвазивных (чужеродных) видов организмов в нем нет. Земельный кодекс Российской Федерации обязывает землепользователей проводить мероприятия по защите земель от загрязнения микроорганизмами и от другого негативного воздействия, по защите сельскохозяйственных угодий от зарастания сорными растениями (ст. 13), но не рассматривает инвазивные виды как особую категорию вредоносных организмов.

До 2020-х годов основным механизмом противодействия биологическим инвазиям оставался режим карантина растений¹. Карантинными объектами признаются наносящие вред организмы, отсутствующие или ограниченно распространенные на территории Российской Федерации, внесенные в единый перечень [8]. При этом многие широко распространившиеся чужеродные виды организмов (не входящие в карантинные списки) выпадали из поля зрения законодательства. Например, борщевик Сосновского не считался карантинным объектом, а потому меры по борьбе с ним до недавнего времени опирались лишь на общие санитарные правила и инициативу региональных властей [9].

Ситуация изменилась с принятием первого комплексного нормативного акта, прямо нацеленного на регулирование отношений в исследуемой нами сфере, – Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 294-ФЗ). Этот документ, вступивший в силу 1 марта 2026 года, заложил основы правового режима организации борьбы с инвазивными растениями на федеральном уровне. Ниже представлены его ключевые положения.

1. Введение дефиниций и разграничение полномочий. В российское природоохранное законодательство впервые было введено понятие «опасные инвазивные (чужеродные) растения». Его определение добавлено в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Под «опасными инвазивными (чужеродными) растениями» стали пониматься жизнеспособные растения любых видов вне их естественного ареала, распространение и численность которых создают угрозу окружающей среде, здоровью граждан, биоразнообразию или причиняют вред отраслям экономики. Закон также разграничил полномочия: федеральные органы власти устанавливают общие правила, а субъекты Российской Федерации самостоятельно утверждают перечни опасных инвазивных видов растений, не отнесенных к категории сорных или к числу карантинных объектов. Таким образом, сформирована основа для дифференцированного подхода, учитывающего территориальную специфику. Регионы теперь обязаны утверждать перечни наиболее опасных для них чужеродных растений и организовывать меры по их мониторингу и уничтожению. Это нововведение способствует ведущейся с 2006 года Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации (силами ВНИИ экологии) работе над проектом «Черная книга инвазивных видов». Данный проект призван каталогизировать самых опасных чужеродных вредителей в стране. Кроме того, отметим, что в ряде субъектов федерации составляются «черные списки» инвазивных видов организмов [10]. В рассматриваемом законе подчеркнуто, что такого рода региональные каталоги дополняют, а не заменяют перечни карантинных объектов и сорных растений, необходимые для обеспечения выполнения агротехнических норм.

2. Обязанности землепользователей. Закон № 294-ФЗ закрепил в Земельном кодексе Российской Федерации обязанность всех правообладателей земельных участков принимать меры по защите земель от распространения опасных инвазивных растений и по их уничтожению. Невыполнение этой обязанности влечет последствия в виде изъятия земельного участка из сельскохозяйственного использования или прекращения права постоянного (бессрочного) пользования участком. Эта норма призвана стимулировать землепользователей к активной борьбе с опасными растениями.

3. Защита лесов и особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Закон № 294-ФЗ внес изменения в Лесной кодекс Российской Федерации. В частности, ст. 60.1 «Защита лесов» дополнена указанием на то, что леса должны защищаться и от опасных инвазивных (чужеродных) растений. Кроме того, в кодексе закреплена норма (ч. 2.1 ст. 60.1), обязывающая федеральный орган лесного надзора (Федеральное агентство лесного хозяйства – Рослесхоз) утверждать списки инвазивных видов растений для каждого лесного района Российской Федерации. Таким образом, признается, что для разных лесорастительных зон характерны различные виды наносящих вред чужеродных растений (например: для Дальнего Востока – клен американский и рейнутрия, для Кавказа – рейнутрия японская и пр.). Вместе с тем закон предусмотрел особый порядок защиты ООПТ. В Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» вве-

¹ Регламентирован Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений».

дена ст. 35.1. В ней речь идет о том, что перечень инвазивных видов растений и мер по борьбе с ними устанавливается федеральными органами исполнительной власти (для федеральных ООПТ) и органами власти субъектов Российской Федерации (для ООПТ регионального и местного значения). Это означает, что, например, федеральные заповедники и национальные парки теперь обязаны активно извлекаться от чужеродных видов растений на своей территории, несмотря на общий режим невмешательства, поскольку инвазии угрожают охраняемым экосистемам.

4. *Прочие изменения.* Закон № 294-ФЗ внес поправки и в другие нормативные акты. В частности, в Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» добавлено указание на то, что применение пестицидов допускается для предотвращения распространения сорных растений, в том числе опасных инвазивных. Это снимает ранее имевшиеся сомнения в правомерности использования гербицидов против инвазионных сорняков. По нашему мнению, есть основания ожидать корректировки КоАП РФ в части установления ответственности за непринятие мер по борьбе с инвазивными видами растений.

Следует подчеркнуть, что Закон № 294-ФЗ ориентирован исключительно на растения. Инвазивные животные, грибы, микроорганизмы формально под действие установленных им требований не подпадают. Кроме того, комплексных подзаконных актов (государственных программ по борьбе с инвазивными видами организмов) пока нет. Основная нагрузка ложится на власти субъектов федерации. Им приходится принимать собственные нормативные правовые акты, направленные на организацию деятельности в рассматриваемой нами сфере. Например, в Московской, Тверской, Ленинградской областях есть региональные законы и постановления о борьбе с борщевиком, устанавливающие обязанности землевладельцев и меры их поддержки. Таким образом, можно констатировать, что к концу 2025 года в России сложился базовый правовой каркас противодействия инвазивным видам организмов, сосредоточенного на представительствах флоры. Появилась обязанность землепользователей устранять очаги произрастания опасных чужеродных растений, за ее невыполнение установлены санкции. Посредством формирования специализированных списков инвазивных видов для субъектов федерации и лесных районов усилено внимание к региональной специфике. Вместе с тем, необходимо признать, что нормативный охват инвазивной фауны и других организмов остается недостаточным [11, с. 180-181]. Требуется принятие подзаконных актов (особенности мониторинга, регламенты уничтожения и т.п.) для практической реализации законодательных новаций.

Появление Закона № 294-ФЗ было обусловлено внешними обязательствами государства. Российская Федерация является участницей ряда международных договоров, прямо или косвенно обязывающих принимать меры против чужеродных инвазий. Ключевое значение в данном случае имеет

Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года. Ее ст. 8(h) гласит, что каждая сторона «насколько это возможно и целесообразно предотвращает интродукцию чужеродных видов организмов, которые угрожают экосистемам, естественным местам обитания или видам, контролирует или уничтожает такие чужеродные виды организмов». Россия ратифицировала эту конвенцию Федеральным законом от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ и, следовательно, взяла на себя процитированное выше обязательство. Реализация требований конвенции в части инвазивных видов организмов долгое время шла посредством актов долгосрочного государственного планирования. В 2014 году Минприроды разработало Стратегию и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации, в которых было представлено видение мер по противодействию инвазивным видам организмов на перспективу до 2020 года (например п. 2.55 – «осуществление мер регулирования и искоренения приоритетных инвазивных видов организмов и мер регулирования путей их интродукции»). Однако заявленные меры носили во многом декларативный характер и не получили закрепления специальным нормативным правовым актом. Новейший этап развития законодательства связан с принятием в декабре 2022 года глобальной Куньминско-Монреальской стратегической рамочной программы в области биоразнообразия. Одна из сформулированных в ней целей – № 6 – касается борьбы с распространением инвазивных видов организмов. Россия, несмотря на возникшие у нее осложнения в международных отношениях, сохраняет приверженность целям данной программы. И это требует дальнейшего усиления внутренних мер. Предполагается, в частности, подготовка обновленной национальной стратегии по сохранению биоразнообразия, рассчитанной на реализацию до 2030 года.

Другой важный документ – Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими (заключена в Лондоне 13 февраля 2004 года) – вступил в силу в 2017 году. Конвенция направлена на предотвращение переноса водных организмов балластными водами судов. Наша страна присоединилась к ней с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 28 марта 2012 г. № 256. Таким образом, российские суда и порты должны соблюдать предусмотренные данной конвенцией стандарты обработки балластных вод. Во исполнение принятых обязательств были введены правила и ограничения, оборудованы станции очистки. Это существенно снизило риск проникновения морских инвазивных организмов (пример успешного выполнения требований конвенции – недопущение вселения гребневика *Mnemiopsis* в арктические моря). Параллельно Россия применяет Резолюцию Международной морской организации МЕРС.378(80) по предотвращению биообрастания корпусов судов 2023 года, хотя она носит рекомендательный характер.

Эти меры особенно актуальны для уязвимых морских акваторий – Арктики и Каспия, где эко-

системы весьма чувствительны к чужеродным вторжениям [1, с. 111]. Россия сотрудничает с другими государствами в рамках Арктического совета. В 2017 году им были приняты стратегия и план действий по инвазивным видам организмов (ARIAS), ориентирующие приарктические страны на мониторинг и обмен данными. В регионе Каспийского моря действует Рамочная Тегеранская конвенция 2003 года. Ее участники признают угрозу инвазий (с учетом опыта катастрофического вселения гребневика *Mnemiopsis* в Каспий в 1990-х). Под эгидой этой конвенции подготовлен проект Протокола по биологическому разнообразию, включающий положения об инвазивных видах организмов. Хотя он еще не вступил в силу, прикаспийские страны, включая Российскую Федерацию, договорились координировать усилия по предотвращению новых опасных инвазий (обмениваться, например, информацией о появлении чужеродных рыб через Комиссию по водным биоресурсам Каспия).

Кроме того, Россия как член Евразийского экономического союза (ЕАЭС) участвует в соглашениях по карантину и защите растений. Хотя эти механизмы касаются прежде всего сельского хозяйства, они частично охватывают и проблему инвазивных сорняков и вредителей (посредством единых карантинных списков ЕАЭС). Россия поддерживает также Глобальную программу GISP (Global Invasive Species Programme) и одобряет Европейскую стратегию по инвазивным видам организмов, разработанную в рамках Бернской конвенции 2003 года, хотя формально не входит в число участников последней. Эти документы носят рекомендательный характер, но служат ориентиром при формировании национальной политики по противодействию опасным инвазиям. Например, вышеназванная стратегия предлагает принципы «предосторожности» и «раннего обнаружения – быстрого реагирования», которые нашли отражение в праве Европейского Союза (далее – ЕС) и постепенно воспринимаются в отечественной практике.

В целом международные обязательства России создают юридическую основу для действий против инвазий. Однако до недавнего времени внутреннее законодательство не обеспечивало реализацию этих обязательств. Как видно из отчета IPBES, по состоянию на 2020 год около 83% стран не имели специальных законов о биологическом вторжении¹. Россия вышла из этой категории, приняв Закон № 294-ФЗ. Тем не менее требуется дальнейшая интеграция международных норм. Речь, в частности, о разработке подзаконных актов, соответствующих Закону № 294-ФЗ (например национальных «черных списков» чужеродных видов организмов в рамках стремления к достижению цели № 6 Куньминско-Монреальской стратегической рамочной программы в области биоразнообразия), а также об активизации участия в международном научно-техническом сотруд-

ничестве (обмен данными, совместные учения по реагированию на новые инвазии и т.д.). При разработке новых законов и подзаконных актов, по нашему мнению, целесообразно учитывать позитивный опыт других стран.

Европейский Союз. Здесь проблема инвазивных видов организмов регулируется комплексно – Регламентом (ЕС) № 1143/2014 о предотвращении и управлении интродукцией и распространением инвазивных чужеродных видов организмов. Он устанавливает перечень видов, вызывающих обеспокоенность (Union list of invasive species of Union concern). В настоящее время в него включено 114 видов животных и растений (для части из них вступление требований регламента в силу отложено на будущее). В отношении этих видов на всей территории ЕС введены строгие запреты: нельзя ввозить, выращивать, перевозить, продавать, выпускать особей. Фактически указанные в перечне инвазивные организмы полностью изъяты из хозяйственного оборота. Например, в ЕС запрещено продавать саженцы борщевика и семена амброзии; такое популярное ранее животное, как енот-полоскун, запрещено содержать и разводить, владельцам предписано предотвращать его побег. Вместе с тем регламент обязывает государства предпринимать меры по трем направлениям: профилактика, раннее обнаружение, управление популяциями. Страны ЕС должны мониторить пути непреднамеренного ввоза инвазивных видов организмов (например посредством инспекции грузов), создавать системы быстрого реагирования при их выявлении и контролировать уже широко распространившиеся инвазии. Важной особенностью является то, что ответственность закреплена на уровне государств, но координация и финансирование частично осуществляются через структуры ЕС. Создана специальная информационная сеть (European Alien Species Information Network), регулярно обновляются списки чужеродных видов организмов. В 2021 году Европейская комиссия инициировала судебные процедуры против нескольких стран за ненадлежащее исполнение регламента (не были разработаны планы действий, недостаточно тщательно проводился контроль)². Таким образом, ЕС демонстрирует жесткий централизованный подход, который может быть воспринят и адаптирован российским законодателем (учитывая, что Российская Федерация и ЕС схожи по биогеографии и характеру инвазий).

Соединенные Штаты Америки. В США законодательство об инвазивных видах организмов включает в себя совокупность законов и программ, действующих на уровнях федерального центра и штатов. Исторически одним из первых законов был «Lacey Act» 1900 года (с последующими поправками), запрещающий ввоз и транспортировку «вредных» диких животных. На его основе сформирован список видов организмов, импорт которых недопустим. В отношении растений дей-

¹ Invasive Alien Species – Environment – European Commission // URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/invasive-alien-species_en (дата обращения: 12.10.2025).

² Invasive Alien Species in the Changing Arctic // URL: <https://arctic-council.org/news/invasive-alien-species-in-the-changing-arctic/>.

ствует «Federal Noxious Weed Act» 1974 года (интегрирован в «Plant Protection Act» 2000 года). Этот закон дает Службе инспекции здоровья животных и растений полномочия по контролю сорняков и вредителей. Есть акты, посвященные конкретным группам инвазивных организмов (например «Asian Carp Prevention Act» 2010 года направлен на борьбу с азиатским карпом). Кроме того, на уровне штатов приняты сотни законов, регулирующих противодействие инвазиям применительно к местным условиям. Для налаживания координации при федеральном правительстве в 1999 году был создан Национальный совет по инвазивным видам организмов (NISC), который разрабатывает долгосрочные документы планирующего характера (последний из них – Инвестиционная стратегия по инвазивным видам организмов 2022-2026 годов). Важный элемент американского подхода – привлечение ресурсов через целевые фонды. Например, в 2022 году Конгресс одобрил выделение 4 млн долларов США на программу раннего обнаружения и быстрого реагирования на водные инвазии¹. Кроме того, используются экономические механизмы ответственности: импортеры, например, обязаны возмещать ущерб, если с их товаром в страну проник чужеродный организм (принцип «загрязнитель платит»). Правоприменительная практика предполагает как административные меры воздействия (конфискация незаконно ввезенных организмов, организация карантина), так и уголовное преследование за умышленное распространение опасных чужеродных видов организмов (прецеденты касались, например, контрабанды гигантских улиток).

Для России опыт США интересен тем, что он демонстрирует многоуровневую систему: федеральные рамки плюс активность субъектов федерации. Отчасти такой подход реализован в схеме разделения полномочий, предусмотренного Законом № 294-ФЗ (центр утверждает общие правила, регионы принимают территориальные списки). Впрочем, следует обратить внимание на то, что в США особая роль отводится профилактике посредством торгового регулирования. Осуществляется жесткий контроль импорта: таможенные инспекции ежегодно задерживают на границе тысячи партий с потенциально инвазивными организмами. В Российской Федерации пограничный фитосанитарный контроль охватывает только карантинные объекты, тогда как «некарантинные» инвазии могут свободно попадать в страну (например это касается ввоза декоративных растений).

Китайская Народная Республика. В КНР проблема инвазивных видов организмов также приобретает все большую остроту: по официальным данным, в страну проникло более 660 чужеродных видов и здесь сохраняется один из самых высоких

уровней биоинвазивности в мире². Однако законодательство Китая до недавнего времени не располагало единым документом, направленным на противодействие данной угрозе. Регулирование осуществлялось посредством законов об охране дикой природы, о карантине при импорте/экспорте и ряда подзаконных актов. В 2021 году в КНР вступил в силу Закон о биобезопасности, в котором упомянуты меры по предотвращению инвазий, а в 2022 году издано постановление Госсовета об управлении инвазивными видами. Тем самым была создана основа для системного подхода, но сделаны только первые шаги. В частности, усилен пограничный контроль: таможенные органы КНР в 2023 году провели масштабную кампанию против незаконного ввоза чужеродных организмов, изъяв за один квартал сотни партий с экзотическими животными, насекомыми и семенами. Были возбуждены уголовные дела по фактам ввоза инвазивных видов организмов³. Одновременно Китай уделяет повышенное внимание просвещению и повышению осведомленности населения: проводятся общенациональные акции (День образования в сфере национальной безопасности однажды был посвящен биобезопасности и инвазивным видам организмов), публикуются информационные материалы для населения о вреде выпуска экзотических животных в дикую природу⁴. Эксперты в КНР подчеркивают, что стране не хватает целостной законодательной концепции управления биологическими инвазиями и требуется укрепить научное обеспечение политики в данной сфере.

Китайский опыт демонстрирует сочетание строгого государственного контроля (особенно на границах) с привлечением к решению проблемы общественности (информирование о правилах содержания экзотических видов). Для России некоторые меры, реализуемые в КНР, могут быть интересны. Речь идет, например, об усилении ответственности за незаконный ввоз чужеродных организмов, просветительских кампаниях для любителей экзотических животных, интеграции противодействия биоинвазиям в политику национальной безопасности (в Китае инвазивные виды организмов теперь прямо увязаны с понятиями биологической опасности и нацбезопасности) [12, с. 283].

Обобщая зарубежный опыт, следует отметить, что власти всех вышеназванных государств пришли к пониманию необходимости специального правового регулирования чужеродных видов организмов, но реализуется оно по-разному. Европейский Союз выбрал жесткий централизованный подход (обязательный для исполнения регламент и единые для всех стран списки), США – децентрализованную комбинацию множества законов и координационных органов, Китай – путь постепенной интеграции норм в рамки биобезопас-

¹ 6 countries referred to court for failure over invasive species // URL: <https://wilderness-society.org/6-countries-referred-to-court-for-failure-over-invasive-species/>.

² Rapid Response Funding to Combat Aquatic Invasive Species // URL: <https://www.fws.gov/story/rapid-response-funding-combat-aquatic-invasive-species>.

³ Там же.

⁴ China raises public awareness about preventing invasive species – Global Times // <https://www.globaltimes.cn/page/202404/1310699.shtml>.

ности. Тем не менее есть общие элементы, обеспечивающие успешность применяемых стратегий: наличие перечней опасных видов организмов и ограничений на их оборот, обязанности землепользователей и органов власти по искоренению инвазий, межведомственная координация и финансирование мероприятий, а также образовательные программы для населения. Считаем, что всё это необходимо учитывать в деятельности по совершенствованию российского законодательства в рассматриваемой сфере.

Представляется, что принятие в России в 2025 году первых норм прямого действия по борьбе с инвазивными видами организмов свидетельствует о прогрессе в отечественном экологическом праве. Однако анализ этих норм выявил ряд сохраняющихся проблем и пробелов.

Во-первых, регулирование по-прежнему носит узкоотраслевой характер: новеллы 2025 года посвящены только растениям, тогда как инвазивные животные, грибы и микроорганизмы оказались вне зоны внимания законодателя. Это создает риск правовой неопределенности. Так, если в регион проникнет чужеродный вредитель, не являющийся карантинным объектом, например насекомое, то формально землепользователь не обязан заниматься его уничтожением. Решение проблемы видится в распространении режима, установленного Законом № 294-ФЗ, на иные природные объекты, хотя бы на наиболее опасных для экосистем представителей животного мира. Возможно, потребуется разработка отдельного нормативного правового акта об инвазивных видах животных или комплексного рамочного закона, охватывающего все виды флоры и фауны (по примеру всеобъемлющего регулирования в некоторых зарубежных государствах).

Во-вторых, не устранены коллизии, связанные с терминологией и компетенциями. Понятия «опасные инвазивные виды организмов», «карантинные объекты», «сорные растения» теперь сосуществуют параллельно. Возникает вопрос: если какой-либо вид включен в региональный список инвазивных организмов, а затем его объявят карантинным на федеральном уровне, то какой режим будет главнее? Необходимо нормативно закрепить приоритет специальных мер против инвазивных видов организмов перед общим фитосанитарным режимом либо четко разграничить данные сферы (например: карантин – для предотвращения ввоза новых видов организмов, инвазивный список – для борьбы с уже натурализовавшимися чужеродными видами организмов). Кроме того, нуждаются в уточнении полномочия различных органов власти. Сейчас за сельскохозяйственные земли отвечает Министерство сельского хозяйства (через Россельхознадзор), за леса – Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз), за ООПТ – Министерство природных ресурсов и экологии (Минприроды), за водные объекты – Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) и Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Существуют

риски «размывания» ответственности. Выходом из затруднительного положения могло бы стать создание межведомственного координационного совета по проблемам инвазивных видов организмов. Такой совет объединял бы федеральные и региональные органы власти, обеспечивая обмен информацией и согласование действий.

Еще один требующий особого внимания аспект – правоприменение и его ресурсное обеспечение. Установленные законом обязанности и санкции сами по себе не гарантируют устранения инвазий, если не подкреплены финансированием и техническими средствами. В России множество участков, пораженных борщевиком или другими сорняками, – это десятки тысяч гектаров; для их обработки необходимы значительные затраты. Как показывают примеры из европейской практики, без государственных программ и целевого выделения денег на их реализацию добиться успеха вряд ли возможно. Пока в российском законодательстве подобные экономические стимулы не сильно развиты. В перспективе стоит расширять меры поддержки: софинансирование региональных программ, гранты на биологическую мелиорацию, налоговые льготы землепользователям, выполняющим требования по уничтожению инвазивных видов организмов и т.п. Потребуется также разработка методических указаний: нужны, например, регламенты применения против инвазивных растений пестицидов (с учетом экологических ограничений), порядок утилизации биомассы удаленных инвазивных растений, протоколы мониторинга акваторий на предмет новых чужеродных организмов и т.д. Решение этих вопросов выходит за рамки собственно законов, оно должно охватываться положениями актов правительства и профильных министерств. Желательно ускорить подготовку таких документов, чтобы у регионов была ясность по поводу того, как выполнять поставленные законодателем задачи.

Отдельно следует обсудить проблему общественной осведомленности и участия населения в предотвращении инвазий и борьбе с ними. Закон может закрепить те или иные нормы, но успех во многом зависит от поведения граждан и деятельности организаций [13, 14]. Например, бессмысленно уничтожать борщевик на полях, если жители соседних поселений продолжают разводить его как декоративное растение на своих участках. Зарубежный опыт (Китай, США) подчеркивает роль просвещения: например, кампании, проводимые под лозунгом «Не отпускайте ваших животных в дикую природу», информирование садовых центров о запрете продажи чужеродных растений и т.д.¹ В России подобные меры пока носят точечный характер. Считаем целесообразным введение обязательной маркировки посадочного материала (то есть нужно предупреждать, если вид потенциально инвазивен), включение тем, касающихся биологических вторжений, в образовательные программы по экологии, укрепление сотрудничества со средствами массовой информации для формирования негативного отношения общества

¹ Pysek P., Hulme P.E. et al. Scientists' Warning on Invasive Alien Species // Biological Reviews. 2020. V. 95. № 6. P. 1511-1534.

к разведению экзотических видов. С юридической точки зрения полезно было бы предусмотреть стимулы для добросовестного поведения. Например, можно было бы освобождать от ответственности, если владелец сам сообщил о побеге его экзотического животного и содействовал отлову. Такая норма поощряла бы граждан не скрывать подобного рода факты.

Результаты сравнительно-правового анализа позволяют сформулировать еще несколько рекомендаций. Во-первых, необходимо расширить перечни подпадающих под особое регулирование видов организмов и включить в них не только растения, но и наиболее опасных для экосистем животных [15]. Это может быть реализовано посредством нормативно-правового акта правительства, который утвердит Единый список чужеродных инвазивных видов Российской Федерации, с разделением организмов по группам и указанием для каждой ответственного уполномоченного органа. Такая работа уже начата: с 2006 года ведется проект «Черная книга Российской Федерации – инвазивные виды». Теперь, с принятием Закона № 294-ФЗ, сформирована правовая основа для этой деятельности. Во-вторых, требуется укрепление профилактики на границе. По нашему мнению, следует расширить полномочия Россельхознадзора и Роспотребнадзора, охватив ими контроль не только карантинных, но и иных потенциально инвазивных организмов на этапе импорта. На практике это может выглядеть как создание перечней разрешенных к ввозу видов организмов – «белых списков» – в дополнение к существующим «черным спискам» (по аналогии с подходом, предлагаемым учеными для торговли животными с учетом принципа «разрешено то, что безопасно»). В-третьих, важно предусмотреть ответственность за умышленные действия, приводящие к биологическим инвазиям. В КоАП РФ стоит ввести специальные составы правонарушений. Например: «Несоблюдение требований по уничтожению инвазивных организмов» (для землепользователей), «Незаконное интродуцирование чужеродного вида организмов» (для лиц, выпустивших или распространивших заведомо чужеродный организм в дикой природе). Последнее из названных деяние в случае тяжких последствий можно криминализировать. Как это сделано в ряде стран, где в уголовные законы включены статьи, предусматривающие наказание за выпуск опасных биологических агентов.

Наконец, необходимо отметить, что успех правового регулирования во многом зависит от научного обеспечения. Требуются критерии отнесения вида организмов к категории опасных инвазивных, методики оценки риска интродукции, технологии искоренения инвазий. Закон № 294-ФЗ задает пока только общие рамки. Для наполнения конкретикой нужны результаты исследований и экспертные заключения. В России накоплен значительный научный задел: изданы обзоры инвазивной флоры [4], действуют рабочие группы Российской академии наук по биологическим инвазиям, ведутся базы данных (например информационная система по чужеродным видам организмов при Зоологическом институте РАН). В перспективе имеет смысл нормативно закрепить взаимодействие науки и власти: создать, например, при Минприроды России консультативный научный совет по инвазивным видам организмов, который будет рекомендовать меры по борьбе с инвазиями, обновление списков и т.д. Подобная модель успешно работает в ЕС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами исследования было установлено, что в нашей стране формируется система правового регулирования противодействия распространению инвазивных (чужеродных) видов организмов, однако она находится на начальном этапе развития. К настоящему времени приняты первые специальные нормы (Закон № 294-ФЗ, поправки в земельное, водное, лесное законодательство): они ввели понятие «опасные инвазивные растения» и закрепили критерии их вредоносности; возложили на правообладателей земельных участков обязанность выявлять и уничтожать такие растения; предусмотрели строгие санкции за бездействие (вплоть до изъятия земель); дали субъектам федерации полномочия утверждать региональные списки инвазивных видов организмов и меры по борьбе с ними. Эти шаги следует признать значительным прогрессом, так как ранее проблема инвазий фактически выпадала из поля правового регулирования. Вместе с тем выявлены существенные пробелы: нормативный акцент сделан только на растениях, за рамками внимания оказались животные и иные организмы; не детализированы меры ответственности и особенности финансирования; недостаточно глубоко проработан вопрос о профилактике интродуцирования новых видов. Данные недостатки требуют скорейшего устранения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куделькин Н.С. Правовая охрана морской среды Арктики от загрязнения чужеродными видами // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1 (53). С. 110-119.
2. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград, 2001. С. 129-132.
3. Случевская Ю.А. Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 19-23.
4. Сенатор С.А., Виноградова Ю.К. Инвазионные растения России: результаты инвентаризации, особенности распространения и вопросы управления // Успехи современной биологии. 2023. Т. 143. № 4. С. 393-402.
5. Hulme P.E. Trouble on the Horizon: Anticipating Biological Invasions through Futures Thinking // Biological Reviews. 2025. Vol. 100. P. 461-480.

6. Случевская Ю.А. Вред как предмет исследования экологической криминологии // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: Материалы XII Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 423-426.
7. Случевская Ю.А. Объект правовой охраны в сфере взаимодействия общества и природы // Экологическое право. 2019. № 5. С. 11-15.
8. Абанина Е.Н., Алексеева А.П., Анисимов А.П. [и др.]. Актуальные проблемы теории экологического права. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с. С. 181-190.
9. Королёв А.В. Правовые аспекты борьбы с борщевиком Сосновского в Российской Федерации // Экологическое право. 2021. № 3. С. 45-53.
10. Виноградова Ю.К. и др. Черная книга флоры Средней России: чужеродные виды растений в экосистемах Средней России. М.: ГЕОС, 2016. 511 с.
11. Случевская Ю.А. Правовое сознание и экологически ответственное поведение // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2019. С. 180-181.
12. Случевская Ю.А. Роль права в обеспечении баланса экономических и экологических интересов в современном Китае // Правоведение. 2019. Т. 63. № 2. С. 275-284.
13. Алексеева А.П., Анисимов А.П. О понятии и классификации видов экологического терроризма // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 2А. С. 199-211.
14. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54-58.
15. Дгебуадзе Ю.Ю., Петросян В.Г. Самые опасные инвазионные виды России (ТОП-100). М., 2018. 736 с.

REFERENCES

1. Kudel'kin N.S. Pravovaya okhrana morskoy sredy Arktiki ot zagryazneniya chuzherodnymi vidami // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1 (53). S. 110-119.
2. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd, 2001. S. 129-132.
3. Sluchevskaya Yu.A. Ekologicheskiy vred: problema opredeleniya i otsenki // Obshchestvo i pravo. 2020. № 4 (74). S. 19-23.
4. Senator S.A., Vinogradova Yu.K. Invazionnyye rasteniya Rossii: rezul'taty inventarizatsii, osobennosti rasprostraneniya i voprosy upravleniya // Uspekhi sovremennoy biologii. 2023. T. 143. № 4. S. 393-402.
5. Hulme P.E. Trouble on the Horizon: Anticipating Biological Invasions through Futures Thinking // Biological Reviews. 2025. Vol. 100. P. 461-480.
6. Sluchevskaya Yu.A. Vred kak predmet issledovaniya ekologicheskoy kriminologii // Effektivnost' ugovolno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugovolno-ispolnitel'nogo protivodeystviya prestupnosti: Materialy XII Rossiyskogo kongressa ugovolnogo prava. M.: Yurlitinform, 2020. S. 423-426.
7. Sluchevskaya Yu.A. Ob'yekt pravovoy okhrany v sfere vzaimodeystviya obshchestva i prirody // Ekologicheskoye pravo. 2019. № 5. S. 11-15.
8. Abanina Ye.N., Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. [i dr.]. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s. S. 181-190.
9. Korolov A.V. Pravovyye aspekty bor'by s borshchevikom Sosnovskogo v Rossiyskoy Federatsii // Ekologicheskoye pravo. 2021. № 3. S. 45-53.
10. Vinogradova Yu.K. i dr. Chernaya kniga flory Sredney Rossii: chuzherodnyye vidy rasteniy v ekosistemakh Sredney Rossii. M.: GEOS, 2016. 511 s.
11. Sluchevskaya Yu.A. Pravovoye soznaniye i ekologicheski otvetstvennoye povedeniye // VII Baltiyskiy yuridicheskoy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2019. S. 180-181.
12. Sluchevskaya Yu.A. Rol' prava v obespechenii balansa ekonomicheskikh i ekologicheskikh interesov v sovremennoy Kitaye // Pravovedeniye. 2019. T. 63. № 2. S. 275-284.
13. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. O ponyatii i klassifikatsii vidov ekologicheskogo terrorizma // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 2А. S. 199-211.
14. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskoy terrorizm» i «ekologicheskoy radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.
15. Dgebuadze Yu.Yu., Petrosyan V.G. Samyye opasnyye invazionnyye vidy Rossii (TOP-100). M., 2018. 736 s.

© Волков И.К., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Волков И.К. Правовое регулирование противодействия распространению инвазивных видов организмов: российское законодательство и зарубежный опыт // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 72-80.

Ксения Юрьевна ГОГЛЕВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-9177-9114

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

начальник кафедры конституционного и международного права

goglevakseniya@gmail.com

Научная статья

УДК [342.553+348.04]:342.724

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНО- КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Органы местного самоуправления, религиозные организации, государственно-конфессиональное сотрудничество, муниципальная власть, свобода совести, свобода вероисповедания.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлена необходимостью повышения эффективности сотрудничества органов местного самоуправления с религиозными организациями. Недостатки нормативно-правового характера, проявляющиеся на данном направлении деятельности муниципальных органов, снижают эффективность работы всей единой системы публичной власти Российской Федерации по решению социально значимых задач во взаимодействии с институтами гражданского общества. *Методы.* В ходе исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы. Анализ и синтез оказались востребованы при рассмотрении содержания правовой литературы и религиозных текстов, а также программных документов традиционных для России конфессиональных сообществ. Проведено обобщение правоприменительной практики. Задействован общетеоретический подход к изучению форм и направлений взаимодействия органов местного самоуправления с религиозными организациями. *Результаты.* Установлено, что взаимодействие исследуемого вида строится в Российской Федерации на основе кооперационной модели государственно-конфессионального партнерства. Констатируется, что правовая регламентация взаимодействия органов местного самоуправления и конфессиональных сообществ не лишена изъянов. Вместе с тем подчеркивается, что она не является конституционно излишней. Эта регламентация требует дальнейшего совершенствования и расширения с учетом специфики национального состава населения территорий, на которых расположены те или иные конкретные органы местного самоуправления. Автор предлагает конкретные меры по устранению правовых пробелов и коллизий в данной сфере.

ВВЕДЕНИЕ

Для отношений между государством и традиционными конфессиональными сообществами в отечественной правовой системе свойственно функциональное разделение. Оно аналогично реализации конституционного принципа разделения властей, подразумевающего отсутствие соподчиненности и выделение сфер взаимного «невмешательства» [1, с. 54] при одновременном гарантировании возможности конструктивного взаимодействия в ходе решения общественно важных задач. Сегодня государственно-конфессиональное партнерство осуществляется по целому ряду социальных направлений деятельности. Это просвещение, волонтерство, благотворительность, обеспечение свободы со-

вести и вероисповедания (ст. 28 Конституции Российской Федерации; ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») в вооруженных силах и местах заключения.

В настоящее время геополитическая обстановка отличается высоким уровнем динамичности, происходящие изменения сопряжены зачастую с возникновением угроз национальной безопасности. В связи с этим у сторон партнерства рассматриваемого нами вида появляются новые задачи. Их юридизация требует внимания органов публичной власти, поиск их решения открывает «значительную перспективу для церковно-государственных и церковно-общественных действий, сотрудничества во благо народа»¹.

¹ В Храме Христа Спасителя состоялось поздравление Святейшего Патриарха Кирилла с годовщиной интронизации // Русская Православная Церковь: сайт. 31.01.2013 // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/71132> (дата обращения: 21.12.2025).

Ksenia Yu. GOGLEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-9177-9114

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Head of the Department of Constitutional and International Law

goglevakseniya@gmail.com

PUBLIC-LEGAL SUPPORT FOR MUNICIPAL-CONFESSIONAL PARTNERSHIP

KEYWORDS. Local governments bodies, religious organizations, state- confessional cooperation, municipal authorities, freedom of conscience, freedom of religion.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the study, the results of which are presented in the article, is determined by the need to improve the effectiveness of cooperation between local governments and religious organizations. Deficiencies in the regulatory framework, manifested in this area of municipal activities, reduce the effectiveness of the entire unified system of public authority of the Russian Federation in solving socially significant problems in interaction with civil society institutions.

Methods. The study utilized general and specific scientific methods. Analysis and synthesis proved to be in demand when considering the content of legal literature and religious texts, as well as program documents of traditional religious communities in Russia. Law enforcement practice is summarized. A general theoretical approach is applied to the study of the forms and areas of interaction between local governments and religious organizations. **Results.** It has been established that the interaction of the type under study in the Russian Federation is based on the cooperative model of state-confessional partnership. It is stated that the legal regulation of the interaction between local governments and religious communities is not without flaws. At the same time, it is emphasized that it is not constitutionally redundant. This regulation requires further refinement and expansion, taking into account the specific ethnic composition of the populations of the territories in which specific local government bodies are located. The author proposes specific measures to eliminate legal gaps and conflicts in this area.

МЕТОДЫ

В процессе исследования был задействован комплекс общенаучных методов. Анализ и синтез использованы для структурирования информации, сравнительно-правовой анализ применялся для сопоставления различных подходов к рассмотрению сути проблемы, ставшей предметом исследования, формально-юридический метод – для точной интерпретации правовых норм. Особое значение придавалось реализации потенциала системного и структурно-функционального методов. Они оказались востребованы при анализе механизма взаимодействия органов местного самоуправления и религиозных организаций как части института государственно-конфессионального партнерства.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование механизма взаимодействия органов местного самоуправления и религиозных организаций невозможно проводить в отрыве от системного анализа института государственно-конфессиональных отношений в целом, ибо местная власть структурно входит в систему единой публичной власти Российской Федерации, являясь ее наиболее близким к населению уровнем, призванным решать вопросы местного значения.

Отнесение Российской Федерации к числу светских государств (ст. 14 Конституции) закрепляет отделение института церкви от государства и запрет на установление государственной, обязательной религии. Однако это не предполагает отождествления «светскости» с «атеистичностью», при которой государство официально отрицает религию или декларирует атеизм в качестве идеологии (как это сделано, например, в основах конституционного строя Китайской Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам,

Корейской Народно-Демократической Республики).

Религиозные нормы как элемент системы социального регулирования традиционно представляли собой один из самых сложных и противоречивых феноменов российского социума. Он неотъемлемо связан с национально-культурной идентичностью народов, входящих в состав многонационального народа Российской Федерации. При этом вопросы государственного обеспечения свободы религиозных убеждений индивидов в обществе, установления пределов их ограничения в целях защиты государственных интересов и прав иных лиц всегда оставались актуальными. Особенно важно это в условиях необходимости обеспечения межэтнического и межконфессионального согласия, способствующего гармонизации взаимоотношений между представителями разных религиозных групп и формированию единой гражданской идентичности населения России в реалиях федеративного государства.

Отдельного осмысления требует вопрос об установлении пределов допустимого ограничения свободы совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции). Это касается, в частности, и минимизации «социальной конфликтности» при реализации религиозных прав граждан. Речь идет о ситуациях, когда личная вера и общественное мнение вступают в противоборство, потенциально опасное возникновением социальной напряженности, требующей вмешательства государства и применения легальных методов разрешения такого рода конфликтов. Последнее оказывается весьма результативным в условиях светского государства, когда конфессиональные сообщества во взаимоотношениях с обществом и органами власти выступают в качестве обособленных

юридических лиц, имеющих не только права, но и юридические обязанности, выполнение которых должно, безусловно, быть ключевым элементом их функционирования. В противном случае теологические интересы стали бы превалировать над государственным правопорядком. А это противоречит принципу правового суверенитета государства и исключается самой сутью положений, закрепленных в ст. 14 Конституции Российской Федерации.

Реализация принципа светскости в первую очередь должна подразумевать под собой выработку и осуществление органами публичной власти всех уровней государственной политики в области свободы совести, направленной на обеспечение провозглашенного в Конституции идеологического многообразия. Такая политика предусматривает, кроме прочего, уважение интересов граждан, не причисляющих себя к какой-либо религиозной конфессии, неверующих и атеистов.

Представляется, что публичный статус религии и ее институтов по отношению к государству в условиях светского характера власти должен поддерживаться посредством кооперационной модели взаимодействия органов публичной власти и конфессиональных сообществ. Ее суть заключается в конструктивном сотрудничестве названных сторон в целях решения общественно важных задач при четком разделении функциональных полномочий. Применение данной модели способствует установлению разумного баланса между правами личности и правами гражданина, между свободой и ответственностью. Оно необходимо для выстраивания эффективного механизма реализации конституционных принципов правового государства, закрепляющего неразрывную связь права, закона и правоприменительной практики. Результативное воплощение данной «формулы» обеспечивает не только институциональное выражение социальной роли религии в рамках национального законодательства, нормативно определяя тем самым ее публичный статус в российском обществе, но и эффективность взаимодействия личности, общества и государства с религией и ее институциональными структурами во имя общего блага.

Проведенный нами системный анализ государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации показал, что процесс нормотворчества в рассматриваемой сфере идет не столь динамично, поступательно и планомерно, как этого требуют современные реалии. Есть несколько причин такого положения, часть из них обусловлена сложностью структурной организации публичной власти в России, что связано с делением ее на уровни.

Во-первых, защита прав и свобод человека и гражданина (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции), защита традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ч. 1 ст. 72 Конституции), неотъемлемым элементом которого является религиозная принадлежность, относятся к числу предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В то же время в соответствии с п. «в» ст. 71 Конституции регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (в том числе касающихся определения правового статуса национальных меньшинств) находится в исключительном ведении федеральных органов публичной власти. Это позволяет согласиться с мнением исследователей, которые считают, что региональное нормотворчество в сфере регламентации государственно-конфессиональных правоотношений является конституционно избыточным и не вполне обоснованным [2, с. 161-162], если речь идет о положениях предписывающего характера.

Подтверждает это и сложившаяся в сфере обеспечения свободы совести правоприменительная практика. С начала 1990-х годов был принят ряд нормативных правовых актов, определяющих порядок деятельности религиозных организаций на территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований¹. Некоторые из них уже успели утратить силу², а какие-то были признаны частично противоречащими Конституции Российской Федерации и федеральным законам по причине «вторжения» в сферу исключительной компетенции федерации органов государственной власти ее субъектов в части регламентации гражданского законодательства (п. «о» ст. 71 Конституции)³. В результате к началу второго десятилетия XXI века число действующих региональных нормативных правовых актов в исследуемой нами сфере сократилось с 33 до 10 [3, с. 63], что свидетельствует о признании их регулятивной малоэффективности.

Вместе с тем анализ законодательных инициатив, затрагивающих вопросы государственно-конфессионального взаимодействия, демонстрирует озабоченность связанными с ним проблемами как представителей гражданского общества (в лице религиозных организаций), так и органов публичной власти субъектов Российской Федерации [4, с. 24]. Важнейшим актором в данной сфере является Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Его членам принадлежат авторство важнейших законодательных инициатив: о безвозмездной передаче церковного имущества религиозным объединениям; о налоговых льготах для конфессиональных сообществ в условиях единой

¹ Например: Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Тувинская правда. 23.05.1995; Закон Республики Бурятия от 23.12.1997 № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» // Бурятия. 16.01.1998; Закон Республики Башкортостан от 20.06.1991 № ВС-6/19 «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» // Советская Башкирия. 02.07.1991.

² Например, Закон Республики Калмыкия от 31.10.1995 № 31-1-3 «О свободе совести и вероисповеданий» (утратил силу 29.12.2003) // Известия Калмыкии. 10.11.1995.

³ См, например: решение Верховного Суда Республики Тыва от 31.01.2012 № 3/4-2012 // Тувинская правда. 07.08.2012. № 84.

ставки налога на прибыль; о государственной аккредитации религиозных образовательных учреждений [5, с. 7; 6, с. 186].

Не остается равнодушным к законотворческой практике регламентации государственно-конфессиональных отношений и научное сообщество. В 2008 году в Государственную Думу Российской Федерации был представлен проект Федерального закона «О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями». Его подготовил Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук Российской академии наук. Основными целями данной инициативы были заявлены содействие социальному партнерству органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями, а также обеспечение и конкретизация конституционных идей светского государства¹. Некоторые ученые отнеслись к законопроекту весьма скептически, они указали на целый ряд юридико-технических и концептуальных недостатков², а также на несоответствие его содержания заявленным авторами целям и задачам, связанным с укреплением государственно-конфессиональных отношений. С приведенными доводами следует согласиться. Критическое изучение текста законопроекта показало, что, несмотря на претензии на довольно «широкий» объект правового регулирования, фактически им предлагалось юридизировать лишь сферу социального партнерства органов государственной власти и местного самоуправления с традиционными для России конфессиями. А этого явно недостаточно, если учитывать необходимость «легализации» отношений названных субъектов и в иных сферах жизнедеятельности общества.

В последние годы развивается практика участия в процессе нормотворчества, затрагивающего сферу регулирования вопросов взаимодействия с религиозными организациями, представителей органов публичной власти регионов, население которых в большинстве своем исповедует нехристианские религии, в первую очередь буддизм и ислам (это Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Татарстан, Тыва, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики). На протяжении веков Россия являлась своеобразным симбиозом множества этнических и конфессиональных групп [7, с. 131]. Выявленная тенденция может быть связана с тем,

что религиозным традициям и, как следствие, потребностям населения данных субъектов Российской Федерации не полностью соответствуют нормы действующего федерального законодательства. Есть основания говорить о том, что оно в большей степени ориентировано на «представление» идей православия. Его особая роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры подчеркивается в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», православные христиане составляют абсолютное большинство населения страны³. Считаем, что такого рода инициативы регионов заслуживают отдельного рассмотрения ввиду того, что отражают реалии «общественного запроса» многонационального народа России на устранение коллизий правового регулирования государственно-конфессиональных отношений и восполнение имеющихся в нем пробелов [2, с. 160]. Обратим внимание на две из них.

Одна воплотилась в утверждении в 2021 году Указом Главы Чеченской Республики Единой Концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики. В качестве ее цели заявлено формирование ценностных ориентиров в сфере духовно-нравственного развития молодежи на основании трех постулатов – гражданственность (патриотизм), религиозные идеалы и вайнахские адаты (народные обычаи и традиции)⁴. Она была разработана в рамках развития политики руководства республики по осуществлению национального воспитания чеченской молодежи [8]. Примечательно, что данная концепция получила нормативное закрепление на уровне региона раньше, чем состоялся Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Это позволяет расценивать ее как не совсем обычную, но весьма эффективную форму инициативы, исходящей от субъекта федерации (не связанную с прямым обращением к федеральным органам государственной власти). Несомненным достоинством концепции является закрепление в ней перечня задач и функций органов местного самоуправления по духовно-нравственному воспитанию и развитию подрастающего поколения Чеченской Республики (ч. 12 разд. 11). Подобного перечня нет ни в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», ни

¹ Законопроект Федерального закона «О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями» // URL: https://vuzdoc.ru/101567/sotsiologiya/proekt_federalnogo_zakona_vzaimodeystvii_organov_gosudarstvennoy_vlasti_organov_mestnogo_samouprav (дата обращения: 21.12.2025).

² Заключение д.ю.н. И.В. Понкина от 30.09.2008 по проекту ФЗ «О взаимодействии органов гос. власти и органов МСУ с религ. организациями» // Нравственность и Закон: сайт. 19.10.2008 // URL: <https://www.moral-law.ru/index.php?p=post&id=6> (дата обращения: 21.11.2025).

³ Настевич С., Мишина В. Блок в пост: смогут ли регионы отказывать в создании религиозных организаций // Известия: сайт. 19.03.2025 // URL: <https://iz.ru/1856212/sergei-nastevic-valeria-misina/blok-v-post-smogut-li-regiony-otkazivat-v-sozdanii-religioznyh-organizacii> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ См.: разд. 1 Указа Главы Чеченской Республики от 05.10.2021 № 177 «Об утверждении Единой Концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» // Глава Чеченской Республики: сайт // URL: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/documents/177-9.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В ч. 10 разд. 1 вышеназванного Указа Президента органы местного самоуправления обозначены в качестве субъектов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (в числе иных органов публичной власти). В связи с этим целесообразным представляется распространить положительный опыт Чеченской Республики на всю территорию Российской Федерации, закрепив на уровне федерального законодательства за органами местного самоуправления следующие полномочия:

- мониторинг состояния духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения на местном уровне;
- планирование и проведение мероприятий в рамках деятельности по духовно-нравственному воспитанию и развитию подрастающего поколения;
- анализ эффективности духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения в организациях и учреждениях, расположенных на территории муниципальных образований;
- осуществление контроля за выполнением решений вышестоящих государственных органов и собственных решений в области духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения;
- участие в координации деятельности государственных и иных организаций и общественных объединений в сфере духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения;
- патриотическое воспитание молодежи, содействие учебным заведениям в формировании духовно-нравственных качеств молодых людей;
- пропаганда основных целей и приоритетов развития Российской Федерации как государства-цивилизации;
- изучение передового опыта духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения и внедрение его в практику;
- организация и проведение совещаний, конференций и семинаров по проблемам духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения, оказание помощи организациям и учреждениям в подготовке и проведении единых дней информирования;
- использование современных информационных технологий (интернет, электронная почта, дистанционное обучение) для решения задач духовно-нравственного воспитания;
- создание необходимых условий для непосредственного участия молодых граждан в управлении общественными делами, решении экономических и социальных проблем местного значения;
- повышение социальной активности молодых граждан в условиях построения правового демократического государства;
- поддержание в коллективах атмосферы уважения к человеку труда;
- приобщение молодых людей к культуре и традициям народов России;

- формирование у молодежи стремления к здоровому образу жизни.

Заслуживает внимания и инициатива депутатов Народного Собрания Республики Дагестан, представленная на рассмотрение в Государственную Думу 24 декабря 2024 года. В данном случае было предложено внесение поправок в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

- закрепить обязательное согласование с органами государственной власти субъекта Российской Федерации возможности государственной регистрации «местной религиозной организации, а также централизованной религиозной организации, имеющей местные религиозные организации на территории этого субъекта Российской Федерации»;
- предоставить исключительное право на издание и распространение книг богослужбной и духовной тематики и предметов религиозного назначения только централизованным религиозным организациям и их структурным подразделениям;
- увеличить срок прохождения религиозными общинами государственной регистрации в целях обеспечения производства полноценной религиозно-ведческой экспертизы;
- заменить пожизненным существующий ныне 10-летний срок запрета на создание религиозных организаций субъектам, ранее руководившим юридическими лицами, которые были признаны судом экстремистскими и ликвидированы¹.

Эта законодательная инициатива получила неоднозначную оценку экспертного сообщества, включая ученых и правоприменителей. Во-первых, вызывает сомнение целесообразность реализации предложенных поправок на федеральном уровне. Понятно, что специфика поликультурного национального состава населения Республики Дагестан вызывает у представителей органов государственной власти региона опасения, связанные с угрозами распространения экстремистских и сепаратистских воззрений. Однако это обстоятельство не представляется столь же актуальным для большинства других субъектов федерации. Во-вторых, принятие предложенных поправок может препятствовать осуществлению на территории страны миссионерской деятельности, ведь ее неотъемлемым элементом является распространение вероучения. В-третьих, существует риск того, что ключевая роль «местной власти» в принятии решения о регистрации юридического лица в некоторых случаях станет инструментом манипулирования и злоупотребления властными полномочиями. Считаю, что рассматриваемая инициатива требует конструктивной доработки. Ее реализация, скорее всего, должна быть ограничена пределами регионального и местного нормотворчества, и не доходить до федерального уровня. Аналогичное мнение изложили эксперты в поступивших в Государственную Думу отзывах органов власти субъектов Российской Федерации

¹ Мельников А. Право на Писание // Независимая газета. Религии: сайт. 14.01.2025 // URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2025-01-14/11_587_bill.html (дата обращения 21.12.2025).

на подготовленный дагестанскими депутатами законопроект¹.

Нередко субъектами законодательной инициативы по вопросам государственно-конфессиональных отношений в рамках осуществления приобретенных в порядке законной процедуры выборов властных функций становятся депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [9, с. 4].

Так, по предложению группы парламентариев во главе с Председателем Государственной Думы Вячеславом Володиным в 2025 году принята поправка в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Был установлен запрет на демонстрацию объектов традиционных религий России без религиозных символов (православных крестов, мусульманского полумесяца, звезды Давида, шпиля и колеса Дхармы и т.д.)². Необходимость законодательной регламентации порядка использования религиозных символов обусловлена наметившейся тенденцией некорректного их размещения в средствах массовой информации, на объектах наглядной агитации и т.д., что нередко оскорбляло чувства верующих³. Представляется, что особая роль в контроле за реализацией данной поправки в правоприменительной практике должна принадлежать органам местного самоуправления как власти, наиболее близкой к населению и ее инициативам, в том числе и в публичной сфере.

Другой пример. Группа депутатов от фракции «Новые люди» 30 октября 2024 года представила на рассмотрение Государственной Думы законопроект, предлагающий установить ограничения на проведение публичного богослужения, религиозных обрядов и церемоний, носящих систематический характер, в нежилых помещениях многоквартирных домов⁴. Эта инициатива была поддержана Правительством Российской Федерации с условием доработки законопроекта в части определения критериев систематичности проведения религиозных мероприятий⁵. Дора-

ботанный вариант поступил на рассмотрение в Государственную Думу 17 июня 2025 года. В нем предусмотрены полный запрет на проведение публичных богослужений в жилых (в том числе многоквартирных) домах для лиц, не являющихся жильцами данных домов, и «отказ в регистрации религиозных организаций, если они размещаются и проводят богослужения в жилых и нежилых помещениях жилых (в том числе многоквартирных) домов»⁶. В полученном 1 октября 2025 года отзыве Правительства Российской Федерации было указано на необходимость существенной доработки предлагаемых законодательных формулировок и устранение угрозы возникновения коллизий правоприменения⁷.

Представляется, что данный законопроект имеет прямое отношение к деятельности органов местного самоуправления, так как сформулированные в нем предложения непосредственно касаются сферы обеспечения прав граждан на комфортные условия проживания как неотъемлемый элемент достойного уровня жизни, гарантируемого в социальном государстве, каковым является Российская Федерация (ст. 7 Конституции) [10, с. 607]. Авторы законопроекта считают, что существующее законодательное дозволение по проведению публичных (рассчитанных на неопределенный круг лиц) богослужений нуждается в совершенствовании. В действующем варианте ему свойственны недостатки, наличие которых обуславливает возникновение угроз противопожарной и общественной безопасности, способствует нежелательному скоплению нелегальных мигрантов, что создает опасность существенной криминализации общества [11, с. 368]. Превенция перечисленных негативных явлений, ставших следствием существующего законодательного дозволения на федеральном уровне, должна входить в перечень вопросов местного значения и составлять содержание контрольно-надзорной компетенции органов местного самоуправления [12, с. 59]. И это целесообразно нормативно закрепить если не

¹ Настевич С., Мишина В. Блок в пост: смогут ли регионы отказывать в создании религиозных организаций // Известия: сайт. 19.03.2025 // URL: <https://iz.ru/1856212/sergei-nastevic-valeria-misina/blok-v-post-smogut-li-regiony-otkazivat-v-sozdanii-religioznyh-organizacii> (дата обращения: 21.12.2025).

² Федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

³ Конец «крестопада». Правда ли Госдума запретила изображать православные храмы без крестов? // Дзен: сайт. 16.07.2025 // URL: https://dzen.ru/a/aHc5_6krOBYjJZK2?ysclid=mi8490af22602961343 (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ Законопроект № 755625-8 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в части совершенствования законодательства в сфере религиозных объединений)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/755625-8> (дата обращения: 21.12.2025).

⁵ См.: Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 755625-8 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», внесенный депутатами Государственной Думы С.В. Авксентьевой, О.Ю. Леоновым, А.В. Скрозниковой, А.О. Ткачевым» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/755625-8> (дата обращения: 21.12.2025).

⁶ Законопроект № 944300-8 «О внесении изменений в статьи 12 и 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в части совершенствования законодательства в сфере религиозных объединений)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/944300-8> (дата обращения: 21.12.2025).

⁷ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 944300-8 «О внесении изменений в статьи 12 и 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», внесенный депутатами Государственной Думы С.В. Авксентьевой, О.Ю. Леоновым, В.В. Плякиным и другими // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/944300-8> (дата обращения: 21.12.2025).

в федеральном законодательстве, то, по крайней мере, на местном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование подтвердило, что в отличие от федерального законодательства, регламентирующего вопросы государственно-конфессионального взаимодействия, правовое регулирование отношений органов местного самоуправления и религиозных организаций в недостаточной мере сформировано и требует значительного, однако, весьма «деликатного» совершенствования [13, с. 23], направленного на устранение имеющихся правовых пробелов и коллизий. Решение этой задачи «позволит проводить единую идеологическую и стратегическую политику, единую в своих истоках, но разнообразную в проявлениях, опираясь на местные исторические, культурные, этнические и другие традиции мультиэтнического социума» [14, с. 79]. При этом мнение некоторых ученых о нецелесообразности регулирования вопросов деятельности религиозных организаций на местном уровне представляется весьма дискуссионным. Ведь необходимо учитывать специ-

фику ряда субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, обусловленную уникальным этническим и религиозным составом компактно проживающего там населения, интересы и блага которого должны быть приоритетом в деятельности публичной власти всех уровней. Именно религиозность часто является формой выражения классовых и этнических конфликтов [15, с. 79], в том числе и на местном уровне.

Вместе с тем следует отметить, что любая законодательная инициатива в сфере регламентации муниципально-конфессиональных отношений должна быть предварительно проанализирована с целью определения ее соответствия конституционно-правовым нормам в части обеспечения реализации принципов светского государства, исключения рисков «скрытой клерикализации» муниципального управления и его идеологизации, произвола и злоупотребления властью со стороны должностных лиц органов местного самоуправления, особенно в полиэтничных и поликонфессиональных муниципальных образованиях. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронкова М.Л. Проблемы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями в современной России // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти: теория и практика: по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Поволжский институт управления - филиал РАНХиГС, 2018. С. 54-56.
2. Со А.А. Правовое регулирование вопросов свободы совести и свободы вероисповедания в Сахалинской области // Власть. 2014. № 11. С. 160-163.
3. Пчелинцев А.В. Законодательная практика и проблемы разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в сфере свободы совести и вероисповедания // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 63-65.
4. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 23-35.
5. Мельников С.А. Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации в контексте государственно-конфессиональных отношений // Роль религии в современном мире: Материалы научно-практической конференции. М.: Юрист, 2016. С. 6-16.
6. Фоминская М.Д. Религиозные основания изменения законодательства (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 179-187.
7. Ганиева М.В. Диалог религиозных культур в современной России: христианство и ислам // Научные исследования молодых ученых: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 130-135.
8. Верещагина М.В., Гайсина А.Х. Вопросы национального воспитания чеченской молодежи // Молодые исследователи: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: АЛЕФ, 2024. С. 140-145.
9. Скрябина А.В. Депутат как субъект законодательной инициативы // Юридические науки: проблемы и перспективы: Материалы Международной научной конференции. Казань: Бук, 2017. С. 2-6.
10. Цуров Т.Б. Понятие социального государства. Россия как социальное государство // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: Материалы Международного молодежного форума. Елец: Елецкий государственный университет, 2018. С. 606-609.
11. Алдошина Е.К. Причины и тенденции нелегальной миграции. Противодействие нелегальной миграции // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 8 (24). С. 365-370.
12. Пешин Н.Л. Особенности муниципального публично-властного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 55-62.
13. Комкова Г.Н. Реализация равенства прав и свобод человека независимо от отношения к религии в современной России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 19-31.
14. Карпов А.В., Ломакин В.В. Правовые основы взаимодействия местного самоуправления с религиозными конфессиями и многоэтническим населением в целях противодействия экстремизму // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 8. С. 72-79.
15. Гараджа В.И. Социология религии. М.: Инфра-М. 2005. 348 с.

REFERENCES

1. Voronkova M.L. Problemy vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya s religioznymi organizatsiyami v sovremennoy Rossii // Konstitutsionno-pravovyye problemy effektivnosti publichnoy vlasti: teoriya i praktika: po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya - filial RANKhiGS, 2018. S. 54-56.
2. So A.A. Pravovoye regulirovaniye voprosov svobody sovesti i svobody veroispovedaniya v Sakhalinskoy oblasti // Vlast'. 2014. № 11. S. 160-163.
3. Pchelintsev A.V. Zakonodatel'naya praktika i problemy razgranicheniya predmetov vedeniya Rossiyskoy Federatsii i yeye sub'yektov v sfere svobody sovesti i veroispovedaniya // Rossiyskaya yustitsiya. 2011. № 1. S. 63-65.
4. Ovchinnikov A.I., Nefedovskiy G.V. Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v svete konstitutsionnoy popravki s upominaniyem o «vere v Boga» // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. 2020. № 5. S. 23-35.
5. Mel'nikov S.A. Sovet po vzaimodeystviyu s religioznymi ob'yedineniyami pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy // Rol' religii v sovremennom mire: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Yurist, 2016. S. 6-16.
6. Fominskaya M.D. Religioznyye osnovaniya izmeneniya zakonodatel'stva (doktrina, praktika, tekhnika) // Yuridicheskaya tekhnika. 2023. № 17. S. 179-187.
7. Ganiyeva M.V. Dialog religioznykh kul'tur v sovremennoy Rossii: khristianstvo i islam // Nauchnyye issledovaniya molodykh uchenykh: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2024. S. 130-135.
8. Vereshchagina M.V., Gaysina A.Kh. Voprosy natsional'nogo vospitaniya chechenskoy molodezhi // Molodyye issledovateli: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Makhachkala: ALEF, 2024. S. 140-145.
9. Skryabina A.V. Deputat kak sub'yekt zakonodatel'noy initsiativy // Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kazan': Buk, 2017. S. 2-6.
10. Tsurov T.B. Ponyatiye sotsial'nogo gosudarstva. Rossiya kak sotsial'noye gosudarstvo // Nравstvennyye imperativy v prave, obrazovanii, nauke i kul'ture: Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. S. 606-609.
11. Aldoshina Ye.K. Prichiny i tendentsii nelegal'noy migratsii. Protivodeystviye nelegal'noy migratsii // Alleya nauki. 2018. T. 3. № 8 (24). S. 365-370.
12. Peshin N.L. Osobennosti munitsipal'nogo publichno-vlastnogo kontrolya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2019. № 7. S. 55-62.
13. Komkova G.N. Realizatsiya ravenstva prav i svobod cheloveka nezavisimo ot otnosheniya k religii v sovremennoy Rossii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2003. № 1 (246). S. 19-31.
14. Karpov A.V., Lomakin B.V. Pravovyye osnovy vzaimodeystviya mestnogo samoupravleniya s religioznymi konfessiyami i mnogoetnicheskim naseleniyem v tselyakh protivodeystviya ekstremizmu // Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'. 2009. № 8. S. 72-79.
15. Garadzha V.I. Sotsiologiya religii. M.: Infra-M. 2005. 348 s.

© Гоглева К.Ю., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гоглева К.Ю. Публично-правое обеспечение муниципально-конфессионального партнерства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 81-88.

Юлия Владиславовна КОНТЕМИРОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-2360-9705

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники

contemirova@yandex.ru

Александр Валерьевич СЛЕСАРЕВ,

кандидат социологических наук, ORCID 0000-0002-6654-0478

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск)

заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

Alekssles@yandex.ru

Научная статья

УДК 325.14:[343.97:314.74]

РОССИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ЭТАПЕ СИСТЕМНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Мигрант, правовой статус мигранта, миграционная безопасность, государственная миграционная политика, преступность иностранных граждан.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты анализа системных изменений, происходящих в регулировании миграционных процессов в Российской Федерации. В ходе исследования были рассмотрены факторы, обуславливающие сокращение численности иностранных граждан на территории страны, в том числе ужесточение миграционного законодательства, введение режима высылки (реестра контролируемых лиц) и расширение отраслевых запретов при осуществлении трудовой деятельности на основе патента. *Методы.* Методологическую базу исследования составил общенаучный диалектический метод познания. Применялись статистический метод обработки количественных данных, метод конкретных ситуаций (на примере регионального регулирования), сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить прежние и новые правовые режимы, а также методы обобщения и синтеза. Осуществлены формально-юридический анализ нормативных правовых актов и системно-функциональный анализ взаимосвязей между элементами миграционной политики. *Результаты.* На основе статистических данных и положений нормативных актов показана трансформация правового статуса трудовых мигрантов. Охарактеризованы новые требования, предъявляемые к работодателям (включая право увольнения при превышении региональных квот и ответственность за легальность пребывания иностранца). Исследованы внедряемые государством инструменты цифрового контроля (цифровой профиль мигранта, электронная регистрация через портал «Госуслуги»). Особое внимание уделено утвержденной в 2026 году новой концепции миграционной политики Российской Федерации и принципу избирательности допуска иностранной рабочей силы.

ВВЕДЕНИЕ

Миграционная система Российской Федерации претерпевает значительные институциональные трансформации под воздействием комплекса политических, экономических и технологических факторов. Условия пребывания и трудовой деятельности иностранных граждан кардинально изменились, в результате чего прежние правовые нормы утратили свою актуальность. При этом мотивация трудовых мигрантов сохраняет традиционную направленность: получение дохода, социальная и экономическая стабильность, доступ к новым возможностям.

Несмотря на произошедшие изменения, основным источником трудовых ресурсов для России остаются государства постсоветского пространства. В первую очередь это Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, граждане которых довольно успешно адаптируются в российском обществе

благодаря культурно-исторической близости. Миграционные связи с названными странами имеют существенное геополитическое значение для России [1, 2], поскольку трудовая миграция служит механизмом регионального взаимодействия и поддержания социальной стабильности в сопредельных государствах [3, 4]. Наличие многочисленных диаспор с иерархической внутренней структурой ускоряет адаптацию вновь прибывающих мигрантов к условиям жизни и труда в России, облегчает им доступ к жилью и различным формам социальной поддержки.

Наряду с помощью диаспор благоприятные условия для трудоустройства иностранцев создает также правовая среда. Действующее трудовое и миграционное законодательство не содержит норм, обязывающих работодателя проверять документы иностранного работника при найме, что упрощает процедуры регистрации и трудоустрой-

Yulia V. KONTEMIROVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0004-2360-9705

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment

kontemirova@yandex.ru

Alexander V. SLESAREV,

Cand. Sci. (Sociology), ORCID 0000-0002-6654-0478

Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I.F. Shilov (Khabarovsk, Russia)

Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies

Alekssles@yandex.ru

RUSSIAN MIGRATION POLICY AT THE STAGE OF SYSTEMIC RESTRUCTURING

KEYWORDS. Migrant, migrant legal status, migration security, state migration policy, crime of foreign citizens.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of an analysis of systemic changes occurring in the regulation of migration processes in the Russian Federation. The study examined factors contributing to the decline in the number of foreign citizens in the country, including the tightening of immigration laws, the introduction of a deportation regime (a register of controlled persons), and the expansion of industry-specific restrictions on work activities based on a patent. *Methods.* The methodological basis of the study was formed by the general scientific dialectical method of cognition. The statistical method of processing quantitative data, the method of specific situations (using regional regulation as an example), the comparative legal method, which made it possible to compare previous and new legal regimes, as well as the methods of generalization and synthesis were applied. A formal-legal analysis of regulatory legal acts and a systemic-functional analysis of the interrelations between the elements of migration policy were carried out. *Results.* Based on statistical data and an analysis of the provisions of regulatory acts, the transformation of the legal status of migrant workers is shown. The article describes new requirements for employers (including the right to dismiss employees if regional quotas are exceeded and liability for the legality of foreign nationals' stay). Digital control tools being implemented by the state (digital migrant profiles and electronic registration through the «Gosuslugi» portal) are examined. Particular attention is paid to the new concept of migration policy for the Russian Federation, approved in 2026, and the principle of selectivity in admitting foreign labor.

ства, снижая административные барьеры для желающих легально работать в нашей стране. Участие России в международных соглашениях, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, предоставляет дополнительные преференции гражданам стран, входящих в это объединение. Совокупность таких факторов, как относительно высокий уровень зарплат, культурно-историческая общность и благоприятный правовой режим трудоустройства, обуславливает выбор значительного числа мигрантов в пользу России.

К началу 2026 года численность иностранных граждан в России составила 5,7 млн человек. Это на 10% ниже показателя, зафиксированного годом ранее. Основное сокращение пришлось на несовершеннолетних иностранцев: их стало меньше на 25%¹. Снижение количества иностранцев в Российской Федерации связано прежде всего с ужесточением миграционного законодательства и введением новых мер контроля². Ранее мигранты, допуская нарушение срока пребывания в стране, могли оставаться на ее территории до момента выявления данного обстоятельства правоохранительными органами. Они распоряжались средствами на банковских счетах, заключали браки и использовали эти юридические факты для последующей легализации и отмены решений о депортации. В настоящее время ситуация измени-

лась. Таких нарушителей незамедлительно включают в реестр контролируемых лиц, и они фактически переходят под полный административный надзор государства. Им запрещено изменять место жительства без разрешения органов внутренних дел, покидать пределы субъекта Российской Федерации, вступать в брак, регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей или учредителей юридических лиц, открывать банковские счета, совершать операции по ним, а также получать наличные денежные средства в размере, превышающем 30 тысяч рублей в месяц. Таким образом, государством сформирован действенный правовой механизм, препятствующий нахождению нарушителей миграционного законодательства на территории России.

На современном этапе развития нашей страны политика в сфере миграции обретает критическую значимость, поскольку как позитивные, так и негативные проявления миграционных процессов способны оказывать существенное воздействие на любое государство. Ключевым индикатором эффективности органов публичной власти в данном случае является их способность адекватно оценивать миграционную ситуацию и разрабатывать эффективные меры правового и организационного регулирования. Динамика въезда и выезда иностранцев непосредственно влияет на состояние

¹ Количество мигрантов в РФ сократилось до 5,7 млн человек // Ведомости: сайт. 29.01.2026 // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/29/1172466-kolichestvo-migrantov-v-rf-sokratilos>.

² Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

национальной безопасности [5]. Урегулирование миграционных процессов обусловлено совокупностью факторов: политическими установками, историческими особенностями, уровнем экономического развития, демографической ситуацией, правовым обеспечением миграции и состоянием социальной сферы. Этот комплекс предопределяет вектор миграционной политики государства.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Был осуществлен анализ нормативно-правовых актов: изучены федеральные законы, постановления региональных властей, поправки, внесенные в Трудовой кодекс Российской Федерации, концепции миграционной политики. С помощью статистического метода проанализированы количественные показатели численности мигрантов. Метод конкретных ситуаций позволил рассмотреть на примере Волгоградской области детальный перечень запрещенных для мигрантов видов деятельности и планируемое повышение стоимости патента. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления существовавших ранее и новых правил (режим высылки взамен прежнего порядка, цифровая регистрация вместо бумажной миграционной карты, доступ к обязательному медицинскому страхованию только после пятилетнего срока легальной занятости). Системно-функциональный анализ способствовал выявлению взаимосвязей между элементами миграционной политики (квоты, патенты, запреты по отраслям, цифровой профиль, ответственность работодателя) и их влиянием на рынок труда, социальную сферу и национальную безопасность. Метод обобщения и синтеза обеспечил возможность формулирования выводов об общей направленности реформы в рассматриваемой сфере (избирательность, временный характер трудовой миграции, ужесточение контроля).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Новая концепция миграционной политики¹, утвержденная Президентом Российской Федерации, задает общую основу для осуществляемых изменений. Ее цель – выстроить систему, в рамках которой государство обладало бы точным знанием о том, кто приехал, с какой целью и на каких условиях.

Ключевым инструментом, предложенным концепцией, стал цифровой профиль мигранта – электронное досье, позволяющее оперативно отслеживать истечение сроков пребывания в стране, несогласованную смену работодателя и иные нарушения. Внедрение цифрового профиля направлено на сокращение документооборота, ускорение административных процедур и повышение точности статистического учета. Для достижения этих же целей бумажная миграционная карта заменена обязательной регистрацией через портал «Госуслуги», что означает перевод кон-

троля за миграцией в цифровой формат. Теперь иностранные граждане получили возможность регистрироваться самостоятельно – через веб-сайт или мобильное приложение «guID» – без личного визита в подразделение миграционной службы. Система автоматически отслеживает сроки пребывания, статус документов и передает данные в соответствующие ведомства. Вместе с тем реформа сталкивается с очевидными сложностями. Не все мигранты, особенно прибывающие впервые, имеют доступ к Интернету и обладают необходимыми цифровыми навыками. Кроме того, сохраняется проблема защиты персональных данных [6, 7, 8]. Несмотря на возникающие затруднения, смена бумажной карты на электронный учет представляет собой принципиально важный шаг: подтверждается изменение подхода к миграционному контролю и укрепляется правовая защищенность как самих мигрантов, так и принимающего их общества.

Следует подчеркнуть, что в рамках реформы ужесточились требования, предъявляемые к мигрантам. В частности, пересмотрены стандарты проведения экзаменов на знание русского языка и квалификацию. Для исключения мошенничества предусмотрены автоматизированные системы проверки ответов, обязательная идентификация личности, видеонаблюдение и привлечение независимых наблюдателей [9]. Предпринимаемые меры направлены на отсев лиц, не владеющих русским языком и не обладающих необходимой квалификацией. Таким образом реализуется принцип избирательности: государство готово принимать соотечественников, инвесторов и специалистов, чей опыт реально востребован экономикой, но не ориентировано на массовый неквалифицированный труд. При этом отметим, что мигрантов ряда категорий новые правила не затрагивают. Для граждан стран Евразийского экономического союза (Беларуси, Казахстана, Киргизии, Армении), обладателей разрешения на временное проживание или вида на жительство, а также высококвалифицированных специалистов сохраняются прежние условия пребывания и работы.

Есть основания констатировать, что российский рынок труда по ряду позиций характеризуется устойчивым дефицитом кадров, который не может быть полностью восполнен за счет граждан страны. На фоне сокращения возможностей для участия в «зарплатной гонке» бизнес испытывает возрастающий кадровый голод. В связи с этим приходится привлекать иностранную рабочую силу. Каждая третья российская компания уже использует труд мигрантов, и более 40% работодателей выражают готовность последовать этому примеру. До настоящего времени основным источником трудовых ресурсов были страны Центральной Азии (прежде всего Узбекистан и Таджикистан). Однако государство методично проводит политику по расширению географии иммиграции. Как следствие, 13% российских компаний уже рассматривают возможность нанимать персонал из Аф-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы».

рики и Индии¹. В связи с этим в 2026 году, наряду с ужесточением миграционного законодательства, в России увеличены на 19% квоты на привлечение квалифицированных иностранных работников – до 279 тысяч разрешений². Наибольший объем квот предусмотрен для промышленности и строительства [10]. Вместе с тем рост уровня квотирования для визовых мигрантов сопровождается ужесточением лимитов в отдельных отраслях и регионах, усложнением процедуры получения патента и расширением обязанностей в сфере налогового учета. Многие сферы деятельности, ранее доступные для патентных мигрантов, становятся закрытыми, что обусловлено желанием повысить занятость местного населения.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию в Волгоградской области. Здесь губернатором в конце 2025 года было подписано постановление³, закрывающее целые секторы экономики для работающих по патенту мигрантов. Помимо ранее введенных ограничений (образования, здравоохранения, торговли, курьерская деятельность, охота и отлов диких животных), иностранным гражданам теперь запрещена работа в сферах научных исследований и разработок, организации отдыха и развлечений, обеспечения безопасности и проведения расследований, трудоустройства и подбора персонала, письменного и устного перевода [11].

Одной из ключевых мер регулирования притока иностранной рабочей силы является ежегодное повышение стоимости патентов для трудовых мигрантов, которое проводится в большинстве субъектов федерации. Патент предоставляет иностранному гражданину право осуществлять трудовую деятельность исключительно в том регионе и в той сфере, которые указаны в документе. Для получения патента мигрант обязан представить пакет документов, оформление которого обходится приблизительно в 30 тысяч рублей. Кроме того, необходимо осуществлять ежемесячный авансовый платеж по патенту (его размер в разных регионах различен). Неуплата влечет утрату права на пребывание в нашей стране и последующее выдворение за ее пределы. Увеличение стоимости патента рассматривается как инструмент сокращения численности низкооплачиваемых работников, способных оказывать избыточное давление на рынок труда. Таким образом, Правительство Российской Федерации стремится сбалансировать интересы бизнеса и общества. Трудовая миграция воспринимается исключительно как временная мера для закрытия потребностей рынка труда, не

предусматривающая долгосрочной интеграции приезжих в российское общество.

Далее обратим внимание на расширение ответственности работодателей. По новым правилам, именно компания-наниматель выступает гарантом того, что мигрант находится в стране легально. Кроме того, введен запрет на ввоз семей мигрантов. Власти обосновывают эту меру стремлением сохранить демографический баланс и не допустить ситуации, при которой приток иждивенцев создает не обеспеченную ресурсами нагрузку на социальную инфраструктуру.

Стоит отметить, что до недавнего времени работодатели, нанимавшие иностранных работников сверх установленной региональными властями предельной доли, оказывались в положении двойного правового противоречия. С одной стороны, нарушение лимита грозило им штрафом до 1 млн рублей и приостановкой деятельности. С другой стороны, расторжение трудового договора с иностранным работником могло быть признано судом незаконным, поскольку прямого права на увольнение по данному основанию законодательно закреплено не было [12]. С 1 марта 2026 года вступили в силу внесенные в п. 9 ст. 327.6 Трудового кодекса Российской Федерации изменения, которые вписываются в общий курс на снижение зависимости от иностранного труда. Поправки наделили работодателя правом увольнять иностранных работников в случае, если их численность в организации превышает региональную квоту, которую субъекты федерации определяют самостоятельно. Тем самым было преодолено ранее существовавшее правовое противоречие между запретом превышать квоту и отсутствием основания для увольнения.

Наряду с корректировкой трудовых прав мигрантов и обязанностей работодателей законодатель пересматривает и социальные гарантии иностранных граждан. В частности, это касается правил доступа к бесплатной медицинской помощи⁴. Для получения полиса обязательного медицинского страхования мигрант теперь обязан легально проработать в России не менее пяти лет [13]. При этом экстренная помощь по-прежнему оказывается любому лицу независимо от наличия полиса. Однако плановая медицина для большинства приезжих становится платной. Основанием для принятия поправки стала необходимость разгрузки бюджета системы здравоохранения.

Кроме того, миграционной реформой оказалось затронуто образование детей из семей мигрантов. С 28 января 2026 года вступил в силу Фе-

¹ Гаджиева М. Однажды в Болливуде: каждый восьмой бизнес готов нанять работников из Индии и Африки // Известия: сайт. 27.02.2026 // URL: <https://iz.ru/2049554/milana-gadzhieva/odnazhdy-v-bollivude-kazhdyj-vosmoj-biznes-gotov-nanyat-specialistov-iz-indii-i-afriki?ysclid=mmvp36ift8839077516>.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 № 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности».

³ Постановление Губернатора Волгоградской области от 29.12.2025 № 798 «Об установлении на 2026 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Волгоградской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности».

⁴ Федеральный закон от 10.06.2026 № 162-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 34 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

деральный закон от 31 июля 2025 года № 314-ФЗ¹, цель которого – содействие ускоренной адаптации детей мигрантов в российской школе. В частности, установлен двусторонний обмен данными между Министерством внутренних дел и органами управления образованием [14]. МВД России информирует образовательные организации о постановке несовершеннолетних иностранцев на миграционный учет и снятии с него. В свою очередь, школы передают в органы внутренних дел сведения о зачислении, результатах языкового тестирования и отчислении [15]. Такая система имеет двойной эффект. С одной стороны, она способствует включению в образовательный процесс тех детей, которые ранее не учились. С другой – обеспечивает абсолютную прозрачность: государство получает доступ к информации о семье мигрантов. В результате ошибка в документах или просрочка регистрации у ребенка может привести к тому, что административное давление на родителей многократно возрастет.

Итак, можно говорить о том, что миграционная политика Российской Федерации предопределяется в первую очередь экономическими и социальными обстоятельствами и обладает рядом специфических черт, непосредственно связанных с перемещением значительных масс людей. В условиях глобализации необходимо иметь в виду, что миграционные процессы оказывают воздействие практически на все сферы жизнедеятельности государства и общества, а потому требуют постоянного внимания, в том числе и в качестве объекта научных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги проведенного нами анализа позволяют утверждать, что в 2026 году российская миграционная система завершает переход к принципиально новой модели регулирования трудовых отношений с приезжими, основанной на ужесточении контроля, цифровизации учета и отраслевой се-

лективности. Ключевыми элементами этой модели являются: введение миграционного режима высылки с реестром контролируемых лиц, повышение стоимости патентов, расширение региональных запретов на работу мигрантов в отдельных секторах экономики, а также внедрение цифрового профиля иностранного гражданина. Работодатели, наделенные теперь правом увольнять мигрантов при превышении региональных квот, фактически становятся гарантами соблюдения миграционного законодательства. Социальные аспекты трудовой миграции также подвергаются пересмотру: ограничивается доступ к плановой бесплатной медицине, обмен данными между МВД России и органами образования обеспечивает тотальную прозрачность семейного статуса детей мигрантов.

Важно, что новая концепция миграционной политики закрепляет принцип избирательности: государство ориентировано на привлечение квалифицированных специалистов, инвесторов и соотечественников, тогда как массовый неквалифицированный труд рассматривается как временная мера, не предполагающая долгосрочной интеграции. При этом для граждан стран Евразийского экономического союза, обладателей вида на жительство и высококвалифицированных специалистов сохраняются прежние условия пребывания и работы.

Таким образом, очевидно, что трансформация миграционной системы России в 2026 году носит системный и многоуровневый характер, сочетая экономические, правовые и технологические инструменты. Достигнутое ужесточение правил, с одной стороны, повышает управляемость миграционными процессами и снижает нагрузку на бюджет, с другой – создает новые риски для бизнеса и самих мигрантов, требуя дальнейшего совершенствования правоприменительной практики. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов С.В. Исторические аспекты возникновения и некоторые проблемные вопросы документирования противоправной деятельности тоталитарных международных организаций на примере саентологической // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 70-72.
2. Исакова Ю.И., Мелихов А.И., Працко Г.С. Принцип выживания в международных отношениях: от альтруистической утопии к прагматическому реализму // Правовой порядок и правовые ценности: Сборник научных статей научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону: ДГТУ-Принт, 2025. С. 3-11.
3. Попов С.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании в сфере противодействия экстремизму // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 63-64.
4. Попов С.В. О некоторых вопросах бифуркации дефиниции «экстремистская деятельность» в российском законодательстве // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 100-102.
5. Мелихов А.И., Костюченко Н.И. О необходимости внедрения парадигмы национальной безопасности в ведомственное образование сотрудников полиции // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 157-159.

¹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 314-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

6. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.
7. Желудков М.А., Алексеева А.П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159-169.
8. Алексеева А.П., Смагоринский Б.П., Третьяков В.И. Нейросети как инструмент работы органов внутренних дел: криминологический аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 85-92.
9. Алексеева А.П. Кибермошенничество как объект криминологического исследования: анализ способов совершения и стратегий противодействия // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 11-13.
10. Шкорбатова Н.В. К вопросу о понятии миграции и ее видах // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 174.
11. Михалева О.М., Кашникова В.В. Современная миграционная политика России // Экономика. Социология. Право. 2024. № 1 (33). С. 35-41.
12. Тарасова М.Ю. Проблемные вопросы преступности мигрантов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 112-116.
13. Кудин О.В. Проблемы миграции и совершенствование миграционного законодательства в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 112-123.
14. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
15. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.

REFERENCES

1. Popov S.V. Istoricheskiye aspekty vozniknoveniya i nekotoryye problemnyye voprosy dokumentirovaniya protivopravnoy deyatel'nosti totalitarnykh mezhhdunarodnykh organizatsiy na primere sayentologicheskoy // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 70-72.
2. Isakova Yu.I., Melikhov A.I., Pratsko G.S. Printsip vyzhivaniya v mezhhdunarodnykh otnosheniyakh: ot al'truisticheskoy utopii k pragmaticheskomu realizmu // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti: Sbornik nauchnykh statey nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhhdunarodnym uchastiyem. Rostov-na-Donu: DGTU-Print, 2025. S. 3-11.
3. Popov S.V. K voprosu o normativno-pravovom regulirovaniy v sfere protivodeystviya ekstremizmu // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 63-64.
4. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh bifurkatsii definitsii «ekstremistskaya deyatel'nost'» v rossiyskom zakonodatel'stve // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2024. S. 100-102.
5. Melikhov A.I., Kostyuchenko N.I. O neobkhodimosti vnedreniya paradigmy natsional'noy bezopasnosti v vedomstvennoye obrazovaniye sotrudnikov politsii // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 157-159.
6. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, soderzhashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // Ugovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-15.
7. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obespecheniye zashchishchennosti biometricheskikh personal'nykh dannyykh ot ispol'zovaniya v kriminal'nykh tselyakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (106). S. 159-169.
8. Alekseyeva A.P., Smagorinskiy B.P., Tret'yakov V.I. Neyroseti kak instrument raboty organov vnutrennikh del: kriminologicheskyy aspekt // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2023. № 3 (96). S. 85-92.

9. Alekseyeva A.P. Kibermoshennichestvo kak ob'yekt kriminologicheskogo issledovaniya: analiz sposobov soversheniya i strategiy protivodeystviya // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vs Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 11-13.
10. Shkorbatova N.V. K voprosu o ponyatii migratsii i yeye vidakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 174.
11. Mikhaleva O.M., Kashnikova V.V. Sovremennaya migratsionnaya politika Rossii // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. 2024. № 1 (33). S. 35-41.
12. Tarasova M.YU. Problemnyye voprosy prestupnosti migrantov // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 2 (33). S. 112-116.
13. Kudin O.V. Problemy migratsii i sovershenstvovaniye migratsionnogo zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 5. S. 112-123.
14. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.
15. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Контемирова Ю.В., Слесарев А.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Контемирова Ю.В., Слесарев А.В. Российская миграционная политика на этапе системной перестройки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 89-95.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,

доктор филологических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6386-2041

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

профессор кафедры социально-экономических

и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала

atvritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ: ГРАНИЦЫ И СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Геймификация, внешняя и внутренняя мотивация обучающихся, игровые механики, игровые технологии, игровой сценарий, образовательные технологии.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлен аналитический обзор актуальных научных работ в области геймификации образования. Целью проведенного автором исследования стало выявление вариантов толкования рассматриваемого понятия и тенденций использования соответствующего термина. Результаты анализа призваны углубить теоретическое понимание роли геймификации в образовательном процессе, уточнить понимание ее сущности и назначения, выявить границы ее оптимального применения. *Методы.* Оказался востребован традиционный для такого рода исследований набор методов: сопоставительный и таксономический анализ, абстрагирование, моделирование, интерпретация. *Результаты.* Несмотря на большое количество работ, посвященных проблеме внедрения в образование приемов и методов геймификации, единого мнения по поводу содержания этого понятия так пока и не достигнуто. В статье прослеживается трансформация взглядов на этот педагогический феномен: внедрение разного рода игр в образовательный процесс; отождествление геймификации с компьютерными играми; использование игровых механик в неигровом контексте. Соответственно, неоднозначны и представления о месте геймификации в учебном процессе. Сторонники видят в ней «прорывную технологию» цифровой эпохи и эффективное средство формирования мотивации обучающихся; противники слишком широкого ее внедрения считают, что игры могут быть отвлекающим фактором и ориентировать не на познание, а только на развлечение. В научной литературе большая часть авторов рассуждает исключительно об общей полезности геймификации для повышения уровня мотивации обучающихся, однако описаний конкретных способов ее внедрения имеется крайне мало. Причины кроются в наличии ряда сложностей, к числу которых прежде всего относятся: 1) повышенная трудоемкость создания геймифицированных сценариев; 2) необходимость разработки вариантов сценариев, учитывающих мотивы, потребности и возможности обучающихся; 3) актуальность игровых методов только для некоторых видов занятий.

ВВЕДЕНИЕ

Многие авторы научных работ, оценивая современную педагогическую практику, сетуют на ухудшение качества образования, снижение мотивации к обучению не только у школьников, но и у студентов [1], причем эта проблема рассматривается как глобальная и имеющая лавинообразный характер [2, с. 108]. Среди

причин ее возникновения наиболее часто называются две. Во-первых, речь идет об особенностях психологии поколения зуммеров, плохо воспринимающих однообразный учебный процесс [3]. И, во-вторых, указывают на увеличение доли самостоятельной работы и снижение количества аудиторных занятий. Последнее обстоятельство приводит к повышению нагрузки на обучающихся

Tatyana V. ANISIMOVA,
 Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041
 Saint Petersburg University of the Ministry
 of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
 Professor of the Department of Socio-Economic
 and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch
 atvritor@yandex.ru

GAMIFICATION IN LEARNING: BOUNDARIES AND WAYS TO USE IT

KEYWORDS. Gamification, extrinsic and intrinsic learner motivation, game mechanics, game technologies, game scenarios, educational technologies.

ANNOTATION. Introduction. The article presents an analytical review of current scientific works in the field of gamification of education. The aim of the study conducted by the author was to identify interpretation options for the concept under consideration and trends in the use of the corresponding term. The results of the analysis are intended to deepen the theoretical understanding of the role of gamification in the educational process, clarify the understanding of its essence and purpose, and identify the boundaries of its optimal use. **Methods.** A set of methods traditional for such studies was used: comparative and taxonomic analysis, abstraction, modeling, interpretation. **Results.** Despite the large number of works devoted to the problem of introducing gamification techniques and methods into education, a consensus on the content of this concept has not yet been reached. The article traces the transformation of views on this pedagogical phenomenon: the introduction of any games into the educational process; identification of gamification with computer games; the use of game mechanics in a non-game context. Accordingly, ideas about the place of gamification in the educational process are also ambiguous. Supporters see it as a «breakthrough technology» of the digital age and an effective means of motivating students; opponents of its widespread implementation believe that games can be a distraction and focus solely on entertainment rather than learning. In the scientific literature, most authors discuss only the general usefulness of gamification for increasing learner motivation, but there are very few descriptions of specific methods for its implementation. The reasons for this lie in a number of difficulties, primarily: 1) the increased labor intensity of creating gamified scenarios; 2) the need to develop scenario variants that take into account the motives, needs, and capabilities of learners; 3) the relevance of game-based methods only for certain types of activities.

ся, вынужденных осваивать всё больший объем научной информации за более короткое время [4]. Снижение уровня их мотивации к освоению необходимой для будущей работы информации требует от ученых переосмысления традиционных форм и методов образования, а также изыскания специальных методик для решения этой проблемы. В качестве одного из главных инструментов достижения указанной цели многие ученые предлагают геймификацию учебного процесса. Считается, что данная педагогическая технология учитывает потребности и интересы обучающихся и способствует существенному повышению их вовлеченности в процесс получения знаний. Однако проведенный нами анализ научных работ позволил установить, что, несмотря на многочисленные положительные оценки результатов внедрения игровых методик и популярность термина, единого понимания сущности геймификации и форм ее использования до сих пор не выработано.

В статье представлен аналитический обзор актуальных научных работ в области геймификации образования. Целью нашего исследования было выявление вариантов толкования рассматриваемого понятия и тенденций использования соответствующего термина. Результаты анализа призваны уточнить и углубить теоретическое понимание сущности и назначения геймификации, ее роли в образовательном процессе, а также выявить границы ее оптимального применения.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. На первом этапе работы был

востребован метод анализа. С его помощью рассматривались описанные в литературе подходы к трактовке понятия «геймификация». Далее возникла необходимость в использовании сопоставительного и таксономического анализа выявленных точек зрения. Абстрагирование позволило изучить объект исследования на уровне его сущностных свойств и отношений. На втором этапе применялись интерпретация и моделирование: они помогли систематизировать установленные факты для последующего их толкования и выработки рекомендаций по внедрению игровых методик в педагогическую практику.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изобретение термина «геймификация», как правило, связывают с именем британского программиста Ника Пеллинга: именно он в 2002 году, рассуждая о возможностях внедрения игровых элементов в решение бизнес-задач, впервые использовал это слово. Однако с тех пор его значение претерпело много существенных изменений. Сам Пеллинг понимал под геймификацией применение сценариев компьютерных игр за пределами виртуальной реальности (в различных сферах жизни, в том числе и в учебном процессе). В дальнейшем значение термина было уточнено за счет разработки наиболее важных для него ключевых элементов. Геймификацией стали называть внедрение игр в процессе обучения. Этот этап эволюции рассматриваемой нами педагогической технологии породил как конструктивные варианты учебных игр (ролевые, деловые), так и деструктивные (развлекательные, не связанные напрямую (или связанные лишь косвенно) с темой занятия,

но отнимающие много времени¹). В связи с этим оказалась особенно актуальной необходимость «предварительного ознакомления преподавателя с методическими особенностями и дидактическим потенциалом применения игровых образовательных технологий и практик» [5, с. 51], поскольку при несоблюдении этого требования велика вероятность замещения основной образовательной цели игровой целью (игра ради игры).

На следующем этапе весьма популярным стало рассмотрение геймификации в качестве «способа организации образовательной или профессиональной деятельности с помощью игровых технологий, в том числе – на основе компьютерных игр» [6, с. 15]. Добавление в определение отсылки к компьютерным играм способствовало отождествлению геймификации с их использованием в процессе обучения. Этот подход оказался особенно стойким, и его приверженцы есть и сейчас.

Однако со временем было установлено, что в наибольшей степени для исследуемой нами педагогической технологии подходит определение, предложенное в 2014 году профессором права и бизнес-этики Пенсильванского университета (США) Квином Вербахом: «использование игровых элементов и игровых механик в неигровом контексте». Таким образом, под геймификацией понимается не собственно игра (в том числе и компьютерная), а организация образовательного процесса с использованием игровых элементов (накопление очков, получение бейджей, создание аватаров, участие в рейтингах, приобретение статусов, прохождение уровней и т.п.) для усиления вовлеченности обучающихся в работу и формирования у них целевого поведения. Главной характеристикой учебной геймификации теперь считается ее неимитационный характер, а главным назначением – придание образовательному процессу игровой формы для повышения активности и мотивированности обучающихся.

С учетом метаигровых элементов геймификация – «это методология использования приемов игрового мышления с целью корректировки человеческого поведения за счет создания благоприятного эмоционального фона» [7, с. 27]. Задача этого педагогического инструмента состоит в формировании мотивации обучающихся на успешное освоение изучаемого предмета и активизации их работы на занятиях с помощью превращения обычной деятельности в игру. «В области образования игровое мышление означает решение проблем с помощью игровых концепций, рассмотрение того, как можно мотивировать обучающихся, создавая интересные условия обучения» [8, с. 160]. Таким образом, когда говорят о геймификации, речь идет о трансформации деятельности человека, которую он в любом случае должен выполнить, с целью повышении ее привлекательности для достижения более высоких результатов и получения удовольствия от ее выполнения.

В связи с этим из понятия «геймификация» удалены все остальные игровые формы. Так, в автономную категорию выделен «эдьютеймент» – обучение через развлечение (интерактивные музеи и интерактории, виртуальные туры по музеям и выставкам и т.п.). Отдельно рассматривается «игрофикация» – использование обучающих игр или игровых задач (викторин), предназначенных для самостоятельного освоения учебных предметов и проверки знаний. В качестве примеров обычно называются игры «Миссия Прайм», разработанная Университетом Оклахомы для изучения математики, «CodeCombat», помогающая учиться программированию, и т.п., а также образовательные платформы «GamEffective», «Axonify», «mLevel», «CallidusCloud», «Litmos» и др. Не относятся к геймификации разнообразные учебные тренажеры и симуляторы, предназначенные для выработки навыков будущей профессиональной деятельности: прежде, чем человек начнет водить машину или самолет, делать медицинскую операцию или лечить зубы, он должен потренироваться на соответствующем симуляторе, чтобы получить первые навыки.

Несмотря на обилие научных работ, посвященных геймификации, во мнениях, высказываемых по поводу данной педагогической технологии, всё еще сохраняется много разногласий. Чаще всего ее по-прежнему продолжают отождествлять с использованием компьютерных игр [9], включая те, которые погружают пользователя в виртуальную реальность. Например, И.О. Таланова и Т.Г. Волкова [10] относят к числу программ геймифицированного интерактивного образования приложение, позволяющее рисовать формулы органических соединений («MolPrime+»); приложение, работающее с трехмерными моделями различных веществ, с возможностями нескольких режимов визуализации («Molecules»); мобильное приложение, позволяющее имитировать лабораторные химические эксперименты с реалистичными визуальными эффектами («Unreal Chemist - Chemistry Lab») и ряд других. Однако во всех этих случаях речь идет только о визуализации, но не об игре. Еще дальше от современного научного понимания геймификации находится отождествление ее с дебатами [11], деловыми играми на площадке чат-ботов [12] и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что разнообразие подходов к трактовке рассматриваемого нами феномена достаточно велико. На одном полюсе располагается взгляд на геймификацию как на проведение простой офлайн викторины, предлагаемой с целью облегчения усвоения новой информации [13, с. 308]: участники разбиваются на команды, каждая из них придумывает вопросы по заданной теме, затем по очереди задают их, и тот, кто дал наибольшее количество правильных ответов, получает награду. На другом полюсе представлен подробный анализ игровых техноло-

¹ Например, в начале занятия, посвященного изучению приемов манипуляции, «играющие разбиваются на пары и по команде ведущего должны быстро соприкоснуться названными ведущим частями тела: левыми руками, спинами, пятками, большими пальцами, коленями, кулаками и т.п.» (URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/trening-dlja-vzroslyh-po-zaschite-psihologicheskix-granic-ot-manipuljicii.html>). Считается, что это помогает снять психоэмоциональное напряжение игроков.

гий – «научно обоснованных систем взаимосвязанных действий, операций, а также форм, методов, приемов и средств по отбору, комбинированию, разработке, организации и применению конкретных игровых моделей и их элементов, игровых практик» [14, с. 42]. В этом случае к геймификации относится только игровое оформление неигрового контента с помощью соответствующих элементов (очки, бейджи, награды и т.п.) и игровых механик (обратная связь, уровни сложности, соревнования и т.п.). Сама же она рассматривается не как полноценная образовательная технология, а как вспомогательная технология реинжиниринга [14, с. 45].

В таком понимании геймификация может применяться не только как технология организации учебного материала по конкретному предмету, но и для организации самого процесса обучения в образовательной организации в целом. В этом случае она призвана решать долгосрочные задачи, направленные на формирование у обучающихся новых взглядов, привычек, поведенческих моделей и т.д. [15]. В качестве примера рассмотрим внутреннюю политику, проводимую в Школе ТОП г. Калининграда. Здесь имеет хождение своя квазивалюта – топ-койны. Чтобы их заработать, необходимо хорошо учиться, принимать участие в мероприятиях, проводимых школой, и т.п. Кроме того, топ-койны начисляются за действия, формирующие имидж школы. К таковым относятся: размещение содержательного положительного отзыва о школе в соцсетях; подготовка репортажа о походе класса на экскурсию для сайта школы и соцсетей; приглашение в школу нового ученика; участие в топ-конкурсе и др. В конце года за накопленные топ-койны можно приобрести полезные товары в топ-магазине: флешку, рюкзак, наушники, набор фломастеров и т.д. Чтобы реализовать свою политику, руководители школы сначала сформулировали цель: укрепление имиджа образовательной организации, забота о ее развитии. Затем определили, какое поведение обучающихся будет способствовать достижению этой цели. Далее было произведено ранжирование требуемых действий по значимости, и на этой основе каждому из них была присвоена «цена». Важным положительным элементом данной политики является учет интересов обучающихся, выбор таких действий и мероприятий, которые способствуют сплочению коллектива, мотивируют вовлечение детей в позитивную совместную деятельность, превращают унылую повседневность в запоминающееся событие. Вот пример воплощения этой политики:

Пятница 24 октября станет по-настоящему волшебным днем в нашей школе! Объявляем день маскарада! Мы приглашаем всех ребят в школу в самых интересных и сказочных костюмах! Это может быть ваш любимый супергерой, персонаж из книги или фильма, сказочное существо или что-то совершенно уникальное. Главный приз за самый лучший костюм в каждом классе – целых 100 топ-койнов. Оценивать творчество и старание наших ребят будет справедливое жюри в лице классных руководителей и представителей учебной части. Ждем в этот день абсолютно всех в костюмах! Пусть пятница будет яркой, веселой и незабываемой! Всем прекрасного дня и вдохновения!

Отметим, что с различиями в понимании учебными сути и назначения геймификации связаны ее общая оценка и место, которое отводится ей в образовательном процессе. Сторонники широкого внедрения в обучение игровых технологий видят в них, как правило, только положительные стороны и считают их панацеей от всех проблем [16, с. 180]. В качестве примера обычно приводят нью-йоркскую школу «Quest to Learn», где вместо обязательных домашних заданий предлагаются миссии. Учащиеся должны сами сформулировать их и самостоятельно найти способ их исполнения. Отсутствие элементов принуждения и оформление обучения в виде квеста существенно повышает мотивированность на достижение результата. Однако у нас зачастую всё сводится к созданию кроссвордов, sudoku и игре «Миллионер», «которые используют данные глоссария и банка вопросов учебного курса» [17, с. 60]. И это, конечно, не дает такого эффекта, как в представленном выше примере.

В связи с этим считаем нецелесообразным введение в дефиницию положительно-оценочных компонентов, когда геймификацию определяют как «интеграцию элементов игры, игровых технологий и игрового дизайна в процесс обучения, которая способствует качественному изменению способа организации учебного процесса и приводит к повышению уровня мотивации, вовлеченности обучающихся, активизации их внимания и концентрации при решении учебных задач» [18, с. 137]. Первая часть этого определения описывает суть рассматриваемой технологии. Вместе с тем, приведет ли ее использование к «качественному изменению организации учебного процесса» и «повышению уровня мотивации» обучающихся, зависит исключительно от профессионального мастерства педагога, поэтому подобные утверждения в дефиниции должны быть оценены как софизм «предвосхищение основания».

Противники чрезмерного внедрения геймификации в учебный процесс указывают на то, что большое количество игровых элементов, используемых в преподавании, может стать отвлекающим фактором и ориентировать обучающихся только на развлечение. В такой ситуации образовательная функция утрачивает свою первостепенную важность, что не способствует полноценному усвоению учебного материала [19, 20]. Вызывают опасение преподавателей и риски, связанные с негативным влиянием игр на подростков, которое выражается в ухудшении социальных навыков, снижении уровня концентрации внимания обучающихся, повышении опасности привыкания к играм и др. В некоторых научных работах геймификация прямо называется манипулятивной технологией [21, с. 176]. Кроме того, слишком прямолнейное использование геймификации «направлено исключительно на внешнюю мотивацию, основным фактором которой является вознаграждение, а не на внутреннюю, заключающуюся в свободном выборе и получении удовольствия от самой деятельности» [22, с. 119].

Разница в восприятии степени полезности игровых технологий отражается и на оценке кон-

кретных продуктов, в которых они внедрены. Так, Н.В. Симонова, отмечая исключительно достоинства образовательной платформы «Uchi.ru», полагает, что размещенные на ней задания «развивают логическое мышление, память и способность решать нестандартные учебные задания», помогают развитию коммуникативных навыков и даже формированию умения работать в коллективе [16, с. 180]. Нам трудно судить обо всех заданиях, выложенных на данной платформе, однако то, что является содержанием страниц, отведенных русскому языку и литературе, далеко не в полной мере соответствует приведенным выше оценкам. Разумеется, в целом игровое оформление заданий может способствовать повышению интереса обучающихся к предмету. Однако нередко стремление к использованию игровой формы оборачивается тем, что материал заданий имеет случайный характер (не направлен на выработку основных для изучаемой темы навыков), формулировки оказываются неконкретными или даже вводят адресата в заблуждение.

Анализ научной литературы, посвященной геймификации, позволил выявить весьма важную тенденцию. Большая часть авторов рассуждает только о теоретической значимости внедрения игр в образовательный процесс. Пишут о большой популярности этого подхода к организации обучения, об уникальных возможностях для повышения мотивации и вовлеченности не только школьников, но и студентов, которые он обеспечивает, а также об эффективности результатов. При этом здесь, как и в случае со многими другими вопросами современной педагогики, сторонники непрямого внедрения разнообразных инноваций (проектно-ориентированного обучения, видео-конференций, интерактивных досок и панелей, виртуальных экскурсий и т.п.) полагают, что сам факт их использования повышает эффективность и доступность образования, делает его более гибким и адаптированным к изменениям в социальной среде, способствует развитию критического мышления, творческого потенциала, практических навыков, повышению уровня вовлеченности обучающихся и т.п. Вместе с тем следует прежде всего иметь в виду, что инновационные технологии являются лишь инструментами в руках педагога. Степень их эффективности целиком зависит от квалификации и творческого потенциала преподавателя.

С другой стороны, в научной литературе крайне мало описаний конкретных способов внедрения игровых приемов в процесс обучения. Как только об этом заходит речь, появляются перечни сервисов и платформ, предлагающих программные средства, соответствующие идее геймификации. Например, Н.Л. Караваев и Е.В. Соболева дают такое описание: «В группе игровых платформ представлены Classcraft, MinecraftEdu и DuoLingo. Группа образовательных квестов включает Scratch, Quandary и Ribbon Hero. Среди сервисов, используемых для геймификации управления обучением, показаны ClassDojo, Goalbook, Coursera и Brainscape» [23]. Понятно, что далеко не каждый из этих ресурсов доступен рядовому

пользователю, поскольку почти все они платные. Во многих вузах всё еще пользуются устаревшими компьютерами, с которых невозможно зайти на перечисленные платформы. Кроме того, преподавателям-гуманитариям непросто освоить представленные на них технологии, поскольку не везде есть понятные для неспециалиста инструкции, объясняющие формы интеграции предлагаемого контента в учебный план. В свою очередь, ресурсы, которые доступны, оказываются совсем не так эффективны, как это описывается в научной литературе.

Фантастично, к примеру, выглядят утверждения о том, что платформа «Uchi.ru» способствует индивидуализации учебного процесса, поскольку выполнение размещенных там заданий можно подстроить под интересы и возможности конкретного ученика, создав гибкую образовательную траекторию [16, с. 180]. Однако о какой индивидуализации в наших условиях может идти речь, если всему классу дают задание выполнить одни и те же упражнения? При этом сам ученик не имеет возможности ни выбрать упражнения по темам, которые он плохо понял, ни выполнить дополнительные задания по предложенной учителем теме. Н.В. Симонова полагает, что для реализации индивидуального подхода следует разработать для каждого ученика «оценочную, и балльно-рейтинговую систему, способную учитывать достижение всех целей и задач занятий» [16, с. 180]. Это пожелание могло бы стать весьма полезным, но заниматься такой разработкой, скорее всего, должен искусственный интеллект на основе анализа результатов выполнения предыдущих заданий. В нынешней же ситуации с учетом степени загруженности учителя и количества детей в классе оно представляется совершенно не реалистичным.

Как представляется, следует говорить о том, что все такого рода платформы дают наибольший эффект в случае дистанционного обучения (в том числе на онлайн-курсах). Здесь отсутствие прямого контакта с преподавателем может быть с успехом компенсировано разнообразными игровыми элементами. Так, положительный пример геймификации образования, организованного в дистанционном формате, демонстрируют курсы по изучению иностранных языков на платформе «Duolingo», где за достижения присваиваются очки опыта и награды (в виде виртуальных алмазов, рейтинговых баллов), а для налаживания контактов с другими обучающимися предлагается поучаствовать в дружеских забегах и соревнованиях. Важной частью процесса обучения является наличие обратной связи, когда каждый слушатель курсов после выполнения задания сразу же получает оценки (*Отлично! Так держать! Вы завершили этот урок без ошибок!* и т.п.) и мотивирующие предложения на будущее (*Пройдите еще 8 уроков, чтобы вступить в состязание! Освежите в памяти этот уровень и получите награду! Пройдите это суперсложное задание, чтобы выйти на Легендарный уровень!* и т.п.).

Весьма поверхностно в научной литературе описаны методики использования геймификации непосредственно в образовательном процессе

школы или вуза. Каких-либо внятных рекомендаций на эту тему обнаружить не удалось. А ведь именно этот аспект является наиболее актуальным и востребованным практиками. Как уйти в обучении от рутины, придав ему эффективности? Как сделать получение школьниками и студентами знаний более мотивированным? Как изменить их восприятие учебы, представить ее не как скучную обязанность, а как игру, доставляющую удовольствие?

В качестве ответов на эти вопросы предлагается общее описание игровой методики («пирамиды геймификации»), состоящей из динамики, механики и компонентов. Динамика – это общая концепция игры, замысел, устанавливающий логику всего процесса; механики представлены действиями, которые заложены в игру; компонентами являются элементы, с помощью которых реализуются механики. Так, например, назначение механики «Достижения» состоит в укреплении мотивации к обучению путем представления возможности отслеживать свой прогресс в учебе и переходить на новые образовательные уровни. Ключевыми компонентами этой механики выступают система начисления баллов и шкала прогресса. Эффективность применения данных компонентов зависит от степени их конкретности и наглядности. Основная сложность заключается в том, что положительную мотивацию получают только победители. Если же человек всё время проигрывает, уровень его мотивации неуклонно снижается. В связи с этим использование рассматриваемой механики должно не только предусматривать возможность оценки достижений по разным критериям, но и акцентировать внимание на степени продвижения каждого конкретного обучающегося (без сопоставления с другими). Еще один пример – механика «Планирование». Она требуется, когда задания распределяются во времени и должны выполняться в определенной последовательности и к определенному сроку. Компонентами этой механики являются карты процессов, дедлайны, награды за опережающее выполнение заданий, обратный отсчет и т.п. Здесь основная задача состоит в правильной организации образовательного процесса: соблюдение дедлайнов помогает структурировать обучение и добиваться равномерного выполнения заданий в течение семестра, а использование обратного отсчета стимулирует к своевременной сдаче результатов учебной работы, создает ощущение срочности. Здесь затруднения возникают тогда, когда студент перегружен или не испытывает интереса к предмету, в связи с чем он игнорирует все дедлайны и откладывает выполнение заданий.

Таким образом, с одной стороны, очевидно, что на теоретическом уровне имеет место общее восхваление и признание эффективности внедрения геймификации в образовательный процесс и школы, и вуза. Однако, с другой стороны, можно констатировать весьма скудное и фрагментарное описание реального опыта внедрения этой педагогической технологии в практику обучения,

причем далеко не весь такой опыт заслуживает положительной оценки. Выявленное нами противоречие обусловлено вполне объективными причинами:

1. Внедрение геймифицированных технологий зачастую требует от преподавателя наличия таланта для изобретения интересных игровых ходов. Это касается прежде всего тех ситуаций, когда предлагаются сюжетные истории. Если игровые элементы искусственно пристраиваются к обычным заданиям, никакого позитивного эффекта не возникает. Вот, например, задание с платформы «Uchi.ru», где суррогат истории не имеет никакого отношения к заданию и не способствует более прочному усвоению знаний: *Маша и Витя пошли гулять и заблудились. Выполни задание, чтобы помочь им вернуться домой. Задание: найди корни в словах садовник, сварщик, крановщица, учительница, велосипедист, квартирант.* И еще один подобного рода пример: «Ученикам начальной школы предлагается принять участие в виртуальных космических сражениях, выполняя при этом за лимитированный промежуток времени серии учебных заданий по математике и русскому языку» [24, с. 29].

Эффективная история обязательно должна:

1) быть напрямую связанной не только с учебным предметом, но и с изучаемой темой; 2) представлять реальную проблему, требующую решения; 3) облегчать усвоение предмета. В качестве примера выполнения всех этих требований приведем истории по «трудовому праву»¹:

1) *На острове Буяне случилось такое чудо. Из воды вышли 33 богатыря во главе с дядькой Черномором и предложили князю Гвидону свои услуги по охране границ государства. Князь дал задание придворному юристу выяснить, каким договором (трудовым или гражданско-правовым) следует урегулировать отношения между княжеской администрацией и богатырями. Надо ли богатырям обращаться в компетентные органы для получения лицензии на осуществление охранной деятельности?*

2) *Работник Балда, заключив трудовой договор с религиозным служащим, потребовал в качестве платы за свои услуги право дать работодателю три целбана. Можно ли данное условие договора считать действительным?*

2. Полноценное внедрение в образовательный процесс геймифицированных методик требует существенного переосмысления взаимоотношений преподавателей и обучающихся, а также выстраивания новой модели мотивации последних на освоение знаний, изыскания новых способов оценки достижений и способов их поощрения. Педагог для реализации такого рода методики должен приложить гораздо большие, чем обычно, усилия к подготовке к занятиям. Справиться с этим в условиях катастрофической перегруженности для преподавателей всех уровней, как правило, оказывается не под силу. Кроме того, многим из них не хватает знаний и навыков, необходимых для решения всех возникающих попутно проблем. Наконец, внедрение рассматриваемой технологии невозможно без наличия у преподавателя разви-

¹ Анисимов А.П., Мельниченко Р.Г. Забавные учебные задачи по правовым дисциплинам: Учебно-методическое пособие. М., 2006. С. 17-18.

того воображения, артистизма и большого энтузиазма: осуществляемое по настоянию начальников (из-под палки) оно не принесет ожидаемой пользы, превратится в формальность.

3. Использовать геймифицированные задания целесообразно лишь после тщательной проработки особенностей обучающихся: их мотивов, потребностей, возможностей. Если этого не сделать, положительного эффекта не будет даже в том случае, когда все игровые элементы подготовлены вполне качественно. Например, чем выше интеллектуальный уровень обучающихся, тем в меньшей степени их внутренняя мотивация зависит от наличия игровых элементов. И это обстоятельство обязательно должно быть учтено при разработке заданий. Кроме того, повысить мотивацию к изучению того или иного учебного предмета не получится, когда обучающиеся не понимают в целом важности и необходимости его изучения. Если, к примеру, предмет «Социология» кажется будущим медикам совершенно бесполезным, никакая геймификация не способна изменить их отношение.

4. Далеко не для всех занятий игровые формы являются безусловно актуальными. Они предназначены для использования тогда, когда от человека требуется многократное повторение рутинных однотипных действий (выработка навыков), вызывающее снижение уровня внутренней мотивации. Например, это может быть решение математических задач, выполнение упражнений по редактированию текста, заучивание иностранных слов и т.п. [25]. В таких случаях внедрение игровых форм помогает сделать работу обучающегося менее утомительной. Аналогичную функцию они имеют и при организации повторения, а также при проведении контрольных и проверочных испытаний. Иногда в рамках изучения сложных тем хороший результат дает использование квестов. Во всех других учебных ситуациях геймификация может быть использована только очень ограниченно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На всех этапах эволюции представлений о сущности и назначении геймификации под таковой понималось именно использование игровых механизмов в неигровых целях. Однако конкретные формы реализации данной педагогической технологии со временем претерпевали существенные

изменения. Основными задачами геймификации считаются: 1) вовлечение обучающихся в процесс получения знаний, формирование у них интереса к учебному предмету; 2) превращение обучения в увлекательное занятие; 3) повышение внутренней мотивации обучающихся к учебе в целом, активизация их собственной образовательной деятельности, выработка у них уверенности в себе.

На вопрос о том, нужно ли внедрять геймификацию в процесс обучения, необходимо ответить вполне тривиально: все методы хороши, кроме скучных, но они дают положительные результаты только в том случае, когда используются профессионально, творчески и осознанно. Если же геймификация воспринимается как панацея от всех проблем, имеющихся в нашем образовании, или хотя бы как «прорывная технология» цифровой эпохи и эффективное средство для формирования мотивации любых обучающихся, всё это следует квалифицировать как утопию, поскольку никакой метод сам по себе, «без труда и без науки» не может способствовать росту уровня заинтересованности студентов и школьников в получении знаний. Никакое игровое оформление не способно сделать скучный и трудный предмет интересным: можно лишь немного скрасить процесс получения тех или иных навыков, чуть повысить степень мотивированности (причем она полностью зависит от степени мастерства педагога).

Геймификация является инструментом для решения важных образовательных задач, а не самоцелью. Из того, что она в идеале могла бы решить некоторые организационные образовательные задачи, не следует, что нужно поощрять любые ее формы только потому, что это модно и одобряется начальством. Основное назначение геймификации состоит в повышении уровня управляемости учебного поведения обучающихся. При этом принести реальную пользу могут лишь те формы, которые наполнены научно обоснованным содержанием: задания интересно сформулированы, грамотно подобраны и правильно ранжированы. Если же викторины и кроссворды содержат примитивные или туманно сформулированные вопросы, а задания, направленные на отработку навыков, однотипны и малоинформативны, такую игру не спасет никакое красочное оформление и наличие нематериальных призов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
2. Корнилов Ю.В. Применение значков в LMS MOODLE как элемент геймификации в смешанном обучении // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 108-112.
3. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.
4. Ковшикова Е.В. Традиции и новации в образовательном процессе современного учреждения высшего образования: комплексный анализ // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: материалы Международной межвузовской научно-методической конференции. СПб, Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. С. 129-133.
5. Аникеева О.А., Сизикова В.В., Фомина С.Н. Игровые технологии в профессиональном обучении специалистов социальной сферы: специфика, потенциал, алгоритм организации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 48-54.

6. Гаврилова И.В. Геймификация как средство повышения эффективности онлайн-курсов // Образование и проблемы развития общества. 2018. № 1 (5). С. 14-23.
7. Ветушинский А.С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. № 32 (3). С. 14-31.
8. Буракова И.С. Геймификация образовательного процесса как инструмент повышения мотивации обучающихся // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 160-162.
9. Овчинников В.М. Геймификация и визуализированный контент на уроках истории // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2021. № 2 (10). С. 29-40.
10. Таланова И.О., Волкова Т.Г. Возможности использования виртуальной и дополненной реальности в химическом образовательном процессе // Российский университет в неустойчивом мире: глобальные вызовы и национальные ответы: Материалы национальной научно-практической конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. Ч. 1. С. 127-132.
11. Волкова Т.Г., Таланова И.О., Кузьмина З.А. Урок-дебаты «Пластмассы: за и против» // Химия в школе. 2021. № 10. С. 18-21.
12. Смирнова А.А., Смирнова Н.А. Геймификация в образовательном процессе: технология «деловой игры», построенной с применением чат-ботов // Актуальные технологии преподавания в высшей школе: материалы научно-методической конференции. Кострома: Костромской государственный университет, 2021. С. 159-163.
13. Аникина О.В. Геймификация производственно-технического обучения // Научные исследования и инновации. 2021. № 4. С. 306-311.
14. Рудинский И.Д., Бусель С.В. Игровые образовательные технологии и практики: предпосылки и особенности применения // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 1 (97). С. 39-61.
15. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере совершенствования взаимодействия участников образовательного процесса: криминологический взгляд // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 65-73.
16. Симонова Н.В. Цифровизация и геймификация образования: взаимосвязь, вызовы и перспективы // Цифровые, компьютерные и информационные технологии в науке и образовании: Сборник статей межрегиональной научно-практической конференции. Брянск: Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, 2025. С. 177-182.
17. Титова В.Н., Орлова О.В. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 60-63.
18. Титова С.В., Черкизова К.В. Геймификация в обучении иностранным языкам: психолого-дидактический и методический потенциал // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 135-152.
19. Ульяновская Е.В. Деловые игры на примере обучения государственных и муниципальных служащих в Западном филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 189-191.
20. Шиндряева И.В., Ковшикова Е.В., Секретева А.В. Интерактивная технология «коммуникативные поединки» как эффективное средство формирования коммуникативной компетенции в образовательном процессе высшей школы // ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30). С. 484-493.
21. Сартакова Е.Е. Проблемы развития теории геймификации в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 168-187.
22. Акчелов Е.О., Галанина Е.В. Новый подход к геймификации в образовании // Векторы расчета: экономика и социум. 2019. № 1. С. 117-132.
23. Караваев Н.Л., Соболева Е.В. Анализ программных сервисов и платформ, обладающих потенциалом для геймификации обучения // Концепт. 2017. № 8. С. 14-25.
24. Хохрякова Ю.М. Возможности геймификации учебной деятельности студентов вузов // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 27-37.
25. Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.

REFERENCES

1. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.
2. Kornilov Yu.V. Primneneniye znachkov v LMS MOODLE kak element geymifikatsii v smeshannom obuchenii // Baltiyskiy humanitarnyy zhurnal. 2020. T. 9. № 3 (32). S. 108-112.
3. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
4. Kovshikova Ye.V. Traditsii i novatsii v obrazovatel'nom protsesse sovremennogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya: kompleksnyy analiz // Innovatsionnyye tekhnologii v pedagogike vysshey shkoly: materialy Mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. SPb, Petergof: Voyennyi institut (zheleznodorozhnykh voysk i voyennykh soobshcheniy), 2024. S. 129-133.

5. Anikeyeva O.A., Sizikova V.V., Fomina S.N. Igrovyye tekhnologii v professional'nom obuchenii spetsialistov sotsial'noy sfery: spetsifika, potentsial, algoritm organizatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki. 2018. № 4 (52). S. 48-54.
6. Gavrilova I.V. Geymifikatsiya kak sredstvo povysheniya effektivnosti onlayn-kursov // Obrazovaniye i problemy razvitiya obshchestva. 2018. № 1 (5). S. 14-23.
7. Vetushinskiy A.S. Bol'she, chem prosto sredstvo: novyy podkhod k ponimaniyu geymifikatsii // Sotsiologiya vlasti. 2020. № 32 (3). S. 14-31.
8. Burakova I.S. Geymifikatsiya obrazovatel'nogo protsessa kak instrument povysheniya motivatsii obuchayushchikhsya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 3 (100). S. 160-162.
9. Ovchinnikov V.M. Geymifikatsiya i vizualizirovanny kontent na urokakh istorii // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kaliningradskiy vestnik obrazovaniya». 2021. № 2 (10). S. 29-40.
10. Talanova I.O., Volkova T.G. Vozmozhnosti ispol'zovaniya virtual'noy i dopolnennoy real'nosti v khimicheskoy obrazovatel'noy protsesse // Rossiyskiy universitet v neustoychivom mire: global'nyye vyzovy i natsional'nyye otvety: Materialy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. Ch. 1. S. 127-132.
11. Volkova T.G., Talanova I.O., Kuz'mina Z.A. Urok-debaty «Plastmassy: za i protiv» // Khimiya v shkole. 2021. № 10. S. 18-21.
12. Smirnova A.A., Smirnova N.A. Geymifikatsiya v obrazovatel'noy protsesse: tekhnologiya «delovoy igry», postroyennoy s primeneniym chat-botov // Aktual'nyye tekhnologii prepodavaniya v vysshey shkole: materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii. Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 159-163.
13. Anikina O.V. Geymifikatsiya proizvodstvenno-tekhnicheskogo obucheniya // Nauchnyye issledovaniya i innovatsii. 2021. № 4. S. 306-311.
14. Rudinskiy I.D., Busel' S.V. Igrovyye obrazovatel'nyye tekhnologii i praktiki: predposylki i osobennosti primeneniya // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2024. T. 1. № 1 (97). S. 39-61.
15. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere sovershenstvovaniya vzaimodeystviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: kriminologicheskii vzglyad // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. T. 1. № 4. S. 65-73.
16. Simonova N.V. Tsifrovizatsiya i geymifikatsiya obrazovaniya: vzaimosvyaz', vyzovy i perspektivy // Tsifrovyye, komp'yuternyye i informatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii: Sbornik statey mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet im. I.G. Petrovskogo, 2025. S. 177-182.
17. Titova V.N., Orlova O.V. Geymifikatsiya kak sposob organizatsii obucheniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 9 (162). S. 60-63.
18. Titova S.V., Cherkizova K.V. Geymifikatsiya v obuchenii inostrannym yazykam: psikhologo-didakticheskiy i metodicheskiy potentsial // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2019. № 1. S. 135-152.
19. Ul'yanovskaya Ye.V. Delovyye igry na primere obucheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v Zapadnom filiale Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy federatsii // Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. 2020. № 25-1. S. 189-191.
20. Shindryayeva I.V., Kovshikova Ye.V., Sekreteva A.V. Interaktivnaya tekhnologiya «kommunikativnyye poyedinki» kak effektivnoye sredstvo formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii v obrazovatel'noy protsesse vysshey shkoly // TSITISE. 2021. № 4 (30). S. 484-493.
21. Sartakova Ye.Ye. Problemy razvitiya teorii geymifikatsii v Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 2. S. 168-187.
22. Akchelov Ye.O., Galanina Ye.V. Novyy podkhod k geymifikatsii v obrazovanii // Vektory rascheta: ekonomika i sotsium. 2019. № 1. S. 117-132.
23. Karavayev N.L., Soboleva Ye.V. Analiz programmnykh servisov i platform, obladayushchikh potentsialom dlya geymifikatsii obucheniya // Kontsept. 2017. № 8. S. 14-25.
24. Khokhryakova YU.M. Vozmozhnosti geymifikatsii uchebnoy deyatel'nosti studentov vuzov // Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya. 2021. № 5. S. 27-37.
25. Alekseyeva A.P. Professional'nyy sportsmen kak zhertva prestupnykh posyagatel'stv // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2008. № 2 (7). S. 37-44.

© Анисимова Т.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В. Геймификация в обучении: границы и способы использования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 96-104.

Елена Витальевна УЛЬЯНОВСКАЯ,
кандидат исторических наук, ORCID 0009-0009-0103-4310
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных
дисциплин Калининградского филиала
AlbaBaffo@yandex.ru

Сергей Леонидович НИКОНОВИЧ,
доктор юридических наук, доцент
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)
заведующий кафедрой уголовного процесса
trapezunt@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147:94(47+57)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕПОДАВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. История России, история государства и права, история органов внутренних дел, методика преподавания исторических дисциплин, историческое просвещение, Концепция преподавания истории России, патриотическое воспитание.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Российская Федерация, будучи современным суверенным государством, систематически совершенствует стандарты высшего профессионального образования в целом и в сфере преподавания исторических дисциплин в частности. Особенно актуально это в условиях сложившейся в настоящее время напряженной геополитической обстановки, предопределяющих важность формирования у обучающихся твердой гражданской позиции. В статье представлены результаты исследования изменений требований, которые предъявляются к преподаванию исторических дисциплин в юридических вузах. При этом внимание прежде всего обращается на патриотическое воспитание кадров. Его ключевыми элементами являются объективное рассмотрение исторических сюжетов, выработка у обучающихся представлений о преемственности всех этапов развития общества, о справедливости как об основе отношений, о важности сохранения традиционных ценностей. Однако инертность образовательной системы и ее ориентированность на западные образцы создают серьезные проблемы для развития отечественной высшей школы, в том числе в части, касающейся преподавания исторических дисциплин. Преодоление негативных тенденций и решение поставленных государством перед юридическими вузами задач невозможно без значительной корректировки научно-педагогическим составом образовательных организаций своей работы. *Методы.* В ходе проведения исследования были использованы общенаучные (анализ, синтез, обобщение опыта и др.) и частнонаучные (наблюдение, опрос, тестирование, историко-генетический и др.) методы. *Результаты.* Разработаны варианты решения ряда проблем, связанных с преподаванием истории, путем пересмотра содержательной части дисциплин и объединения их в единый модуль. Такой подход будет способствовать реализации в наиболее полном виде установок государства по совершенствованию преподавания исторических дисциплин в юридических вузах.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время большое внимание уделяется воспитательной функции исторической науки. Это объясняется прежде всего спецификой политической ситуации, которая сложилась внутри нашей страны и за ее пределами. Деидеологизация, переход на соросовские учебники, переписывание истории на основе западных инструкций – всё это активно переформатировало сознание людей. Наиболее успешно этот процесс

проходил в некоторых бывших советских республиках, где длительное время взращивалась русофобия и насаждалась неонацистская идеология.

Учебники истории, изданные на соросовские гранты, на протяжении двух десятков лет использовались в школе и вузе. Это породило глубочайший кризис не только в преподавании данной дисциплины на всех уровнях, но и в отечественной исторической науке [1]. В свою очередь, государство, которое ранее активно вмешивалось в

Elena V. ULYANOVSKAYA,

Cand. Sci. (History), ORCID 0009-0009-0103-4310

Saint Petersburg University of the Ministry

of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Social, Economic
and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch

AlbaBaffo@yandex.ru

Sergey L. NIKONOVICH,

Doctor of Law, Associate Professor

Military University of the Ministry of Defense of the Russian

Federation named after Prince Alexander Nevsky (Moscow, Russia)

Head of the Department of Criminal Procedure

trapezunt@yandex.ru

MODERN REQUIREMENTS FOR TEACHING HISTORICAL DISCIPLINES IN LAW SCHOOLS

KEYWORDS. History of Russia, history of state and law, history of internal affairs agencies, methods of teaching history, historical education, Concept of teaching Russian history, patriotic education.

ANNOTATION. *Introduction.* The Russian Federation, as a modern sovereign state, systematically improves the standards of higher professional education in general and in the teaching of historical disciplines in particular. This is especially relevant in the current tense geopolitical situation, which determines the importance of developing a strong civic position in students. This article presents the results of a study of changes in the requirements for the teaching of historical disciplines in law schools. Primary attention is paid to the patriotic education of personnel. Its key elements include an objective examination of historical subjects, the development of students' understanding of the continuity of all stages of societal development, justice as the basis of relationships, and the importance of preserving traditional values. However, the inertia of the educational system and its focus on Western models pose serious challenges to the development of Russian higher education, including in terms of the teaching of historical disciplines. Overcoming negative trends and achieving the goals set by the state for law schools is impossible without significant adjustments by the academic staff of educational institutions. *Methods.* The study utilized general scientific methods (analysis, synthesis, generalization of experience, etc.) and specific scientific methods (observation, survey, testing, historical genetics, etc.). *Results.* Solutions to several problems related to history teaching are proposed by revising the content of the disciplines and combining them into a single module. This approach will facilitate the full implementation of government guidelines for improving the teaching of history disciplines in law schools.

образовательный и научный процессы, на десятилетия полностью отказалось от контроля за содержанием курсов по истории. Образовательным организациям была предоставлена свобода выбора учебных пособий и самостоятельность в составлении рабочих программ.

Такое положение не удовлетворяло значительную часть академического сообщества. Требования серьезного пересмотра подходов прозвучали в рамках дискуссии «Российская история: теория изучения и методы преподавания». Ее материалы в 2008 году опубликовал журнал «Отечественная история». Были поставлены вопросы об общем взгляде на историю, о концепции отечественной истории, о теории и методике разработки вопросов исторической науки [2]. Однако дальше озвучивания мнений дело не пошло.

Реальные изменения наметились в 2014 году. На украинском примере стало понятно, что без учета интересов государства, без акцента в преподавании дисциплин исторического цикла на патриотическом воспитании можно потерять молодое поколение. Тогда же Президент России поставил вопрос «о единой логике преподавания истории, о понимании неразрывности и взаимосвязи всех этапов развития нашего государства и

нашей государственности, о главной линии преподавания истории – объективности, непредвзятости, уважении к собственному прошлому, любви к своей Родине»¹. Вместе с тем впервые было заявлено о необходимости формирования единой концепции преподавания истории.

Предполагалось, что новый подход к истории в средней школе подтолкнет к пересмотру отношения к ее преподаванию в вузах. Однако этого не произошло. Вузовское сообщество оказалось более инертным. Нежеланию что-либо менять способствовала идея «вхожденчества» в западную Болонскую образовательную систему, переход на стандарты которой был закреплен в государственной программе «Развитие образования» на 2013-2020 годы. В ней предписывалось осуществить ряд мер в целях радикального улучшения качества образования, в частности, путем создания на территории Российской Федерации и в других государствах совместных вузов и совместных программ. Предлагалось стимулировать академическую мобильность студентов и преподавателей. Приветствовались «переподготовка и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и научных работников в ведущих зарубежных научно-образовательных центрах и налаживание

¹ Владимир Путин: Основа преподавания истории – любовь к Родине // Единая Россия: сайт. 16.01.2014 // URL: <https://spb.er.ru/activity/news/prepodavanie-istorii-podhody-i-logika>.

тесных контактов с такими центрами»¹. Причем вопрос о лояльности этих центров не стоял.

Этот подход вызвал опасения за судьбу альтернативных взглядов на организацию воспитательного и образовательного процессов в нашей стране. Некоторые исследователи пытались совместить несовместимое – мультикультурализм, толерантность, гуманизацию образования, гражданско-патриотическое воспитание, сохранение национально-культурной специфики с ориентацией на общечеловеческие ценности – для возвращения так называемого «homo global» (человека, владеющего глобальными компетенциями). Например, Т.Л. Осколова рассматривала влияние глобализации на государственные системы высшего образования в США и России, оценивала потенциал отечественных вузов по формированию у студентов компетенций по выживанию в глобальном мире без потери при этом традиционных национально-культурных ценностей [3]. И.Л. Плужник с опорой на Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 года, решения ЮНЕСКО и Совета Европы предложила усилить роль иностранных языков в изменении мировидения, пересмотре ценностей, духовном совершенствовании, универсализации личности на основе человекоцентричности [4]. Поискам инструментов для встраивания российского гуманитарного образования в глобальную образовательную парадигму посвящены работы Ю.В. Сенько [5], Н.А. Эрмих [6], И.В. Балицкой [7] и других ученых.

Иной взгляд сформировался у исследователей отечественного и зарубежного государства и права. Особое видение истории государств, понимание роли и места в ней государственных институтов помогли увидеть в глобализации серьезную угрозу. В частности, И.А. Исаев указывал на то, что «сильное национальное государство противостоит поглощению хаотическим множеством или унифицирующим глобализмом (что по сути одно и то же), и национальная идеология обосновывает эту важнейшую задачу, рассматривая ее как заданный и неоспоримый императив, как базовый нравственный закон и норму, не подверженные обсуждению и сомнениям» [8, с. 10]. Близкие по содержанию точки зрения обосновывали в своих трудах С.П. Вольф [9], В.М. Серых, Н.В. Колотова, Л.Р. Сюкияйнен [10], А.А. Тимофеева [11] и др.

Окончательное осознание ложности идеологии «вхожденчества» в систему глобальных институтов пришло лишь тогда, когда на страну обрушились санкции за поддержку Донбасса и началась специальная военная операция. Оказалось, что

на Западе мультикультурализм, толерантность и гуманизм применимы только к носителям «западных ценностей». Да и сами эти ценности перестали иметь что-то общее с теми, которые продуцируются традиционной моралью. Результатом переосмысления стал ряд нормативных актов, кардинально развернувших общество, высшую и среднюю школу в сторону патриотизма и традиционных ценностей².

Попытки проанализировать происходящие в мире перемены, определить место в нем Российской Федерации, дать оценку «вхожденчеству» сподвигли ряд исследователей к пересмотру изначальных установок. Так, Е.В. Балацкий в статье «Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования», соглашаясь с Джозефом Наем [13], известным неolibеральным стратегом американской внешней политики, утверждал, что следует учитывать сложное переплетение глобальных трендов и национальной культуры. Страна, генерирующая глобализацию своей культуры и модернизирующая другую страну, имеет предел влияния: рано или поздно модернизация заканчивается, а в сухом остатке оказывается культурная идентичность страны. В этот момент начинается культурный ренессанс нации, а предыдущая эпоха «гамбургеризации» заканчивается, что приводит к расцвету антиколониального движения. Причем в России, по твердому убеждению Е.В. Балацкого, особую роль сыграл эффект политического лидера в лице В.В. Путина [12].

Своего рода «гамбургеризацией» в образовании стала Болонская система, попытавшаяся подогнать традиционную российскую высшую школу под западные стандарты. Но та, быстро «объевшись» этими стандартами, доказала их несостоятельность. И об этом во весь голос стали говорить не только преподаватели, но и обучающиеся.

Более всего от западных стандартов пострадало патриотическое воспитание. Итоги проведенного в 2021 году исследования Н.В. Корж, Г.Н. Тугускиной и В.Н. Супикова [14] полностью коррелируют с результатами посвященного той же тематике анализа, проведенного учеными Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России в январе 2022 года³. Полученные данные просто сокрушительны. Современная молодежь, обучающаяся в гражданских вузах, не рассматривает патриотизм в качестве значимой ценности и как способ консолидации российского общества.

Впрочем, более поздние исследования показывают изменения в настроениях молодежи. Это, скорее всего, связано с проведением Россией специ-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы».

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (п. 16); Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности»; Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации».

³ Терещенко Е.В. Формирование имиджа Родины у вузовской молодежи Калининградской области // Материалы Национальной научно-технической конференции студентов и курсантов «Дни науки». Калининград: КГТУ, 2023 С. 281-283.

альной военной операции и той ситуацией, которая сложилась вокруг нее в мире. В частности, в статье Е.В. Каргаполовой, А.П. Кошкина и Л.В. Константиновой 2025 года утверждается, что у студентов московских вузов есть запрос на проведение мероприятий патриотического характера, при этом они весьма критично относятся к их качеству (40% положительных оценок). Авторы статьи отмечают, что молодежь испытывает потребность в контактах с носителями достоверного, эмоционального опыта, в первую очередь героического. Их интересует процесс становления Духа – личной Правды. Студенты также нуждаются в собственном опыте нахождения такой Правды через работу с документами в архивах и участие в исторических реконструкциях [15].

Ответить на описанные выше запросы государства и вузовской молодежи, по нашему мнению, должны занятия по историческим дисциплинам, которым в современных учебных программах уделено достаточно много времени.

МЕТОДЫ

Задачей проведенного нами исследования был поиск способов совершенствования подготовки кадров для МВД России с использованием возможностей, предоставляемых преподаванием курсов истории России, истории государства и права России, истории государства и права зарубежных стран, основ российской государственности, истории органов внутренних дел. Для решения поставленной задачи применялись теоретические методы (анализ нормативно-правовой базы преподавания исторических дисциплин, обобщение опыта их преподавания, создания единого модуля по историческим дисциплинам), а также эмпирические (социологическое обследование, мониторинг, опрос, тестирование, педагогическое наблюдение) методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На степень важности изменения политики государства в отношении изучения истории указывает тот факт, что уже на следующий день после инаугурации, накануне празднования годовщины Великой Победы – 8 мая 2024 года – Президент В.В. Путин утверждает «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹. В документе обозначены не только цели, основные принципы, задачи исторического просвещения, но и механизмы реализации государственной политики в данной сфере.

Впервые государство взяло на себя регулирование деятельности по распространению в обществе «достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, явля-

ющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества»² и обязалось оказывать поддержку всем заинтересованным в этом субъектам. Также впервые перечислены возникающие в условиях кризиса национальной идентичности и роста международной напряженности риски и угрозы, противодействовать которым должны историческая наука и историческое просвещение. Целью государственной политики определено «формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей»³.

Для высшей школы сформулированы следующие задачи: повысить уровень исторической грамотности обучающихся путем создания единой методологии преподавания истории; актуализировать программы по историческим дисциплинам с учетом новейших научных достижений и возможностей внеаудиторного исторического просвещения; всемерно популяризировать историю. Отдельным пунктом выделено «обеспечение работы в области исторического просвещения в образовательных организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения обороны страны, государственной и общественной безопасности»⁴. Речь идет, в частности, и о вузах МВД России. При этом описываются качества, которыми должны обладать сотрудники правоохранительных органов. На первое место поставлено глубокое знание истории. На этой основе должно формироваться мировоззрение, главным элементом которого является патриотизм. Каждый сотрудник МВД России обязан не только любить свою Родину, но и уметь отстаивать ее интересы как на уровне своей профессиональной деятельности, так и в идеологической сфере, выступая против нацизма и русофобии, извращения истории и ее переписывания в угоду недоброжелателей.

Конкретизацией требований к преподаванию истории в негуманитарных вузах занялся Экспертный совет по развитию исторического образования при Минобрнауки. В 2023 году им была подготовлена «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования»⁵ (далее – Концепция). Она должна была сориентировать преподавателей высшей школы в изменениях, которые предполагалось реализовать с введением новых учебных планов, где «Истории

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Письмо Минобрнауки России от 20.02.2023 № МН-5/168376 «О направлении информации» (вместе с «Концепцией преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», утв. протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт // URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-20022023-n-mn-5168376-o-napraavlennii/>.

Таблица 1.

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ДИСЦИПЛИН
(на основании рабочих программ и учебных пособий)**

История России	История государства и права зарубежных стран	История государства и права России	Теория государства и права
Возникновение общественной организации, государственности. Основные направления развития и особенности древневосточной, древнегреческой и древнеримской цивилизаций. Возникновение древнейших государств в Азии и в Центральной Америке. Греческая колонизация. Полисы.	Влияние географических и климатических факторов на процесс государствообразования. Роль общины и ее влияние на развитие форм собственности и государственный строй. Восточная деспотия. Формирование политических общин и становление государств в Древней Греции. Становление и развитие раннефеодального государства франков. Марка. Развитие феодальной собственности, формирование феодальных отношений.	Возникновение Древнерусского (Киевского) государства, формирование древнерусской народности. Общественный строй. Князя, бояре, дружинники, княжеские и боярские слуги. Смерды, закупы, челядь (холопы). Городское население. Государственный строй. Древнерусское (Киевское) государство как раннефеодальная монархия.	Предпосылки возникновения государства. Появление раннеклассового государства как особого слоя людей, профессионально занимающихся управлением делами раннеземледельческой общины в условиях производящей экономики.

России» отводилось 4 зачетных единицы – 144 часа, в том числе 116 аудиторных. В преамбуле были очерчены принципы, которыми предлагалось руководствоваться преподавателям в работе с обучающимися. Концепция представила темы и вопросы для рассмотрения на занятиях, включая большой блок по всеобщей истории.

Первый год работы на основе Концепции породил в преподавательском сообществе серьезные разногласия. Многие говорили о недостаточности объема часов для столь широкого охвата обязательных для изучения сюжетов, прежде всего из всеобщей истории. Результатом «исправления ошибок» стал обновленный вариант Концепции. Здесь всеобщей истории места не нашлось. Глава Российского исторического общества и одновременно директор Службы внешней разведки С.Е. Нарышкин объяснил причины такого изъятия следующим образом: «Курс получается перегруженным, а материалы по всеобщей истории не осваиваются или осваиваются, но плохо. Поэтому предлагаю ... рассмотреть вопрос об исключении из концепции дополнительных разделов по всеобщей истории»¹. Его мнение было поддержано на заседании Экспертного совета по развитию исторического образования при Минобрнауки.

Для юридических вузов отказ от сюжетов по всеобщей истории решить проблему улучшения качества знаний не может. Это связано с тем, что всеобщая история вплетена в такие дисциплины,

как «История государства и права зарубежных стран», «Теория государства и права» и т.д. Рассмотрение одних и тех же тем с разных ракурсов не давало возможности создать единое полотно событий, что приводило к простому зазубриванию текстов лекций.

Вместе с тем следует иметь в виду, что серьезными затруднениями с освоением учебного материала обучающимися обернулось отсутствие единого подхода к историческим процессам. В таблице 1 для примера показаны разные взгляды на политогенез и образование классов. Если от преподавателя «Истории России» требуется цивилизационный подход, то в курсе «Истории государства и права зарубежных стран» мы видим коктейль из цивилизационного и формационного подходов в варианте московской исторической школы. В свою очередь, «История государства и права России» и «Теория государства и права» руководствуются классовым подходом. При этом появление классов феодалов и зависимых крестьян с их точки зрения происходит одновременно с формированием государства, что достаточно давно было опровергнуто исторической наукой [16].

Решением описанной проблемы, по нашему мнению, может стать объединение исторических дисциплин в единый модуль с распределением учебных вопросов таким образом, чтобы не возникало повторений и противоречий. Пример такого распределения представлен в таблице 2. Результа-

¹ Майер А. Нарышкин предложил исключить всеобщую историю из непрофильного курса в вузе // Ведомости: сайт. 07.08.2024 // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/07/1054268-narishkin-predlozhit-isklyuchit-vseobschuyu-istoriyu-iz-neprofilnogo-kursa-v-vuze>.

ПРИМЕР РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВОПРОСОВ ПО ДИСЦИПЛИНАМ

История России	История государства и права зарубежных стран	История государства и права России	Теория государства и права
Признаки появления государства у восточных славян в исторических источниках. Древнерусские князья и их политика.	Правовое обеспечение ранних государств в античный и средневековый период.	Древнерусское государство в редакциях «Русской правды».	Причины и особенности появления государств на Востоке и Западе в Античности и Средневековье.

том такого подхода оказываются метапредметные связи между как минимум четырьмя дисциплинами. При этом в модуль можно, кроме прочего, ввести «Историю органов внутренних дел» и «Основы российской государственности», где Россия рассматривается как особая цивилизация [17].

Конечно, это потребует от преподавательского сообщества дополнительных усилий по совместной переработке учебного материала и составления рабочих программ таким образом, чтобы было учено содержание всех параллельных курсов [18]. Вполне уместными, на наш взгляд, могут быть занятия с погружением в историческую среду, на которых изучаемые события рассматривались бы с точки зрения разных дисциплин, в том числе с применением игровых педагогических методов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках представленного модуля должна осуществляться интеграция фактологического мате-

риала из различных научных дисциплин, что способствовало бы формированию целостного и систематизированного представления о прошлом. На уровне понятийной интерпретации произойдет унификация терминологического аппарата, включая такие категории, как государство, политогенез, социальные классы, сословия, властные структуры. На теоретическом уровне станет возможен анализ исторических процессов в целях обеспечения их всесторонней и объективной оценки с применением методологических подходов, характерных для различных научных школ.

Создание такого модуля способствовало бы оптимизации учебного процесса, формированию интегрированной картины прошлого, повышению качества знаний и в конечном счете помогло бы в решении задач, поставленных Российским государством перед преподавателями исторических дисциплин. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быстренко В.И., Ярославцев В.Г. Преподавание истории в негуманитарных вузах России: к вопросу о новой концепции // Вестник педагогических инноваций. 2023. № 1 (69). С. 31-41.
2. Секиринский С.С. Российская история: теория изучения и методы преподавания // Отечественная история. 2008. № 3. С. 156-182.
3. Осколова Т.Л. Глобализация и высшее образование: путь к мировому гражданству или утрата национальной идентичности? // Образование и наука. 2014. № 1 (110). С. 28-43.
4. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в процессе профессиональной подготовки. М.: ИНИОН РАН, 2003. 215 с.
5. Сенько Ю.В. Гуманитарное основание глобализации образования // Философия образования. № 1 (46). 2013. С. 48-51.
6. Эмих Н.А. Культурная парадигма современного образования: философско-антропологические основания. М.: Логос, 2012. 173 с.
7. Балицкая И.В. Мультикультурное образование в США, Канаде и Австралии. М., 2008. 425 с.
8. Исаев И.А. Национальная идея и национальная идеология // Методологические проблемы преподавания истории и государства и права. М.: Книжный мир, 2011. С. 8-14.
9. Вольф С.П. Проблемы методологии истории государства и права // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 4. С. 49-52.
10. Трансформация прав человека в современном мире: Монография / отв. ред. А.Н. Савенков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 256 с.
11. Тимофеева А.А. Советское государство и право: методология и историография проблемы // История государства и права. 2010. № 20. С. 10-13.
12. Балацкий Е.В. Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 1. С. 46-65.
13. Най Дж. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером. М.: Эксмо, 2023. 256 с.
14. Корж Н.В., Тугускина Г.Н., Супиков В.Н. Патриотические ценности как основа нравственного воспитания студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 47-57.

15. Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Константинова Л.В. Патриотическое воспитание в эпоху перемен: восприятие и отношение студентов московских вузов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 5. С. 49-66.

16. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

17. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.

18. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере совершенствования взаимодействия участников образовательного процесса: криминологический взгляд // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 4. Т. 1. С. 65-73.

REFERENCES

1. Bystrenko V.I., Yaroslavtsev V.G. Prepodavaniye istorii v negumanitarnykh vuzakh Rossii: k voprosu o novoy kontseptsii // Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy. 2023. № 1 (69). С. 31-41.

2. Sekirinskiy S.S. Rossiyskaya istoriya: teoriya izucheniya i metody преподаvaniya // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 3. С. 156-182.

3. Oskolova T.L. Globalizatsiya i vyssheye obrazovaniye: put' k mirovomu grazhdanstvu ili utrata natsional'noy identichnosti? // Obrazovaniye i nauka. 2014. № 1 (110). С. 28-43.

4. Pluzhnik I.L. Formirovaniye mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov v protsesse professional'noy podgotovki. М.: INION RAN, 2003. 215 с.

5. Sen'ko Yu.V. Gumanitarnoye osnovaniye globalizatsii obrazovaniya // Filosofiya obrazovaniya. № 1 (46). 2013. С. 48-51.

6. Emikh N.A. Kul'turnaya paradigma sovremennogo obrazovaniya: filosofsko-antropologicheskiye obosnovaniya. М.: Logos, 2012. 173 с.

7. Balitskaya I.V. Mul'tikul'turnoye obrazovaniye v SShA, Kanade i Avstralii. М., 2008. 425 с.

8. Isayev I.A. Natsional'naya ideya i natsional'naya ideologiya // Metodologicheskiye problemy преподаvaniya istorii i gosudarstva i prava. М.: Knizhnyy mir, 2011. С. 8-14.

9. Vol'f S.P. Problemy metodologii istorii gosudarstva i prava // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. 2012. № 4. С. 49-52.

10. Transformatsiya prav cheloveka v sovremennom mire: Monografiya / otv. red. A.N. Savenkov. М.: Norma: INFRA-M, 2023. 256 с.

11. Timofeyeva A.A. Sovetskoye gosudarstvo i pravo: metodologiya i istoriografiya problemy // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 20. С. 10-13.

12. Balatskiy Ye.V. Evolyutsiya kolonial'nykh i neokolonial'nykh modeley geopoliticheskogo dominirovaniya // Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2025. Т. 18. № 1. С. 46-65.

13. Nay Dzh. Myagkaya moshch'. Kak ya sporil s Bzhezinskim i Kissindzherom. М.: Eksmo, 2023. 256 с.

14. Korzh N.V., Tuguskina G.N., Supikov V.N. Patrioticheskiye tsennosti kak osnova npravstvennogo vospitaniya studencheskoy molodezhi // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2021. № 4. С. 47-57.

15. Kargapolova Ye.V., Koshkin A.P., Konstantinova L.V. Patrioticheskoye vospitaniye v epokhu peremen: vospriyatiye i otnosheniye studentov moskovskikh vuzov // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2025. Т. 34. № 5. С. 49-66.

16. Drevnyaya Rus' IX-XIII vekov. Narodnyye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast'. М.: Russkiy izdatel'skiy tsentr, 2012. 1088 с.

17. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. С. 93-94.

18. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere sovershenstvovaniya vzaimodeystviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: kriminologicheskiy vzglyad // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. № 4. Т. 1. С. 65-73.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Ульяновская Е.В., Никонович С.Л., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ульяновская Е.В., Никонович С.Л. Современные требования к преподаванию исторических дисциплин в юридических вузах // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 105-111.

Наталья Владимировна ХОДЯКОВА,
доктор педагогических наук, доцент, ORCID 0000-0003-4340-0744
Академия управления МВД России (г. Москва)
профессор кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
hodyakova@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.18

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНО-РАЗВИВАЮЩИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД В ВУЗАХ МВД РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Образовательная среда, развитие личности, педагогическое проектирование, образовательная ситуация, профессиональная мотивация, органы внутренних дел, проектирование условий образовательной среды, ситуационная природа развития личности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Вопросы развития личностных качеств сотрудника органов внутренних дел – его профессиональной мотивации, рефлексии, надежности и других – в ситуации продолжающейся реформы деятельности правоохранительных органов и внешнеполитической нестабильности приобретают особую актуальность. В то же время традиционная ориентация учебного процесса в образовательных организациях МВД России на приобретение и практическое применение знаний не в полной мере позволяет решать задачу личностного роста. Она решается только с помощью специального проектирования условий пребывания курсантов и слушателей в вузе. Образовательная среда имеет следующие сущностные характеристики: она представляет собой совокупность различных стимулов и возможностей развития личности; ее взаимодействие с личностью носит обоюдонаправленный активный характер; она проектируется всеми участниками образовательного процесса. *Методы.* При проведении исследования, результаты которого представлены в статье, использовались системный анализ научной литературы, обобщение и дефинирование, анализ педагогического опыта, ситуационное моделирование динамики личностного развития обучающегося во взаимодействии с образовательной средой. *Результаты.* Педагоги высших учебных заведений МВД России должны грамотно моделировать образовательную среду для курсантов и слушателей. Расставляя в общении с обучающимися смысловые акценты и демонстрируя эталонные образцы служебной и учебной деятельности, педагог помогает им структурировать поступающую объемную информацию. Научное знание о ситуационной природе развития личности в процессе обучения позволяет адекватно проектировать образовательные среды. Ситуация восприятия обучающимся нового окружения требует системно упорядоченной образовательной среды, ситуация самостоятельной деятельности – вариативной среды, ситуация рефлексии и диалога – предъявления в образовательной среде социокультурных смыслов и ценностей, ситуация инновационной деятельности и саморегуляции – реализации образовательных потребностей обучающегося.

ВВЕДЕНИЕ

В реформировании деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) большую роль играет человеческий фактор. Для эффективного проведения реформ на всех уровнях и во всех структурах ведомства требуются субъекты, обладающие не только профессиональной компетентностью, но и особыми личностными качествами: устойчивой мотивацией к службе, осознанием ее социальной значимости, готовностью к инновационной деятельности и непрерывному саморазвитию.

В современной напряженной геополитической обстановке сотрудникам ОВД необходимы устой-

чивое государственно-патриотического мировоззрение, готовность прилагать волевые усилия, принимать взвешенные решения и нести за них ответственность. В формировании названных личностных качеств, так же как и профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел, большая роль отводится готовящим кадры образовательным организациям МВД России. Как же должна быть построена эта работа?

Современная организация образовательного процесса, опирающаяся на достижения отечественной и зарубежной педагогики и психологии последних двух десятилетий, предполагает не только реализацию его традиционных функций:

Nataliya V. KHODYAKOVA,

Doctor of Sciences in Pedagogics, Associate Professor, ORCID 0000-0003-4340-0744

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Human Resources Management

hodyakova@yandex.ru

FEATURES OF DESIGNING PERSONALITY-DEVELOPING EDUCATIONAL ENVIRONMENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

KEYWORDS. Educational environment, personal development, pedagogical design, educational situation, professional motivation, internal affairs agencies, design of educational environment conditions, situational nature of personal development.

ANNOTATION. *Introduction.* The development of personal qualities of internal affairs officers, such as professional motivation, reflection, reliability, etc., is becoming increasingly important in the context of ongoing law enforcement reform and foreign policy instability. However, the traditional focus of the educational process in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs on the acquisition and practical application of knowledge does not fully address the issue of personal growth. This can only be achieved through the special design of the conditions for cadets and students to stay at the university. The educational environment has the following essential characteristics: it is a combination of various incentives and opportunities for personal development; its interaction with the individual is reciprocal and active; it is designed by all participants in the educational process. *Methods.* The study, the results of which are presented in the article, utilized a systemic analysis of scientific literature, generalization and definition, analysis of pedagogical experience, and situational modeling of the dynamics of student personal development in interaction with the educational environment. *Results.* Teachers at higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia must skillfully model the educational environment for cadets and trainees. By emphasizing meaningful points in their interactions with students and demonstrating exemplary examples of professional and academic activities, teachers help them structure the voluminous information they receive. Scientific knowledge of the situational nature of personal development during learning enables the appropriate design of educational environments. Students' perception of a new environment requires a systematically organized educational environment; independent activity requires a variable environment; reflection and dialogue require the presentation of sociocultural meanings and values in the educational environment; and innovation and self-regulation require the fulfillment of students' educational needs.

планирования, ресурсного обеспечения, педагогического контроля, анализа и корректировки получаемых результатов. Речь также идет о проектировании образовательных сред, обогащающих процессы обучения и воспитания разнообразными элементами социокультурного влияния на личностное развитие обучающихся и обеспечивающих возможность множественного выбора ими своих индивидуальных образовательных траекторий.

Анализ научной литературы показал, что традиционная модель образования, игнорирующая в проектах обучения и воспитания средовой контекст, может обеспечить формирование грамотного специалиста-исполнителя, способного решать типичные профессиональные задачи и действовать по инструкции. Но она не готовит выпускника к креативному поиску решения нестандартных проблем, к нравственному ценностно-смысловому самоопределению в ситуациях этического выбора [1, 2].

Обсуждаемая необходимость проектирования в вузах МВД России образовательных сред профессионально-личностного развития обучающихся требует со стороны проектировщиков образовательного процесса понимания: 1) сущности и структуры образовательной среды; 2) закономерностей развития личности обучающегося во взаимодействии с образовательной средой; 3) специфики проектирования развивающих сред в ведомственном вузе [3]. Остановимся на этих аспектах подробнее.

Понятие «образовательная среда» представлено в педагогическом тезаурусе уже почти столетие [4, 5]. Еще в начале XX века отечественные и зарубеж-

ные исследователи: В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, П.Э. Лесгафт, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, Д. Дьюи, В.А. Лай, М. Монтессори, Р. Штейнер, А. Нейлл и другие – в своих трудах подчеркивали, что в процессе образования личности необходимо обеспечить полноценное взаимодействие с окружающей средой, предоставляющей для ее активности совокупность стимулирующих, содержательных и деятельностных условий. Динамика развития личности и формирование личностных новообразований в человеке зависят от взаимоотношений с окружающей средой. Перечисленные нами ученые отмечали, что социокультурная среда, несомненно, оказывает влияние на развитие личности. Ведь личность – продукт среды и образа жизни, представляющих собой совокупность естественных и педагогически организованных внешних факторов развития человека в единстве уклада жизни и традиций, взаимодействия и сотрудничества. Педагог не воздействует на воспитанника напрямую, он влияет на личность через условия среды. Коллектив представляет собой воспитывающую среду. Социальная среда может способствовать или мешать развитию личности, поэтому педагог должен владеть методиками изучения среды и создания в ней благоприятных условий для развития личности, нейтрализуя негативные влияния. Однако вместе с тем те же авторы научных трудов указывали, что и сама развивающаяся личность, в свою очередь, изменяет среду. Она не только приспосабливается к окружающей ее социальной среде, но и проявляет в ней актив-

ность, волю, свободу выбора, экспериментирует, выражает свое отношение к окружающим условиям, преодолевает средовые затруднения, самостоятельно действует и самоутверждается в среде. Иными словами, человек – участник и творец собственной и социальной жизни.

Современные психолого-педагогические исследования обогащают эти представления об образовательной среде следующими существенными характеристиками:

- взаимодействие личности с образовательной средой носит взаимно активный характер: активная среда воздействует на личность посредством стимулов, активная личность требует для своей самореализации средовых возможностей [6];

- образовательная среда представляет собой совокупность пространственно-временных, информационно-коммуникативных, предметно-деятельностных стимулов и возможностей для развития личности в образовании [7];

- образовательная среда проектируется всеми участниками образовательного процесса: педагоги задают определенные параметры среды, а обучающиеся выбирают для себя наиболее подходящие из них [8].

Обобщение результатов многочисленных научных исследований позволяет говорить о том, что развитие личности обучающегося во взаимодействии с образовательной средой имеет свои закономерности и носит циклический характер. В каждой образовательной среде обучающийся проходит через цикл последовательно сменяющихся друг друга ситуаций четырех типов. Они характеризуются нарастающей субъектной активностью обучающегося (индивид – субъект деятельности – личность – индивидуальность) и накоплением им определенных видов опыта (восприятия и репродукции, самостоятельной деятельности, рефлексии и диалога, инновационной деятельности и саморегуляции). Для того чтобы процесс личностного развития протекал непрерывно и поступательно, в каждой из четырех типологических ситуаций необходимо обеспечить соответствующие конкретные средовые условия.

Так, в ситуации *восприятия индивидом новой образовательной среды* от педагога требуется максимально систематизировать и адаптировать представляемую информацию, включить в нее нормы и требования, которые будут предъявляться обучающемуся в данной среде, продемонстрировать эталонные образцы деятельности, которые предстоит воспроизводить обучающемуся [9].

В ситуации *самостоятельной деятельности обучающегося* педагог должен обеспечить в образовательной среде вариативность ресурсов, способов и средств деятельности, предложить объективные критерии оценки ее результатов [10].

В ситуации *личностной рефлексии и диалога* педагогу необходимо насытить образовательную среду социокультурными ценностями и проблемным контекстом, обеспечить действие правил психологически безопасной коммуникации [11].

В ситуации *инновационной деятельности и саморегуляции* педагог создает благоприятную для творчества среду, предоставляя в ней обучающемуся

свободу действий и возможность самостоятельно оценивать свои достижения [12].

МЕТОДЫ

При осуществлении научной работы, результаты которой представлены в статье, использовались теоретические методы педагогического исследования. В первую очередь был проведен системный анализ научной литературы, посвященной вопросам ситуационного моделирования динамики личностного развития обучающегося во взаимодействии с образовательной средой. Далее методы обобщения и дефинирования позволили уточнить понятие «личностно-развивающая образовательная среда». Анализ педагогического опыта стал основой для определения особенностей, форм, методов и приемов моделирования образовательных сред для курсантов и слушателей вузов МВД России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на универсальность обсуждаемых моделей и закономерностей проектирования образовательной среды, в каждой образовательной организации средовые стимулы и возможности, а также ситуационные этапы развития личности имеют свою специфику. Рассмотрим особенности проектирования образовательных сред профессионально-личностного развития обучающихся в вузах МВД России.

Человек, поступивший в образовательную организацию МВД России, сначала когнитивно и психологически адаптируется в ней: изучает действующие в отношении него правила, нормы и требования, отраженные в федеральных законах от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», федеральном государственном образовательном стандарте, уставе образовательной организации, правилах внутреннего распорядка. В этой ситуации индивид воспринимает новую образовательную среду, ориентируясь прежде всего на курирующего его педагога – курсового офицера, ведущего преподавателя, наставника. Педагог, составляя в общении с обучающимися смысловые акценты и демонстрируя эталонные образцы служебной и учебной деятельности, помогает им структурировать поступающую объемную информацию, регулирует нагрузки. На этом этапе формируются первичные основы знаний, умений и навыков, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности.

Курсант, успешно преодолевший этап восприятия новой образовательной среды, освоивший базовые знания и умения, стремится опробовать их в самостоятельной учебной и служебной деятельности. Он направляет свои усилия на изучение себя и возможностей для своей активности в образовательной среде. Педагогам в этой ситуации важно обеспечить вариативность элементов образовательной среды – источников информации, задач, способов их решения, средств учебной и служебной деятельности. Поэтому развивающую функцию приобретают альтернативные традиционным учебникам электронные образовательные

ресурсы (доступ к ним обеспечивается, например, подпиской вуза МВД России на электронные библиотечные системы), создаваемые педагогами разнообразные обучающие проекты, использующие цифровые технологии (например на платформе Системы дистанционных образовательных технологий МВД России), олимпиады, викторины, соревнования, проводимые в рамках обучения по различным дисциплинам (викторины по истории МВД России, конкурсы на лучшее знание законодательства, спортивные праздники), занятия на учебных полигонах с возможностью изменения их реквизита и обстановки [13].

Ситуация рефлексии и диалога предполагает осмысление обучающимся своей учебно-профессиональной и служебной деятельности, выработку по отношению к ней ценностно-смысловой позиции [14]. В данной ситуации необходимо, чтобы в образовательной среде были обеспечены условия для общения обучающихся с авторитетными и значимыми для них выдающимися людьми, чья профессиональная биография может служить образцом непрерывного саморазвития, совершения личностных поступков. Это могут быть ветераны, руководители, наиболее успешные специалисты органов внутренних дел. Кроме того, важно организовать благоприятные условия для диалога в учебных группах, предоставить обучающимся возможность выражения своей позиции (подготовка тематических докладов, работ для участия в конкурсе «Доброе слово» и др.) [15].

Ситуация инновационной деятельности и саморегуляции предусматривает максимальную творческую активность обучающегося. Проектирование образовательной среды в данном случае

должно гибко настраиваться на потребности обучающегося в той или иной информации, обеспечение его деятельности и коммуникаций. Осуществляя практические действия в этой ситуации, обучающийся доказывает реализуемость своей позиции, личностно самоутверждается. При неудаче он корректирует свои взгляды и отношения. В поддержку данной ситуации профессионально-личностного саморазвития курсантов и слушателей в вузах МВД России организуются конкурсы научных работ, реализуются социально значимые проекты (шефство над детскими домами, оказание социальной поддержки инвалидам - участникам боевых действий, оказание помощи в преодолении последствий стихийных бедствий и т.д.) [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание психолого-педагогической природы развития личности позволяет педагогам вузов МВД России более точно проектировать образовательные среды в зависимости от ситуации, в которой в тот или иной момент находится обучающийся. Ситуация восприятия курсантом новых условий обучения требует системно организованной образовательной среды, ситуация самостоятельной деятельности – вариативной среды, ситуация рефлексии и диалога – предъявления в образовательной среде ценностно-смыслового содержания, ситуация инновационной деятельности и саморегуляции – настройки на потребности курсантов и слушателей. Понимание и учет закономерностей взаимодействия личности с образовательной средой обеспечивают более высокий уровень целостности образовательных проектов, так как способствуют преодолению отчужденности обучающихся от процесса их обучения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковшикова Е.В. Традиции и новации в образовательном процессе современного учреждения высшего образования: комплексный анализ // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: Материалы международной научно-методической конференции. СПб, Петергоф, 2024. С. 129-133.
2. Шашкова А.Н., Лавриненко А.А., Васильева О.А. Применение ситуационного подхода в формировании профессиональной юридической компетентности будущих сотрудников полиции в рамках практических занятий // Российский научный вестник. 2025. № 11. С. 453-459.
3. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
4. Воспитательное пространство как объект педагогического исследования / Под ред. Н.Л. Селивановой. Калуга: Калужский областной ИУУ, 2000. 248 с.
5. Ходякова Н.В. Проектирование процесса развития личности учащегося в образовательной среде: исторический опыт и теоретико-психологические основания. Волгоград, 2012. 160 с.
6. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере совершенствования взаимодействия участников образовательного процесса: криминологический взгляд // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 65-73.
7. Анисимова Т.В. Убеждение как метод административного управления: риторический аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2026. № 1 (49). С. 44-50.
8. Ефимов Г.И. Информационно-образовательная среда. Методика экспертной оценки качества информационно-образовательной среды образовательного процесса в военном вузе // Вестник военного образования. 2023. № 1 (40). С. 74-77.
9. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды в условиях новых вызовов и угроз / С.В. Пазухина, И.Л. Федотенко, А.В. Музыченко, С.А. Филиппова. М.: Русайнс, 2024. 204 с.
10. Шашкова А.Н., Лавриненко А.А. Самообразование как необходимая основа успешного формирования профессиональных компетенций обучающихся в вузе // IX Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: Сборник материалов. Пермь, 2023. С. 143-145.
11. Анисимова Т.В. Принципы построения системы ценностей юридического дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 2. С. 5-22.

12. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.

13. Ульяновская Е.В. Деловые игры на примере обучения государственных и муниципальных служащих в Западном филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 189-191.

14. Алексеева А.П., Анисимов А.П. Криминологическое исследование законодательных инициатив, усиливающих ответственность за поиск экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 11-18.

15. Чубай С.А. К вопросу о содержании понятия «коммуникативная компетенция специалиста» // Педагогика современности. 2026. № 1 (35). С. 87-89.

16. Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.

REFERENCES

1. Kovshikova Ye.V. Traditsii i novatsii v obrazovatel'nom protsesse sovremennogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya: kompleksnyy analiz // Innovatsionnyye tekhnologii v pedagogike vysshey shkoly: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. SPb, Peterhof, 2024. S. 129-133.

2. Shashkova A.N., Lavrinenko A.A., Vasil'yeva O.A. Primeneniye situatsionnogo podkhoda v formirovani professional'noy yuridicheskoy kompetentnosti budushchikh sotrudnikov politzii v ramkakh prakticheskikh zanyatiy // Rossiyskiy nauchnyy vestnik. 2025. № 11. S. 453-459.

3. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.

4. Vospitatel'noye prostranstvo kak ob'yekt pedagogicheskogo issledovaniya / Pod red. N.L. Selivanovoy. Kaluga: Kaluzhskiy oblastnoy IUU, 2000. 248 s.

5. Khodyakova N.V. Proyektirovaniye protsessa razvitiya lichnosti uchashchegosya v obrazovatel'noy srede: istoricheskiy opyt i teoretiko-psikhologicheskkiye osnovaniya. Volgograd, 2012. 160 s.

6. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere sovershenstvovaniya vzaimodeystviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: kriminologicheskii vzglyad // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. T. 1. № 4. S. 65-73.

7. Anisimova T.V. Ubezhdeniye kak metod administrativnogo upravleniya: ritoricheskiy aspekt // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2026. № 1 (49). S. 44-50.

8. Yefimov G.I. Informatsionno-obrazovatel'naya sreda. Metodika ekspertnoy otsenki kachestva informatsionno-obrazovatel'noy sredy obrazovatel'nogo protsessa v voyennom vuze // Vestnik voyennogo obrazovaniya. 2023. № 1 (40). S. 74-77.

9. Obespecheniye psikhologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noy sredy v usloviyakh novykh vyzovov i ugroz / S.V. Pazukhina, I.L. Fedotenko, A.V. Muzychenko, S.A. Filippova. M.: Rusayns, 2024. 204 s.

10. Shashkova A.N., Lavrinenko A.A. Samoobrazovaniye kak neobkhodimaya osnova uspeshnogo formirovaniya professional'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya v vuze // IX Pedagogicheskkiye chteniya, posvyashchennyye pamyati professora S.I. Zlobina: Sbornik materialov. Perm', 2023. S. 143-145.

11. Anisimova T.V. Printsipy postroyeniya sistemy tsennostey yuridicheskogo diskursa // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2025. T. 11. № 2. S. 5-22.

12. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KФ СПбУ МВД России, 2022. S. 93-94.

13. Ul'yanovskaya Ye.V. Delovyye igry na primere obucheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v Zapadnom filiale Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy federatsii // Lingvitoricheskaya paradihma: teoreticheskkiye i prikladnyye aspekty. 2020. № 25-1. S. 189-191.

14. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. Kriminologicheskoye issledovaniye zakonodatel'nykh initsiativ, usilivayushchikh otvetstvennost' za poisk ekstremistskikh materialov v seti Internet // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2025. № 3 (74). S. 11-18.

15. Chubay S.A. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «kommunikativnaya kompetentsiya spetsialista» // Pedagogika sovremennosti. 2026. № 1 (35). S. 87-89.

16. Alekseyeva A.P. Professional'nyy sportsmen kak zhertva prestupnykh posyagatel'stv // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2008. № 2 (7). S. 37-44.

© Ходякова Н.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ходякова Н.В. Особенности проектирования личностно-развивающих образовательных сред в вузах МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 112-116.

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,

кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0009-5680-989X

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной

деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала

alexpolyakov1503@mail.ru

Научная статья

УДК 378.147:343.102

КОМБИНИРОВАННОЕ ЗАНЯТИЕ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПО ДИСЦИПЛИНАМ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ЦИКЛА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Образовательный процесс, методика обучения, комбинированное занятие, прогнозирование, прогностические умения, профессиональное мастерство, оперативно-разыскная деятельность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Эффективность профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях МВД России зависит не только от объема осваиваемых курсантами теоретических знаний, но и от качества приобретаемых ими практических умений и навыков. Результаты обучения непосредственно отражаются на их готовности к самостоятельному принятию решений и выполнению служебных заданий. Между тем по итогам анализа данных, полученных в рамках контроля знаний курсантов, было выявлено несоответствие уровней их теоретической и практической подготовки. Это обстоятельство негативно отражается, в частности, на формировании профессионального прогностического мышления будущего оперативного сотрудника. Проведенное автором статьи исследование позволило обнаружить недостаточность подготовки курсантов в части владения навыками прогнозирования, необходимыми для успешной профессиональной деятельности в оперативных подразделениях.

В определенной степени это связано с низким уровнем методической разработанности способов использования таких навыков, что обуславливает потребность в новых подходах к изучению дисциплин оперативно-разыскного цикла. Цель исследования была предопределена необходимостью совершенствования применяемых в образовательном процессе методов и технологий для его оптимизации и приближения к реальным условиям службы сотрудников органов внутренних дел.

Методы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы методы классификации, обобщения, системного анализа и ряд других. **Результаты.** В ходе исследования проведены апробация и оценка методики проведения комбинированных занятий по дисциплинам оперативно-разыскного цикла. Сделан вывод о том, что ее внедрение способствует совершенствованию образовательного процесса и повышению его эффективности. Это позволит повысить уровень подготовки будущих сотрудников оперативных подразделений, в том числе в части развития их профессионально значимых качеств, связанных с реализацией функции прогнозирования.

ВВЕДЕНИЕ

Современная практика подготовки сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел сталкивается с устойчивым противоречием: требования к выпускнику предполагают сформированность навыков профессиональных действий и прогнозирования их последствий, однако традиционная организация образовательного процесса сохраняет разобщенность между видами занятий – лекционными, семинарскими и практическими [1, 2]. Мониторинг результатов обучения по дисциплинам оперативно-разыскного цикла показывает, что временной и содержательный разрыв между теоретическим изложением материала, его обсуждением и последующей практической отработкой препятствует

тому, чтобы обучающиеся смогли переориентироваться с пассивного усвоения информации на активное решение учебно-профессиональных задач. Эта проблема особенно остро проявляется при формировании таких ключевых компетенций, как способность выдвигать версии, планировать раскрытие преступлений и документировать противоправную деятельность (ПК-22, ПК-23, ПК-24), когда необходима непрерывность образовательного процесса в системе «теория – обсуждение – действие». В связи с этим возникает объективная потребность в поиске и обосновании новой формы организации аудиторной работы, которая обеспечила бы возможность тесной интеграции всех трех названных выше компонентов обучения в рамках одного занятия [3, 4].

Alexey V. POLYAKOV,
Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0009-0009-5680-989X
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
alexpolyakov1503@mail.ru

COMBINED LEARNING AS A WAY TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF TRAINING IN THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE CYCLE

KEYWORDS. Educational process, teaching methods, combined learning, forecasting, predictive skills, professional excellence, operational investigative activities.

ANNOTATION. Introduction. The effectiveness of professional training for law enforcement officers at educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia depends not only on the volume of theoretical knowledge acquired by cadets but also on the quality of the practical skills they acquire. Learning outcomes directly impact their readiness to make independent decisions and perform official tasks. However, an analysis of data obtained during cadet knowledge assessment revealed a discrepancy between their theoretical and practical training. This circumstance negatively impacts, in particular, the development of professional predictive thinking in future operational officers. The author's study revealed a deficiency in cadet training in the predictive skills necessary for successful professional work in operational units. To a certain extent, this is due to the lack of methodological development of methods for applying these skills, which necessitates new approaches to the study of operational investigative disciplines. The purpose of the study was determined by the need to improve the methods and technologies used in the educational process to optimize it and bring it closer to the real-life conditions of service of law enforcement officers. **Methods.** The methodological basis of the study was the dialectical method of understanding the surrounding reality. In addition, classification, generalization, systems analysis, and other methods were used. **Results.** The study tested and evaluated a methodology for conducting combined classes in operational investigative disciplines. It was concluded that its implementation will contribute to the improvement of the educational process and increase its effectiveness. This will improve the level of training of future operational unit officers, including in terms of developing their professionally significant qualities related to the implementation of the forecasting function.

Цель исследования, результаты которого представлены в статье, заключалась в анализе степени эффективности разработанной нами комбинированной методики преподавания дисциплин оперативно-разыскного цикла, ориентированной на устранение выявленных в профессиональной подготовке курсантов, обучающихся по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», пробелов.

МЕТОДЫ

Методологическую базу исследования составил диалектический метод познания окружающей действительности. Он способствовал рассмотрению образовательных процессов в развитии, взаимосвязях и противоречиях (например между традиционной формой организации занятий и необходимостью интеграции теоретической и практической подготовки). Общенаучные методы (описание, классификация, обобщение) позволили систематизировать выявленные факты, дать им содержательную интерпретацию и сформулировать общие выводы. Интегративно-деятельностный подход был востребован при разработке динамичной образовательной среды, объединяющей в рамках одного учебного занятия лекционный, семинарский и практический компоненты обучения. Комплексное использование методов обеспечило объективность и достоверность выводов, а также помогло научно обосновать рекомендации

для дальнейшего совершенствования образовательного процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ежедневная педагогическая практика и анализ результатов обучения по дисциплинам оперативно-разыскного цикла¹ свидетельствуют о наличии у курсантов устойчивых трудностей, возникающих в момент перехода от получения теоретических знаний к их практическому применению. Для более глубокого изучения этих трудностей был организован систематический мониторинг знаний. Он позволил объективно оценить уровень усвоения материала и измерить разрыв между лекционной, семинарской и практической частями учебного процесса. Полученные в ходе мониторинга данные не только подтвердили исходное предположение о недостаточной эффективности использования только традиционных форм занятий, но и помогли в конструировании новой формы – комбинированной. Модель организации занятия в такой форме представлена на схеме 1.

По нашему мнению, эта модель включает в себя два основных блока – целевой и процессуальный. Первый объединяет дидактическую и воспитательную цели. Дидактическая цель обеспечивает передачу и усвоение профессиональных знаний и алгоритмов действий [5, с. 127], а воспитательная – формирование необходимых для их ответственного и законного применения в

¹ Речь идет об опыте образовательной деятельности коллектива кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Схема 1. Модель организации комбинированного занятия.

оперативно-служебной деятельности личностных качеств [6, с. 199]. Процессуальный блок состоит из лекционного и семинарско-практического компонентов. Они реализуются во взаимосвязи с педагогическими условиями и принципами, которые обязательны для решения поставленной задачи [7, с. 24].

Лекционный компонент представляет собой краткое, проблемно ориентированное изложение теоретического материала, формирующего основу для освоения обучающимися темы. Содержание лекции структурируется в виде 5-10 тематических фрагментов. Часть из них раскрывает ключевые аспекты изучаемого вопроса, требующие детального рассмотрения; остальные выполняют вспомогательную, пояснительную функцию. Время, отводимое на лекционный компонент, может варьироваться в зависимости от сложности учебного материала.

Семинарско-практический компонент строится на базе группового обсуждения теоретических положений с последующим решением заранее подготовленных ситуационных задач. Тем самым в деятельности обучающихся реализуется принцип последовательного перехода: от теории через ее коллективный анализ к практическому применению полученных знаний. Преподаватель на таком занятии выступает в роли модератора: он задает общий вектор работы и обеспечивает взаимосвязь компонентов процессуального блока.

Для того чтобы рассмотрение теоретических вопросов и групповое обсуждение темы заверша-

лись формированием полноценных профессиональных умений, в структуру комбинированного занятия необходимо включать игровой элемент. Он обеспечивает возможность имитировать (моделировать) осуществление оперативно-служебной деятельности в сжатой, но содержательной форме, что особенно важно в ситуации ограниченного аудиторного времени. Без этого элемента результаты обучения рискуют остаться на уровне «знаю, но не умею применить». Игровая модель решает проблему: она прокладывает мост между пассивным усвоением информации и активным действием в условиях, приближенных к реальным.

При разработке игрового элемента необходимо учитывать ряд обстоятельств. Имитация профессиональной деятельности не может быть развернутой по содержанию – временные рамки занятия этого не позволяют. В основе игрового кейса должна лежать конкретная ситуация: требуется четко описать ее условия, заранее распределить роли и задать линию поведения участников. Задача обучающихся – применить в воспроизводимой модели их будущей профессиональной деятельности полученные знания.

Эффективная реализация комбинированного занятия (включая игровой элемент) невозможна без опоры на *педагогические принципы*. Именно они обеспечивают целостность, последовательность и результативность обучения. Вопрос о наборе таких принципов остается дискуссионным – общепринятого перечня не существует. Тем не менее результаты анализа технологий работы с

формами и методами образовательного процесса, предлагаемыми в исследованиях современных ученых [8, 9, 10, 11], дают возможность выделить ряд принципов, следование которым обеспечит эффективность использования комбинированных занятий в ходе подготовки будущих сотрудников оперативных подразделений.

Первым назовем **принцип проблемности**. Его суть состоит в том, что учебный материал изначально содержит проблему, которая запускает направленную на ее разрешение поисковую активность обучающихся. Тем самым обеспечивается естественный переход от незнания к знанию [12, с. 11]. Проблемность задается посредством моделирования типичных для профессиональной деятельности ситуаций, характеризующихся неполнотой исходных данных или наличием нескольких альтернативных вариантов решения. Ключевая роль в реализации этого принципа на комбинированном занятии принадлежит самим обучающимся, однако направлять их учебную работу должен преподаватель. Проблема, заложенная в материал, выполняет мотивирующую функцию: она побуждает курсантов к активному поиску решения. В результате у них развиваются способности прогнозировать развитие событий и принимать нестандартные решения в ситуациях, приближенных к условиям будущей профессиональной деятельности.

Следующий основополагающий принцип, на который необходимо обратить внимание, – **связь обучения с практикой** [13, с. 568]. Его содержание составляют те реальные события и обстоятельства, с которыми сотрудник оперативного подразделения повседневно сталкивается при выполнении служебных заданий. Реализация этого принципа достигается через приведение примеров из оперативно-служебной деятельности, что, в свою очередь, создает основу для интерактивного элемента занятия [14, с. 118]. Задачи, сформулированные с использованием таких примеров, наглядно демонстрируют связь между изучаемой теорией и ее применением на практике. Это позволяет обучающимся осознать, насколько полезны будут в предстоящей им самостоятельной профессиональной деятельности приобретенные знания. Опора в образовательном процессе на рассматриваемый принцип способствует максимально точному воспроизведению оперативной обстановки, что ведет к более глубокому пониманию материала и повышает эмоциональную вовлеченность курсантов в решение задач. В итоге происходит не просто усвоение теоретических положений, но и формируются первые практические навыки.

Далее обратимся к **принципу совместной деятельности** [15, с. 64]. Он обеспечивает для всех участников занятия возможность свободно общаться, излагать собственную позицию по обсуждаемым вопросам и обмениваться мнениями. Преподаватель, выполняя роль модератора, должен создавать условия, поддерживающие живое общение между обучающимися. Это, в свою очередь, повышает их мотивацию и способствует более прочному усвоению материала. Кроме того, отметим, что высказанная одним курсантом мысль

может побудить другого оспорить ее или поддержать. Это стимулирует продолжение обсуждения. Таким образом, заложенная в модель комбинированного занятия совместная деятельность придает процессу обучения дух здорового соперничества, выражающегося в поиске ответа на поставленный вопрос, что, несомненно, способствует развитию профессиональных навыков.

Организация комбинированного занятия требует соблюдения ряда *педагогических условий*.

Прежде всего это **подготовка методического обеспечения**. Разрабатываемые материалы должны носить проблемный характер, они могут быть представлены в виде примеров из профессиональной деятельности. Часть информации намеренно не включается в текстовое сопровождение: она становится объектом самостоятельного поиска, и ее обнаружение ведет к решению поставленной задачи. Чтобы направить познавательную активность обучающихся и задать вектор поиска, преподаватель использует ориентирующие вопросы: «Что мы можем узнать из определения ...?», «Что вы знаете о ...?», «Как можно описать ...?», «Какие вы знаете виды ...?», «От чего зависит ...?», «В чём смысл ...?», «Для чего необходимо ...?», «Каково предназначение ...?», «В чём заключается необходимость ...?» и др. Следует также предусмотреть возможность того, что обучающиеся изберут неверный путь поиска. В такой ситуации целесообразно посредством совместного обсуждения продемонстрировать ошибочность их выбора. Это поможет в создании на занятии благоприятной среды: в ходе диалога курсанты могут получить ответы на возникшие у них вопросы и глубже освоить учебный материал.

Структура работы с проблемной ситуацией выглядит так. Сначала обучающиеся знакомятся с ней, затем происходят индивидуальный или групповой анализ для выявления оптимальных вариантов решения. Далее осуществляются поиск недостающей информации и ее осмысление. Тем самым подготавливается почва для следующего этапа – переноса проработанного материала в игровую модель, то есть непосредственного применения освоенных знаний. Даже столь непродолжительный (в рамках одного занятия) опыт реализации изученного материала оказывается очень полезным для приобретения обучающимися тех или иных первичных профессионально значимых навыков. Таким образом, в процессуальный компонент занятия заложен метод активного обучения, ориентированный на поиск, обработку и усвоение информации, а также на самостоятельную познавательную деятельность. Он позволяет выявить затруднения, связанные с начальным этапом вхождения обучающегося в профессиональную среду, и способствовать их своевременному преодолению. Сочетание педагогических технологий обеспечивает активную работу курсантов на занятии, дает им возможность проявить себя в поиске ответов на вопросы, побуждает их оценивать свои знания и стремиться к их улучшению.

Другое важное условие – **самостоятельная подготовка обучающихся** [16, с. 68]. Одна из целей обучения будущих специалистов органов внутренних дел – формирование и развитие у них способно-

сти к самостоятельной деятельности. Эта способность является основой становления творческих качеств и познавательной активности, а потому ее проявление очень важно в рамках образовательного процесса. Синхронизация аудиторной и самостоятельной работы оказывается системообразующим фактором реализации компетентного подхода. Особое значение самостоятельная подготовка приобретает при проектировании комбинированных занятий, в ходе которых соединяются обучающие формы разных видов: ориентированные на воспроизведение готового материала (лекция) и интерактивные (семинар, практика). Дело в том, что преподавателю необходимо не только излагать большой объем теоретического материала, но и одновременно развивать у обучающихся навыки критического мышления. Решение проблемы заключается в методически грамотной интеграции самостоятельной подготовки во все фазы комбинированного занятия. Как показали исследования П.И. Пидкасистого [17] и Т.И. Шамоной [18], эффективность такой интеграции прямо пропорциональна степени подготовленности обучающегося к каждой из этих фаз. Самостоятельная подготовка обеспечивает их связанность: предварительное знакомство с материалом повышает отдачу от лекции, заранее проведенный анализ литературы обогащает семинарскую дискуссию, а предварительное решение типовых задач делает проблемно ориентированное содержание практической части занятия более глубоким.

В рамках рассматриваемой нами модели комбинированного занятия реализуются три **ключевые функции** самостоятельной работы обучающихся:

1. Пропедевтическая. Она заключается в предварительном ознакомлении с базовыми понятиями и структурой темы до начала аудиторного занятия. Это создает основу для активного диалога в дальнейшем.

2. Аналитико-синтезирующая. Курсант самостоятельно изучает рекомендованную литературу, сопоставляет позиции различных авторов и формулирует тезисы для выступления или участия в дискуссии.

3. Трансформационная. В ходе практической части комбинированного занятия обучающийся, опираясь на результаты предшествующей самостоятельной подготовки, выполняет задания, моделирующие реальные ситуации профессиональной деятельности [19, с. 46].

Таким образом, в рамках комбинированного занятия самостоятельная подготовка приобретает исследовательский вектор: от воспроизведения готового алгоритма к его модификации. Она превращается в непрерывный, циклический процесс, синхронизированный с каждым из трех компонентов аудиторной работы.

Подводя итог описанию модели комбинированного занятия, следует остановиться на ее преимуществах и ограничениях, выявленных нами при проведении исследования.

Достоинствами комбинированного занятия являются:

1. Целостность и контекстность усвоения. Линейная структура «теория → обсуждение → дейст-

вие» позволяет обучающемуся не только освоить концептуальные основы на лекции, но и сразу осмыслить их посредством участия в диалоге (семинар), а затем апробировать в условно-профессиональной учебной деятельности (практика). Тем самым сокращается разрыв между получением знаний и отработкой навыков, типичный для традиционных форм проведения занятий.

2. Рост познавательной активности и мотивации. Чередование этапов слушания, дискуссии и решения задач предотвращает монотонность занятия и падение уровня внимания. Эффект «быстрой обратной связи» (ответ приходит не через день или даже неделю, а спустя всего несколько минут – в рамках семинарского обсуждения) усиливает подкрепляющую функцию обучения.

3. Экономия учебного времени и ресурсов. Одним занятием охватываются три дидактические цели: ознакомление, углубление и тренировка. Отпадает необходимость в выделении времени на вводный инструктаж к практике, поскольку он органично встроен в лекционную часть занятия.

Среди **недостатков** отметим следующее:

1. Методическая сложность конструирования и увеличение внеаудиторной нагрузки преподавателя. Необходимо синхронизировать три разные логики: линейно-монологическую (лекция), дискуссионно-полилогическую (семинар) и алгоритмически-операционную (практика). Любое смещение по времени – затянувшееся объяснение или спор – ведет к сокращению той или иной части занятия и разрушает его первоначальный замысел.

2. Риск поверхностного освоения материала. В попытке уложиться в регламент преподаватель превращает лекцию в тезисный обзор (теряется глубина), семинар сводится им к череде кратких ответов на вопросы (отсутствует развернутая аргументация), а практика – к выполнению шаблонных заданий. В итоге не формируется ни системная теоретическая база, ни навыков аналитической критики.

3. Перегрузка информационного канала и дефицит внимания. Уплотнение процессов получения знаний и выработки навыков в рамках комбинированного занятия приводит к накопительному утомлению. К началу практического этапа обучающиеся нередко испытывают «пресыщение» учебным материалом, что снижает качество выполнения заданий.

Из этого следует, что наиболее целесообразно использовать рассматриваемый формат обучения в рамках преподавания прикладных дисциплин, которые изучаются на старших курсах вузов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведение итогов исследования показало, что комбинированное занятие, сочетающее лекционный, семинарский и практический компоненты, представляет собой достаточно эффективную образовательную форму для дисциплин оперативно-разыскного цикла. Традиционная разнесенность по времени лекционных, семинарских и практических занятий объективно затрудняет формирование целостных профессиональных навыков у будущих сотрудников оперативных

подразделений органов внутренних дел. Предложенная нами модель («теория – обсуждение – действие» в рамках одного занятия) позволяет сократить разрыв между получением знаний и наработкой навыков. Ее можно рассматривать в качестве эффективной альтернативы традиционным формам организации учебного процесса или их дополнения. Успешность применения данной модели напрямую зависит от соблюдения принципов проблемности, связи с практикой и совместной деятельности, а также от методически грамотной интеграции самостоятельной подготовки обучающихся.

Комбинированное занятие не является универсальным средством решения всех образовательных задач. Его организация и проведение

не лишены рисков (поверхностность, утомление аудитории, высокая нагрузка на преподавателя). Считаем, что такой формат занятий следует использовать в рамках прикладных дисциплин на старших курсах, когда обучающиеся уже обладают базовой теоретической подготовкой.

Перспективы дальнейших исследований, на наш взгляд, связаны с разработкой критериев оценки эффективности комбинированных занятий и изучением возможностей их адаптации к разным темам дисциплин оперативно-разыскного цикла. Кроме того, было бы полезно сравнить результаты обучения, организованного с использованием только традиционных форм, и полученные в условиях эксперимента с внедрением в учебный процесс комбинированных занятий. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова Т.В. Основы методики преподавания риторики юристам: Монография. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. 170 с.
2. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 2018.
4. Ковшикова Е.В. Традиции и новации в образовательном процессе современного учреждения высшего образования: комплексный анализ // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: Материалы международной межвузовской научно-методической конференции. СПб, Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. С. 129-133.
5. Решняк О.А., Алексеева А.П. Использование IT-технологий в раскрытии и расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого современными способами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 125-130.
6. Поляков А.В. Модель формирования прогностических умений средствами симуляционных игровых технологий // Новые научные исследования: Сборник статей международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 199-202.
7. Серых А.Б., Соколова И.А. Образовательная среда, педагогическое пространство и их значение для формирования экологического сознания // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2024. № 3 (69). С. 22-27.
8. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере совершенствования взаимодействия участников образовательного процесса: криминологический взгляд // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 65-73.
9. Гимпельсон Е.Г. Преподавание гуманитарных дисциплин в вузе: баланс нового и традиционного // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции. Тольятти, 2025. С. 85-89.
10. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.
11. Чубай С.А. К вопросу о содержании понятия «коммуникативная компетенция специалиста» // Педагогика современности. 2026. № 1 (35). С. 87-89.
12. Вербицкий А.А. Принцип проблемности в системе контекстного образования // VIII Махмутовские чтения. Интеграция региональной системы профессионального образования в европейское пространство: Сборник научных статей международной научно-практической конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. С. 10-15.
13. Бережнов А.А., Фролова Н.А. К вопросу о методах моделирования предстоящей профессиональной деятельности в рамках внеаудиторной работы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № Т11. С. 566-570.
14. Ерина Т.Ф., Уварова И.В. Интерактивные средства обучения как компонент единой образовательной среды в высшем учебном заведении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4-1. С. 118-119.
15. Ульяновская Е.В. Проблемы и особенности преподавания истории России (из опыта работы в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России) // Общество. Право. Современность. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. С. 63-66.
16. Шашкова А.Н. Самостоятельная подготовка обучающихся вузов системы МВД России: пути повышения эффективности в современных условиях // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса: Материалы всероссийской научно-методической конференции. Вып. 5. Омск: Омская академия МВД России, 2021. С. 66-69.

17. Пидкасистый П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов. М., 2015. 144 с.
18. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. М.: Педагогика, 2019. 208 с.
19. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.

REFERENCES

1. Anisimova T.V. Osnovy metodiki prepodavaniya ritoriki yuristam: Monografiya. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. 170 s.
2. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.
3. Verbitskiy A.A. Aktivnoye obucheniye v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod. M.: Vysshaya shkola, 2018.
4. Kovshikova Ye.V. Traditsii i novatsii v obrazovatel'nom protsesse sovremennogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya: kompleksnyy analiz // Innovatsionnyye tekhnologii v pedagogike vysshey shkoly: Materialy mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. SPb, Peterhof: Voennoy institut (zheleznodorozhnykh voysk i voyennykh soobshcheniy), 2024. S. 129-133.
5. Reshnyak O.A., Alekseyeva A.P. Ispol'zovaniye IT-tekhnologiy v raskrytii i rassledovanii nezakonno sbyta narkoticheskikh sredstv, sovershayemogo sovremennymi sposobami // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2021. № 4 (59). S. 125-130.
6. Polyakov A.V. Model' formirovaniya prognosticheskikh umeniy sredstvami simulyatsionnykh igrovyykh tekhnologiy // Novyye nauchnyye issledovaniya: Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 2021. S. 199-202.
7. Serykh A.B., Sokolova I.A. Obrazovatel'naya sreda, pedagogicheskoye prostranstvo i ikh znachenie dlya formirovaniya ekologicheskogo soznaniya // Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskoye nauki. 2024. № 3 (69). S. 22-27.
8. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere sovershenstvovaniya vzaimodeystviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: kriminologicheskyy vzglyad // Pravovoy poriyadok i pravovyye tsennosti. 2023. T. 1. № 4. S. 65-73.
9. Gimpel'son Ye.G. Prepodavaniye humanitarnykh distsiplin v vuze: balans novogo i traditsionnogo // Tatishchevskiy chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tol'yatti, 2025. S. 85-89.
10. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
11. Chubay S.A. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «kommunikativnaya kompetentsiya spetsialista» // Pedagogika sovremennosti. 2026. № 1 (35). S. 87-89.
12. Verbitskiy A.A. Printsip problemnosti v sisteme kontekstnogo obrazovaniya // VIII Makhmutovskiy chteniya. Integratsiya regional'noy sistemy professional'nogo obrazovaniya v yevropeyskoye prostranstvo: Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan': Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 2021. S. 10-15.
13. Berezhnov A.A., Frolova N.A. K voprosu o metodakh modelirovaniya predstoyashchey professional'noy deyatel'nosti v ramkakh vneauditornoy raboty // Kontsept. 2016. № T11. S. 566-570.
14. Yerina T.F., Uvarova I.V. Interaktivnyye sredstva obucheniya kak komponent yedinoy obrazovatel'noy sredy v vysshem uchebnom zavedenii // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2016. № 4-1. S. 118-119.
15. Ul'yanovskaya Ye.V. Problemy i osobennosti prepodavaniya istorii Rossii (iz opyta raboty v Kaliningradskom filiale Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) // Obshchestvo. Pravo. Sovremennost'. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2024. S. 63-66.
16. Shashkova A.N. Samostoyatel'naya podgotovka obuchayushchikhsya vuzov sistemy MVD Rossii: puti povysheniya effektivnosti v sovremennykh usloviyakh // Sovershenstvovaniye obrazovatel'nykh programm, planirovaniye i realizatsiya uchebnogo protsessa: Materialy vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. Vyp. 5. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. S. 66-69.
17. Pidakasistyy P.I. Organizatsiya uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti studentov. M., 2015. 144 s.
18. Shamova T.I. Aktivizatsiya ucheniya shkol'nikov. M.: Pedagogika, 2019. 208 s.
19. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

© Поляков А.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поляков А.В. Комбинированное занятие как способ повышения эффективности обучения по дисциплинам оперативно-розыскного цикла // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 117-123.

Вячеслав Викторович ШАЛАМОВ,

кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0008-7402-0254

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

начальник кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин

shvv6969@mail.ru

Научная статья

УДК 37.013.83

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Непрерывное образование, пожизненное обучение, образование взрослых, непрерывное профессиональное развитие, образовательная политика, формальное и неформальное образование, человеческий капитал.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В рамках исследования, результаты которого излагаются в статье, был осуществлен теоретико-методологический анализ концепции непрерывного (пожизненного) образования в контексте социальных, экономических и технологических трансформаций современного общества. Рассмотрена эволюция идей непрерывного обучения от античных философских представлений до современных международных доктрин и национальных стратегий. Определена степень разработанности проблемы в отечественной и зарубежной научной литературе, при этом особое внимание уделено трудам последних пяти лет. Выявлены основные теоретические подходы и концептуальные модели. *Методы.* В ходе исследования был задействован комплекс общенаучных методов познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение. *Результаты.* Историческая эволюция концепции непрерывного образования представляет собой сложный нелинейный процесс: от философских интуиций античных мыслителей и педагогических идеалов эпохи Просвещения до современной образовательной парадигмы, которая определяет стратегические приоритеты многих государств и международных организаций. На разных исторических этапах акценты смещались: от идей самореализации личности к концепции развития человеческого капитала. В современной зарубежной науке рассматриваемая тематика проработана достаточно объемно, при этом очевидны существенные пробелы в исследованиях. Значительный теоретический задел есть и у отечественных ученых, однако требуется значительное расширение эмпирической базы. Одним из условий успешного развития системы непрерывного образования является формирование комплексной государственной политики. В ходе исследования уточнены содержательные различия терминов «непрерывное образование», «пожизненное обучение», «образование через всю жизнь», «перманентное образование».

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика непрерывного образования приобретает всё большую значимость в условиях, когда скорость обновления профессиональных знаний существенно опережает темпы их трансляции через традиционные образовательные институты. По различным экспертным оценкам, период полураспада профессиональных компетенций в наукоемких отраслях сократился до трех-пяти лет, тогда как еще в середине двадцатого столетия он составлял порядка двадцати-двадцати пяти лет. Такая динамика ставит под сомнение саму возможность однократного получения образования, достаточного для всей профессиональной траектории индивида, и актуализирует вопрос о системной организации образовательного процесса на протяжении всей жизни человека.

Вместе с тем следует признать, что понятие непрерывного образования, несмотря на его широ-

кое употребление в академическом дискурсе, политических документах и управленческой риторике, остается в значительной степени полисемантическим и концептуально размытым. В англоязычной литературе параллельно используются термины «lifelong learning», «lifelong education», «continuing education», «recurrent education», «permanent education», каждый из которых несет собственные смысловые оттенки и предполагает различные акценты в понимании самого феномена. В отечественной научной традиции также не сложилось единого терминологического аппарата: непрерывное образование, пожизненное обучение, образование через всю жизнь, перманентное образование – все эти выражения нередко употребляются как синонимичные, хотя между ними существуют содержательные различия, заслуживающие специального рассмотрения.

Актуальность проведенного нами исследования, результаты которого представлены в статье,

Vyacheslav V. SHALAMOV,

Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0009-0008-7402-0254

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Yekaterinburg, Russia)

Head of the Department of Philosophy, Psychology and Humanities

shvv6969@mail.ru

CONTINUING EDUCATION IN CONTEMPORARY CONDITIONS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

KEYWORDS. Continuing education, lifelong learning, adult education, continuous professional development, education policy, formal and non-formal education, human capital.

ANNOTATION. Introduction. The article presents a theoretical and methodological analysis of the concept of continuous (lifelong) education in the context of social, economic, and technological transformations of modern society. The article examines the evolution of lifelong learning ideas from ancient philosophical concepts to contemporary international doctrines and national strategies. The paper assesses the extent to which the issue has been addressed in Russian and foreign scientific literature, with particular attention paid to studies of the past five years. Key theoretical approaches and conceptual models are identified. **Methods.** The study utilized a range of general scientific methods: analysis, synthesis, abstraction, and generalization. **Results.** The historical evolution of the concept of continuous education is a complex, nonlinear process, from the philosophical intuitions of ancient thinkers and the pedagogical ideals of the Enlightenment to the modern educational paradigm that defines the strategic priorities of many states and international organizations. At different historical stages, the emphasis has shifted from the ideas of personal self-realization to the concept of human capital development. While this topic has been extensively explored in contemporary international scholarship, significant research gaps remain. Domestic scholars also have significant theoretical groundwork, but the empirical base needs to be significantly expanded. One of the prerequisites for the successful development of a continuous education system is the development of a comprehensive public policy. This study clarified the substantive differences between the terms «continuous education», «lifelong learning», «lifelong education» and «permanent education».

обусловлена объективной потребностью в адаптации образовательных систем к ускоряющимся темпам развития общества, а также необходимостью концептуализации и унификации терминологического аппарата в области непрерывного образования.

МЕТОДЫ

В ходе исследования был задействован комплекс методов познания. Анализ применялся для разбора феномена непрерывного образования на составляющие компоненты. Синтез позволил объединить результаты анализа в целостную концепцию непрерывного образования с учетом современных вызовов. Посредством абстрагирования выделены ключевые сущностные характеристики непрерывного образования без отвлечения на второстепенные детали. Обобщение использовалось при выявлении общих закономерностей развития непрерывного образования в разных странах и социокультурных контекстах. Сравнительный метод применялся для анализа различий в терминологии и их концептуальных оснований.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Генезис идеи непрерывного образования

Истоки представлений о необходимости учения на протяжении всей жизни обнаруживаются в философском наследии Древнего мира. Сократовское понимание философии как непрекращающегося поиска истины, платоновская концепция восхождения к знанию, конфуцианский идеал непрерывного самосовершенствования содержали в себе зерна идеи, которая получит концептуальное оформление значительно позже. Однако было бы методологически некорректно отождествлять античные и средневековые представления о пожизненном учении с современной

концепцией непрерывного образования, поскольку последняя возникла в принципиально ином социально-экономическом контексте и решает иные задачи.

В новоевропейской педагогической мысли идея непрерывности образования обретает более отчетливые контуры. Развивая концепцию непрерывного образования, Ян Амос Коменский в «Пампедии» утверждал, что обучение человека должно быть организовано «от колыбели до гроба» [1, с. 78], предлагая целостную систему образовательных ступеней, соответствующих различным этапам жизненного пути. Константин Дмитриевич Ушинский рассматривал самообразование как необходимое условие развития человека. Он подчеркивал, что без личного труда человек не может двигаться вперед [2, с. 339]. Однако все эти идеи оставались разрозненными и не складывались в целостную картину.

Переломным моментом в становлении концепции непрерывного образования принято считать 60-70-е годы XX века, когда данная проблематика оказалась в фокусе внимания крупнейших международных организаций. Доклад комиссии ЮНЕСКО под руководством Эдгара Форэ «Учиться быть» зафиксировал кризис традиционной образовательной парадигмы и выдвинул идею «обучающегося общества».

Первым сформулировал концепцию перманентного образования, обосновав необходимость превращения непрерывного обучения в норму, Поль Ленгранд, выступивший в 1965 году на Генеральной конференции ЮНЕСКО. По его мнению, человек должен развиваться на протяжении всей жизни, а не ограничиваться периодом формального обучения.

В 1980-90-е годы акценты в понимании непрерывного образования существенно сместились. Если в ранних документах ЮНЕСКО доминировал гуманистический пафос, связанный с идеалами самореализации и демократизации доступа к знаниям, то в документах Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского союза на первый план вышли экономические аргументы.

Меморандум Европейской комиссии определил «lifelong learning» (обучение на протяжении всей жизни) как всю совокупность учебной деятельности, осуществляемой на постоянной основе с целью улучшения знаний, навыков и профессиональной компетенции.

В докладе Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокровище» Жак Делор сформулировал четыре опоры образования: познание, деятельностное освоение мира, совместная жизнь и личностное становление.

Современное состояние разработки проблемы в зарубежной науке

Зарубежные исследования последних пяти лет существенно расширили проблемное поле, перенеся акцент с описательно-концептуального уровня на анализ практик внедрения непрерывного образования в условиях цифровой трансформации, постпандемийной перестройки рынка труда и климатического перехода.

Обзорные работы, опубликованные в журналах «International Review of Education» и «International Journal of Lifelong Education» в 2022-2024 годах, фиксируют формирование нового исследовательского консенсуса, согласно которому традиционная линейная модель «образование – работа – пенсия» окончательно утрачивает объяснительную силу, уступая место представлениям о многократно возобновляемых образовательных циклах [3].

Значительный массив новых публикаций посвящен микроквалификациям как институциональному ответу на запрос гибкости и фрагментарности образовательных траекторий. Исследования, инициированные ЮНЕСКО и Европейской комиссией в 2022-2023 годах, показывают, что короткие сертифицируемые образовательные модули постепенно встраиваются в формальные системы квалификаций, изменяя саму архитектуру признания результатов обучения. Однако ряд авторов, в частности М. Кларк и группа исследователей Университета Дикина, обращают внимание на риски фрагментации образовательного опыта и девальвации академических степеней при чрезмерном увлечении модульными форматами [4].

Отдельным направлением, активно развивающимся после 2020 года, стало изучение влияния пандемии COVID-19 на участие взрослых в образовательных программах. Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о неоднозначности сложившейся картины. Во-первых, у групп, ранее не имевших возможности получать образование, при массовом переходе на дистанционные форматы, она появилась. Во-вторых, происходит усиление цифрового разрыва, технологического, временного неравенства обучающихся.

В трудах Дж. Филда и его коллег отмечается значительное расширение социальной дифференциации в сфере непрерывного образования. При этом ставится под сомнение равенство образовательных возможностей для всех, декларируемое в контексте концепции пожизненного или непрерывного обучения (lifelong learning) [5].

В настоящее время произошло обновление теоретических оснований проблемы. Современные исследователи, основываясь на трудах П. Джарвиса, К. Иллериса и М. Ноулза, развивают новые подходы, которые связаны с обучением в условиях неопределенности, экологической грамотностью, цифровой устойчивостью и психологическим благополучием обучающихся.

Среди исследований последних лет большой интерес вызывают работы, в которых рассматривается степень влияния искусственного интеллекта на образование взрослых. В них речь идет об изменении инструментария обучения, представлений о компетенциях, имеющих профессиональную ценность, в условиях, когда большая часть интеллектуальных операций передается машинным алгоритмам [6].

Критическая традиция в исследованиях непрерывного образования также получила развитие. Авторы, работающие в русле постструктуралистской и неомарксистской методологии, поддерживают доминирующий экономикоцентричный дискурс, в рамках которого пожизненное обучение представляется как безусловное благо. В трудах последних лет показано, что за риторикой непрерывного образования нередко скрывается перенос ответственности за поддержание трудоспособности с государства и работодателя на индивида и превращение обучения из права в обязанность, в результате чего оно становится источником дополнительной тревожности [7].

Состояние изучения проблемы в отечественной науке

В советской и российской научной традиции проблематика непрерывного образования имеет специфическую историю, обусловленную особенностями общественного устройства и образовательной политики. А.П. Владиславлев в работе «Непрерывное образование: проблемы и перспективы» 1978 года рассматривал методологические основы непрерывного образования и предлагал авторский взгляд на то, какие изменения необходимы образовательной системе [8]. Б.С. Гершунский придерживался философии образования, в рамках которой непрерывность воспринималась как сущностная характеристика образовательного процесса, вытекающая из самой природы человеческого познания [9]. А.М. Новиков в работе «Российское образование в новой эпохе» предложил заменить формулу «образование на всю жизнь» на «образование через всю жизнь» [10, с. 198]. В.Г. Онушкин и Е.И. Огарев дали развернутое определение непрерывного образования как пожизненного процесса, обеспечивающего поступательное развитие творческого потенциала личности. С.Г. Вершловский исследовал мотивационные основания участия взрослых в образовательной деятельности [11, с. 70].

Современный этап разработки данной проблематики (2022-2026 годы) характеризуется существенным сдвигом интересов в сторону эмпирического изучения цифровой трансформации непрерывного образования, корпоративного обучения и образования старшего поколения.

Аналитические доклады Института образования НИУ ВШЭ последних лет фиксируют устойчивый рост вовлеченности российских работодателей в организацию обучения сотрудников, однако одновременно отмечают сохраняющееся отставание России от стран Организации экономического сотрудничества и развития по уровню участия взрослого населения в формальных и неформальных образовательных программах. Если в скандинавских странах доля взрослых, ежегодно участвующих в образовательной деятельности, превышает 60%, то в России соответствующий показатель колеблется в пределах 20-25%, что свидетельствует о значительном нереализованном потенциале [12].

По мнению И.В. Осокина, в настоящее время значимым является вопрос о развитии системы непрерывного профессионального образования, ориентированного на подготовку специалиста, способного обеспечить прогресс в своей отрасли. В условиях быстрого развития современного рынка труда требуется работник нового типа, обладающий разносторонними знаниями, отличной специальной подготовкой, активной жизненной позицией, готовностью адаптироваться к новым ситуациям, развиваться и повышать свой образовательный уровень. Всё это указывает на то, что образование должно быть непрерывным, ориентированным на опережающее обучение специалиста, на его углубление его знаний [13].

Исследование А.С. Вантеевой и К.В. Исаевой сфокусировано на теоретическом осмыслении непрерывного образования как тренда последнего десятилетия. Важным выводом, подтвержденным уже имеющимися в современной социологии результатами исследований, стало суждение о том, что возросшая актуальность непрерывного образования напрямую связана с цифровизацией и теми техническими, технологическими и организационными предпочтениями, которыми она обеспечивает образовательную систему [14].

Е.Ю. Игнатъева, О.Н. Шилова, Н.Н. Кузина в своей научной работе анализируют роль психолого-педагогических классов в системе непрерывного педагогического образования, их вклад в допрофессиональную подготовку учащихся [15].

Экспериментальное исследование Н.Ю. Сафонцевой и Ю.Н. Кривенко-Бахмутской направлено на выяснение отношения современных педагогов к непрерывному профессиональному педагогическому образованию, его значимости для личной и профессиональной успешности и изучения функции непрерывного образования в формировании у педагогов ключевых компетенций XXI века [16].

Несмотря на расширение тематического поля, отечественные исследования по-прежнему отличаются дефицитом крупных лонгитюдных проектов, позволяющих отслеживать образовательные траектории взрослых в динамике, а также недо-

статочным вниманием к качественным методам, способным раскрыть субъективные смыслы образовательной деятельности.

Демографические и социальные факторы развития непрерывного образования

Демографические процессы выступают мощным фактором, определяющим перспективы непрерывного образования. Старение населения, увеличение продолжительности активной жизни, повышение пенсионного возраста создают объективную потребность в образовательном сопровождении людей на поздних этапах их профессиональной карьеры и после выхода на пенсию. Если несколько десятилетий назад образование пожилых людей рассматривалось преимущественно как форма досуга, то сегодня оно приобретает выраженное экономическое значение, так как обеспечивает сохранение профессиональной пригодности работников старшего возраста и их адаптацию к новым технологиям.

Образование людей старшего возраста сопряжено со специфическими трудностями, не всегда учитываемыми при проектировании образовательных программ. Возрастные изменения когнитивных функций требуют адаптации методов обучения и опоры на богатый жизненный опыт обучающихся. Распространенные стереотипы относительно неспособности пожилых к обучению действуют как самосбывающееся пророчество, подавляя их образовательную мотивацию. При надлежащей организации учебного процесса представители старших возрастных групп успешно осваивают новые знания и навыки, в том числе в сфере цифровых технологий, что подтверждается результатами зарубежных и отечественных исследований последних лет.

Другим значимым социальным фактором выступает миграция. Мигранты составляют специфическую целевую группу непрерывного образования, нуждающуюся в языковой подготовке, профессиональной переквалификации и социокультурной адаптации. Опыт Германии, Швеции и Канады свидетельствует об экономической оправданности инвестиций в образование мигрантов, поскольку они существенно ускоряют интеграцию в рынок труда. В российских условиях эта проблематика приобретает особую остроту в связи с масштабной трудовой миграцией из стран Центральной Азии, однако система образовательного сопровождения мигрантов остается фрагментарной.

Трансформация семейных моделей и гендерных ролей также влияет на структуру участия в непрерывном образовании. Возвращение женщин к профессиональной деятельности после перерыва, связанного с воспитанием детей, нередко требует обновления компетенций. Программы поддержки возвращения на рынок труда после длительного перерыва получили заметное развитие в ряде европейских стран, тогда как в России эта ниша заполнена далеко не в полной мере.

Перспективы развития непрерывного образования

Рассмотрение перспектив развития непрерывного образования сопряжено с высокой степенью

неопределенности, обусловленной динамичностью социальных, экономических и технологических процессов. Тем не менее можно выделить ряд тенденций, которые, по всей вероятности, будут определять облик непрерывного образования в ближайшие десятилетия.

Одной из ключевых тенденций является персонализация образовательных траекторий. Переход от стандартизированных массовых программ к индивидуализированным маршрутам обучения, учитывающим предшествующий опыт и текущие потребности обучающегося, становится возможным благодаря развитию цифровых технологий, аналитики данных и искусственного интеллекта. Концепция индивидуального образовательного портфеля, включающего результаты формального, неформального и информального обучения, в ряде стран постепенно обретает практическое воплощение. Технология распределенных реестров рассматривается как перспективный инструмент для создания надежных и верифицируемых цифровых записей образовательных достижений.

Другой значимой тенденцией является размывание границ между образованием и трудовой деятельностью. Модель, в которой человек сначала получает образование, а затем работает, уступает место другой модели: обучение и работа переплетаются и чередуются на протяжении всей профессиональной жизни.

Концепция обучения на рабочем месте (workplace learning) предполагает, что оно может и должно выступать полноценной образовательной средой, а не только местом применения ранее полученных знаний. Распространение проектных форм организации труда, удаленной и гибридной занятости, фриланса и гиг-экономики создает новые контексты для обучения, но одновременно ставит и вопрос о том, кто несет ответственность за обеспечение образовательных возможностей для работников, не связанных с конкретным работодателем устойчивыми трудовыми отношениями.

Экологическая повестка формирует новое содержательное измерение непрерывного образования. Концепция образования для устойчивого развития, продвигаемая ЮНЕСКО, предполагает, что образовательные программы на всех уровнях, включая образование взрослых, должны способствовать формированию экологического сознания и готовности к участию в решении глобальных экологических проблем. В контексте «зеленого перехода» непрерывное образование призвано обеспечить массовую переподготовку работников отраслей, подлежащих трансформации, а также подготовку кадров для новых секторов экономики.

Перспективным направлением представляется развитие образовательных экосистем, объединяющих различных провайдеров образовательных услуг в рамках взаимосвязанных сетей, обеспечивающих многообразие образовательных возможностей и гибкость переходов между формами обучения. Концепция образовательной экосистемы исходит из того, что ни один отдельно взятый институт не способен удовлетворить всю совокупность образовательных потребностей современ-

ного человека, и эффективная система непрерывного образования может быть построена только на основе партнерства и взаимодополняемости различных участников. В российских условиях формирование таких экосистем сталкивается с рядом препятствий, среди которых ведомственная разобщенность, недостаточная развитость механизмов государственно-частного партнерства в образовании, слабость горизонтальных связей между образовательными организациями, а также сохраняющееся доминирование формального образования в иерархии ценностей как населения, так и работодателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты теоретико-методологического анализа позволяют сделать ряд обобщающих выводов. Концепция непрерывного образования прошла длительный путь развития от философских интуиций и педагогических идеалов до полноценной образовательной парадигмы, определяющей стратегические приоритеты многих государств и международных организаций. Этот путь не был линейным: на различных этапах менялись акценты, доминирующие обоснования и институциональные формы реализации. Гуманистическая традиция, связанная с идеалами самореализации, и экономическая традиция, акцентирующая развитие человеческого капитала, сосуществуют в рамках единого дискурса, но находятся в сложных, подчас конфликтных отношениях.

Одной из заявленных во введении задач было уточнение и разведение значений терминов, употребляемых в литературе в качестве синонимичных. Проведенный нами анализ показывает, что они отнюдь не равнозначны и фиксируют разные грани одного феномена.

Термин «непрерывное образование» (continuing education) в отечественной традиции преимущественно акцентирует институциональный аспект – наличие согласованной системы образовательных учреждений и программ, обеспечивающих преемственность ступеней обучения от детства до зрелого возраста. Этот термин ближе всего к структурно-системному пониманию изучаемого нами феномена.

Термин «пожизненное обучение» (lifelong learning), укоренившийся в международных документах последних десятилетий, переносит акцент с системы на субъекта. В центре внимания оказывается обучающийся индивид и его образовательная активность, охватывающая формальные, неформальные и информальные практики.

В отечественной научной литературе понятие «образование через всю жизнь» применяется чаще всего, как дословный перевод на русский язык концепта «lifelong learning». Соответствующий термин используется, как правило, для обозначения временной протяженности образовательного процесса, который охватывает всю жизнь человека.

Из работ П. Ленграна, а также документов ЮНЕСКО 1960-1970-х годов в научное обращение перекачивала дефиниция «перманентное образование» (permanent education), которая обуславливает идею непрерывного образования человека

как способ существования, состояния бытия. В настоящее время термин постепенно вытесняется концептом «lifelong learning», при этом всё ещё сохраняет свою ценность в качестве своего рода радикальной трактовки идеи непрерывного образования.

Таким образом, рассматриваемые термины не являются синонимами. У каждого из них свое смысловое поле, в рамках которого каждый из них выражает определенный ракурс исследования изучаемого нами феномена. Корректное обращение с этими терминами предполагает осознание содержательных различий между ними и их использование в соответствии с конкретными исследовательскими задачами.

Современный этап развития концепции непрерывного образования характеризуется существенным обновлением научной повестки. На первый план выходят проблемы цифровой трансформации образования взрослых, последствий пандемии для образовательной активности, микроквалификаций и модульных форматов, влияния генеративного искусственного интеллекта на содержание и методы обучения, образовательного неравенства и психологического благополучия обучающихся. Российские исследования последних лет,

несмотря на имеющиеся достижения, по-прежнему нуждаются в усилении эмпирической составляющей и в развитии лонгитюдных проектов, способных зафиксировать реальные образовательные траектории взрослых россиян.

Перспективы развития непрерывного образования связаны с персонализацией образовательных траекторий, размыванием границ между обучением и трудовой деятельностью, экологизацией образовательного содержания и формированием образовательных экосистем. Реализация этих перспектив требует скоординированных усилий государства, работодателей, образовательных организаций и самих обучающихся, а также преодоления ряда существенных препятствий, среди которых асимметрия образовательных возможностей различных социальных групп, ведомственная разобщенность, недостаточная развитость механизмов признания результатов неформального и информального обучения. В российских условиях задача формирования полноценной системы непрерывного образования сохраняет статус стратегического приоритета, требующего как концептуального осмысления, так и практической реализации на основе данных современных эмпирических исследований. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 576 с.
2. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. 776 с.
3. Boeren E., Roumell E.A., Roessger K.M. COVID-19 and the Future of Adult Education: An Editorial // *Adult Education Quarterly*. 2020. Vol. 70. № 3. P. 201-204.
4. Clarke M., Sawatsky M., Pollard V. Microcredentials and the Reconfiguration of Higher Education // *Higher Education Research & Development*. 2024. Vol. 43. № 2. P. 287-301.
5. Field J. Lifelong Learning after the Pandemic: Inequalities and New Possibilities // *International Journal of Lifelong Education*. 2023. Vol. 42. № 4. P. 345-360.
6. Selwyn N. On the Limits of Artificial Intelligence (AI) in Education // *Nordic Journal of Studies in Educational Policy*. 2024. Vol. 10. № 1. P. 3-14.
7. Biesta G. *World-Centred Education: A View for the Present*. London: Routledge, 2022. 144 p.
8. Владиславлев А.П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы. М.: Молодая гвардия, 1978. 175 с.
9. Гершунский Б.С. *Философия образования для XXI века*. М.: Педагогическое общество России, 2002. 512 с.
10. Новиков А.М. *Российское образование в новой эпохе: парадоксы наследия, векторы развития*. М.: Эгвес, 2000. 272 с.
11. Вершловский С.Г. Непрерывное образование как фактор социализации // *Новые знания*. 2001. № 1.
12. *Российское образование: достижения, вызовы, перспективы: аналитический доклад* / Под ред. Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 282 с.
13. Осокин И.В. Непрерывное образование как важная составляющая современной системы образования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология*. 2022. Т. 22. № 2. С. 213-217.
14. Вантеева А.С., Исаева К.В. Непрерывное образование как один из трендов цифрового десятилетия // *Социодинамика*. 2023. № 10. С. 34-43.
15. Игнатьева Е.Ю., Шилова О.Н., Кузина Н.Н. Психолого-педагогические классы: факты, проблемы, потенциал (Петербургский опыт) // *Непрерывное образование: XXI век. Научный электронный журнал*. 2024. Вып. 1.
16. Сафонцева Н.Ю., Кривенко-Бахмутская Ю.Н. Непрерывное образование как условие профессиональной успешности педагогов в XXI веке // *Непрерывное образование: XXI век. Научный электронный журнал*. 2025. Вып. 1.

REFERENCES

1. Komenskiy Ya.A. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya: v 2 t. T. 2*. M.: Pedagogika, 1982. 576 s.
2. Ushinskiy K.D. *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii* // *Sobr. soch.: v 11 t. T. 8. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1950. 776 s.*

3. Boeren E., Roumell E.A., Roessger K.M. COVID-19 and the Future of Adult Education: An Editorial // *Adult Education Quarterly*. 2020. Vol. 70. № 3. P. 201-204.
4. Clarke M., Sawatsky M., Pollard V. Microcredentials and the Reconfiguration of Higher Education // *Higher Education Research & Development*. 2024. Vol. 43. № 2. P. 287-301.
5. Field J. Lifelong Learning after the Pandemic: Inequalities and New Possibilities // *International Journal of Lifelong Education*. 2023. Vol. 42. № 4. P. 345-360.
6. Selwyn N. On the Limits of Artificial Intelligence (AI) in Education // *Nordic Journal of Studies in Educational Policy*. 2024. Vol. 10. № 1. P. 3-14.
7. Biesta G. *World-Centred Education: A View for the Present*. London: Routledge, 2022. 144 p.
8. Vladislavlev A.P. *Nepreryvnoye obrazovaniye: problemy i perspektivy*. M.: Molodaya gvardiya, 1978. 175 s.
9. Gershunskiy B.S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka*. M.: Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii, 2002. 512 s.
10. Novikov A.M. *Rossiyskoye obrazovaniye v novoy epokhe: paradoksy naslediya, vektory razvitiya*. M.: Egves, 2000. 272 s.
11. Vershlovskiy S.G. *Nepreryvnoye obrazovaniye kak faktor sotsializatsii* // *Novyye znaniya*. 2001. № 1.
12. *Rossiyskoye obrazovaniye: dostizheniya, vyzovy, perspektivy: analiticheskiy doklad* / Pod red. Ya.I. Kuz'minova, I.D. Frumina. M.: NIU VShE, 2019. 282 s.
13. Osokin I.V. *Nepreryvnoye obrazovaniye kak vazhnaya sostavlyayushchaya sovremennoy sistemy obrazovaniya* // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. 2022. T. 22. № 2. S. 213-217.
14. Vantyayeva A.S., Isayeva K.V. *Nepreryvnoye obrazovaniye kak odin iz trendov tsifrovogo desyatiletiya* // *Sotsiodinamika*. 2023. № 10. S. 34-43.
15. Ignat'yeva Ye.Yu., Shilova O.N., Kuzina N.N. *Psikhologo-pedagogicheskiye klassy: fakty, problemy, potentsial (Peterburgskiy opyt)* // *Nepreryvnoye obrazovaniye: XXI vek. Nauchnyy elektronnyy zhurnal*. 2024. Vyp. 1.
16. Safontseva N.Yu., Krivenko-Bakhmutsкая Yu.N. *Nepreryvnoye obrazovaniye kak usloviye professional'noy uspeshnosti pedagogov v XXI veke* // *Nepreryvnoye obrazovaniye: XXI vek. Nauchnyy elektronnyy zhurnal*. 2025. Vyp. 1.

© Шаламов В.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шаламов В.В. Непрерывное образование в современных условиях: теоретико-методологический анализ и перспективы развития // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2026. № 2 (84). С. 124-130.

Владимир Анатольевич ГЛУБОКИЙ,
кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0000-0003-4141-9011
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)
заместитель начальника кафедры огневой подготовки
Glubokiy@mail.ru

Научная статья
УДК [37.013.83:796.015.1]:351.74

СБОРНИК НОРМАТИВОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сборник нормативов, научно-педагогическое исследование, компетенции сотрудника полиции, результат выполнения нормативов, теория оценки результатов, критерии оценивания подготовки, прикладные двигательные навыки.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В обучении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации востребован практико-ориентированный подход. В настоящее время сохраняется актуальность вопросов формирования и совершенствования в рамках профессиональной служебной и физической подготовки прикладных двигательных навыков полицейских. Предлагаемые им для отработки на занятиях упражнения воспроизводят действия, которые необходимо осуществлять при исполнении должностных обязанностей. Систематическое выполнение таких упражнений способствует автоматизации двигательных навыков, что в дальнейшем обеспечит возможность уверенно и безопасно обращаться с огнестрельным оружием, применять боевые приемы борьбы и специальные средства, решать тактические задачи, оказывать первую помощь пострадавшим. Сборник нормативов призван оптимизировать профессиональную служебную и физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел. *Методы.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, был осуществлен анализ методических, научных и учебных материалов, а также нормативных актов. При разработке новых и усовершенствовании существующих нормативов использовались математические методы обработки количественных данных. Для достижения поставленной цели изучался опыт отработки нормативов в ведомственных организациях МВД России, других правоохранительных органов и силовых структур. *Результаты.* Итогом научно-педагогического исследования стал сборник материалов по профессиональной служебной и физической подготовке. Практическая ценность сборника заключается в том, что успешная сдача представленных в нем нормативов свидетельствует о компетентности сотрудника полиции. Научная новизна исследования обусловлена тем, что теория оценки результатов образовательного процесса дополнена новыми нормативами и критериями оценивания временных и количественных показателей выполнения упражнений проходящими профессиональную подготовку полицейскими.

ВВЕДЕНИЕ

Целью профессиональной служебной и физической подготовки (далее – ПСиФП) в системе МВД России является поддержание и совершенствование необходимых для решения служебных и служебно-боевых задач компетенций у сотрудников органов внутренних дел¹ (далее – ОВД). В настоящее время весьма актуальны разработка и реализация иннова-

ционных подходов к повышению готовности полицейских к эффективному осуществлению служебной деятельности. Множество научных публикаций посвящено данной тематике. Их содержание свидетельствует о необходимости и приоритетности практико-ориентированного подхода к процессам обучения, подготовки и переподготовки сотрудников ОВД [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

¹ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

Vladimir A. GLUBOKIY,

Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor, ORCID 0000-0003-4141-9011

Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnoyarsk, Russia)

Deputy Head of the Department of Fire Training

Glubokiy@mail.ru

COLLECTION OF STANDARDS FOR PROFESSIONAL SERVICE AND PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AS A RESULT OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL RESEARCH

KEYWORDS. Collection of standards, scientific pedagogical research, police officer competencies, results of standards implementation, performance assessment theory, training assessment criteria, applied motor skills.

ANNOTATION. Introduction. A practice-oriented approach is in demand in the training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Currently, the development and improvement of applied motor skills of police officers within the framework of professional service and physical training remains relevant. The exercises offered to them for practicing in classes reproduce the actions that must be performed in the performance of official duties. Systematic performance of such exercises contributes to the automation of motor skills, which will subsequently ensure the ability to confidently and safely handle firearms, use combat techniques and special means, solve tactical problems, and provide first aid to victims. A collection of standards is designed to optimize the professional service and physical training of employees of the internal affairs bodies. **Methods.** The study, the results of which are presented in the article, analyzed methodological, scientific and educational materials, as well as regulatory acts. In the development of new standards and improvement of existing ones, mathematical methods of processing quantitative data were used. To achieve this goal, the experience of developing standards in departmental organizations of the Ministry of the Interior of Russia, other law enforcement agencies and security agencies was studied. **Results.** The scientific and pedagogical study resulted in a collection of materials on professional service and physical training. The practical value of this collection lies in the fact that successful completion of the standards presented therein demonstrates the competence of a police officer. The scientific novelty of the study stems from the fact that the theory of assessing the results of the educational process has been supplemented with new standards and criteria for assessing the time and quantitative performance of exercise participants in professional police training.

Некоторые проблемы, препятствующие оптимизации этих процессов, по нашему мнению, связаны с тем, что в системе МВД России не было разработано сборника материалов, в котором были бы сведены воедино базовые нормативы по физической, огневой, тактической и медицинской подготовке. Это обстоятельство усложняет проведение учебных занятий по основным видам профессиональной подготовки в территориальных ОВД. Считаем, что использование такого сборника облегчило бы проведение занятий по ПСиФП, помогло бы усилить их практическую направленность. Кроме того, его материалы способствовали бы выработке единого подхода к процедуре оценивания профессиональных компетенций (по таким компонентам, как физическая, тактическая, огневая подготовка, тактическая медицина).

Идея подготовить сборник нормативов возникла в 2023 году в результате анализа опыта проведения практических и семинарских занятий, а также предложений, сформулированных рядом ученых в статьях и докладах на научных конференциях. В соответствии с п. 32 плана-графика научной деятельности Сибирского юридического института МВД России на 2026 год было проведено научно-педагогическое исследование. Его итогом стал сборник нормативов по ПСиФП, разработанный авторским коллективом, в который вошли представители трех кафедр вуза – огневой, физической, тактико-специальной подготовки.

В течение 2025 года проводились сбор необходимой информации по теме исследования, анализ литературы и нормативно-правовых актов, консультации со специалистами по тактической медицине. В 2026 году осуществлен отбор базовых нормативов, которые должны уметь выполнять сотрудники территориальных ОВД (выявлены на основании положений Приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»). В ходе исследования были усовершенствованы существующие нормативы по физической, огневой и тактической подготовке, а также разработаны новые. Все они включены в сборник.

Количественные данные, полученные во время оценивания результатов выполнения нормативов, подвергнуты компьютерной обработке средствами программы «Microsoft Excel». Были рассчитаны среднее значение и стандартное отклонение по каждому нормативу. Использование стандартного отклонения позволило разработать шкалы оценивания. В научно-педагогическом исследовании приняло участие 609 обучающихся образовательной организации МВД России: 480 курсантов и слушателей, а также 129 сотрудников территориальных ОВД, проходивших обучение по программам повышения квалификации.

МЕТОДЫ

В целях сбора информации по теме исследования изучены нормативно-правовые акты, кото-

рые регламентируют профессиональную подготовку (физическую, огневую, тактическую и медицинскую) в системе МВД России. Подробно рассмотрена концепция разработки нормативов по ПСиФП, проанализированы научные и учебные работы, раскрывающие способы расчета шкал оценивания служебно-прикладных двигательных действий, умений и навыков. Из массива нормативов, используемых в рамках подготовки кадров для силовых структур, отобраны наиболее приемлемые для сотрудников ОВД. Часть нормативов, представленных в сборнике, разработана подготовившим его авторским коллективом. Все материалы основываются на опыте реализации программ профессионального обучения в системе МВД России. Учтена и необходимость подготовки сотрудников к несению службы в особых условиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Предварительно все нормативы прошли апробацию в рамках занятий по учебным дисциплинам «Физическая подготовка», «Огневая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел», «Учения», «Основы профессиональной деятельности», «Первая помощь». В ходе исследования были скорректированы временные и количественные показатели выполнения нормативов. Авторский коллектив посчитал целесообразным включить в сборник нормативы, заимствованные из физкультурно-спортивного комплекса ГТО. Они позволяют оценивать базовые физические качества сотрудников ОВД, не противоречат содержанию физподготовки, положительно коррелируют с контрольными упражнениями и могут выступать в качестве ориентиров для дальнейшего развития и повышения уровня профессиональной подготовленности. В результате исследования была подготовлена научная продукция в виде сборника нормативов по ПСиФП для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Изучение публикаций Н.В. Астафьева, А.Н. Григорьева [9, 10], А.И. Давиденко [11] Л.А. Платонова [12], А.С. Попова [13] позволило установить, что многократное выполнение упражнений с боевым ручным стрелковым оружием без производства выстрела (вхолостую), а также систематическая тренировка по отработке нормативов по огневой подготовке способствуют формированию и совершенствованию у обучающихся навыков умелого обращения с огнестрельным оружием. При этом было обращено внимание на такой аспект тренировки, как обеспечение безопасности. Не вызывает сомнений важность формирования навыков безопасного обращения с оружием (в том числе и в контексте профилактики и предупреждения несчастных случаев среди сотрудников ОВД).

На необходимость реализации практико-ориентированного обучения на основе использования нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции, указывает Н.В. Астафьев [9, 10]. В своих научных трудах он представил способы разработки таких нормативов (были использованы авторским коллективом при составлении сборника). Н.В. Астафьев предложил закрепить для личного состава МВД России нормативы наподобие тех, которые внедрены в практику войск национальной гвардии Российской Федерации¹. При этом, по его мнению, следует учитывать уровень подготовленности среднестатистического сотрудника полиции.

Во многих изученных нами источниках указывается на актуальность применения метода ситуационного моделирования для формирования навыков использования ручного стрелкового оружия. Позитивный эффект достигается благодаря проведению занятий в учебной тактической обстановке, имитирующей различные ситуации служебно-боевой деятельности.

Анализ учебника «Первая медицинская помощь» 2008 года, подготовленного Н.Н. Величко и Л.А. Кудричем², показал, что его содержание соответствует современным требованиям. В учебнике представлены нормативы по оказанию первой помощи. Они сохраняют свою актуальность, если исходить при их оценке из положений рекомендованного в 2022 году Министерством обороны Российской Федерации стандарта оказания первой помощи военнослужащими вооруженных сил³. Материалы учебника были использованы авторским коллективом сборника нормативов по ПСиФП при его составлении.

Полезными в контексте проведенного нами исследования оказались материалы монографии «Тактические стандарты применения сотрудниками полиции мер физического принуждения», подготовленной в Нижегородской академии МВД России [14]. Применение концептуального подхода к разработке нормативных требований, предъявляемых к контрольным упражнениям по общей физической подготовке сотрудников органов внутренних дел, предложенного в статье С.В. Кузнецова и А.Н. Волкова [15], способствовало разработке и усовершенствованию нормативов по ПСиФП.

Вышеназванные издания были использованы при подготовке заключительного отчета о научно-исследовательской работе «Сборник нормативов по профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». В этой работе получила логическое продолжение реализация идей, сформулированных в рамках научно-педагогического исследования, посвященного вопросам обучения

¹ Сборник нормативов по боевой, профессиональной служебной и физической подготовке войск национальной гвардии Российской Федерации. М.: Главное управление подготовки войск (сил) Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2020. 278 с.

² Величко Н.Н., Кудрич Л.А. Первая медицинская помощь: Учебник. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 624 с.

³ Стандарт оказания первой помощи военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации при выполнении задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны: Методические рекомендации. М.: Главное военно-медицинское управление Министерства обороны Российской Федерации, 2022. 116 с.

сотрудников полиции упражнениям стрельб «первый выстрел»¹.

Отметим также вклад в подготовку сборника, внесенный сотрудниками кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России. С их участием проводились отбор и усовершенствование нормативов по тактической медицине, топографической, служебной и тактико-специальной подготовке, а также упражнений, ориентированных на развитие памяти.

Результатом научно-педагогического исследования стал сборник нормативов по ПСиФП, предназначенный для сотрудников органов внутренних дел. В него включены методические указания по организации и проведению тренировок по выполнению нормативов по физической, огневой, тактической подготовке, тактической медицине. Описаны условия и порядок выполнения упражнений, указаны категории обучающихся, для которых они предназначены, сформулированы требования по оценке результатов.

В качестве примера рассмотрим шкалу оценивания для норматива «Смена магазина из различных положений для автомата». Она была усовершенствована в ходе исследования. Время, отводимое на выполнение норматива в положении стоя, – 10 секунд. Сотрудники территориальных ОВД (129 человек), курсанты и слушатели образовательной организации (480 человек) справились в среднем за 6,9 секунды. Для удобства расчетов этот показатель был округлен до 7 секунд. Среднеквадратичное отклонение (σ) для 609 человек, выполнивших норматив, составило 0,7. Для упрощения дальнейших вычислений стандартное отклонение было увеличено до 1. В итоге определено, что оценка «отлично» должна выставляться, если время, затраченное на выполнение норматива, не превысило 6 секунд. Это позволило разработать четырехбалльную шкалу оценивания (норматив № 6 для автомата, положение для стрельбы стоя): «отлично» – 6 секунд; «хорошо» – 7 секунд; «удовлетворительно» – 8 секунд; «неудовлетворительно» – более 8 секунд, а также в случае нарушения мер безопасности при обращении с оружием или невыполнения прищельного выстрела (может быть холостым). По этой шкале оценку «отлично» получили 7% сотрудников ОВД и обучающихся, принявших участие в научно-педагогическом исследовании, «хорошо» – 28%, «удовлетворительно» – 65%.

Вместе с тем следует обратить внимание на мнение представителей кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России. Они отметили, что разработанный в ходе исследования сборник нормати-

вов существенно облегчает им оценивание результатов обучения по разделам тактической подготовки, способствует выработке единого подхода к оценке учебной деятельности обучающихся. Кроме того, сборник позволяет затрачивать меньше времени на подготовку к учебным занятиям, на составление заданий для курсантов и слушателей образовательной организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Систематическая отработка выполнения нормативов способствует закреплению у сотрудников ОВД специализированных двигательных навыков. Тренировки позволяют добиться кумулятивного эффекта, обеспечивающего достижение необходимого результата. На этапе совершенствования уже сформированных базовых навыков целесообразно усложнять задания. Например, можно предложить обучающимся комплексное упражнение: неполная разборка пистолета, сборка после неполной разборки, снаряжение магазина. Объединяются три норматива, что способствует дальнейшему развитию профессиональных двигательных компетенций полицейского.

На основании результатов исследования мы приходим к выводу о том, что соблюдение общих педагогических принципов (систематичности, доступности и последовательности обучения) и методическая подготовленность руководителя занятия (преподавателя, инструктора) обеспечивают условия для успешного формирования у сотрудников ОВД устойчивых двигательных навыков в рамках профессиональной служебной и физической подготовки.

Длительность проведения исследовательской работы, большое количество испытуемых, использование методов математической статистики, апробация результатов в образовательном процессе позволяют утверждать, что нормативы, вошедшие в разработанный нами сборник, информативны, достоверны и полноценно обеспечивают развитие необходимых профессиональных компетенций у сотрудников ОВД.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что теория оценки результатов образовательного процесса дополнена новыми нормативами и критериями оценивания временных и количественных показателей выполнения упражнений проходящими профессиональную подготовку полицейскими. Практическая ценность разработанного сборника заключается в том, что успешная сдача представленных в нем нормативов свидетельствует о компетентности сотрудника полиции. Кроме того, он может быть использован для совершенствования профессиональной служебной и физической подготовки в системе МВД России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Селезнев В.И. Оптимизация процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции: параметры, педагогические условия и этапы оптимизации // Полицейская деятельность. 2024. № 1. С. 42-51.
2. Россошик С.Л., Фасхутдинова А.В. О некоторых актуальных вопросах профессиональной подготовки сотрудников полиции в современных условиях // Закон и право. 2023. № 1. С. 214-216.

¹ Обучение сотрудников полиции упражнениям стрельб «первый выстрел». Заключительный отчет о НИР. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2025. 29 с. № 001251393.

3. Скляренко И.С. Практико-ориентированный подход в подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2022. № 3 (20). С. 93-99.
4. Шипунова О.В. Особенности реализации практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2024. № 2 (23). С. 128-133.
5. Денисова А.Ю. Готовность к профессии «Полицейский» как результат успешной практической деятельности будущих специалистов ОВД // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 250-260.
6. Шанько В.В., Лапшин И.Е. Особенности развития профессиональных компетенций сотрудников полиции в системе ДПО // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3 (202). С. 501-502.
7. Морщакина М.С., Балынская Н.Р. Практико-ориентированные методы обучения в высших учебных заведениях Министерства внутренних дел Российской Федерации в условиях нестабильной ситуации // Инновационное развитие профессионального образования. 2025. № 4 (48). С. 68-74.
8. Шулепин М.В. Дополнительное профессиональное образование в системе МВД России: проблемы, решения, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2024. № 2 (51). С. 85-94.
9. Астафьев Н.В. Нормирование способов действий сотрудников органов внутренних дел с применением средств физического принуждения: Монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020. 176 с.
10. Астафьев Н.В., Григорьев А.Н. Нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции в обеспечении практико-ориентированного содержания профессиональных образовательных программ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 156-167.
11. Давиденко А.И., Уматкулова Р.Р. Формирование навыков безопасного и умелого обращения с оружием при выполнении нормативов по огневой подготовке // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 422-424.
12. Платонов Л.А. Целесообразность выполнения упражнений с оружием без производства выстрела (вхолостую) // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. С. 130-133.
13. Попов А.С. Формирование навыков обращения с огнестрельным оружием («холостая тренировка») для несения службы в особых условиях // Актуальные проблемы противодействия экстремизму, русофобии и украинскому неонацизму: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2024. С. 188-192.
14. Кузнецов С.В., Волков А.Н., Розов В.В., Васина О.А. Тактические стандарты применения сотрудниками полиции мер физического принуждения: Монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2026. 234 с.
15. Кузнецов С.В., Волков А.Н. Концептуальный подход к разработке нормативных требований и номенклатуры контрольных упражнений общей физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2024. № 4. С. 35-40.

REFERENCES

1. Seleznev V.I. Optimizatsiya protsessa professional'noy podgotovki sotrudnikov politsii: parametry, pedagogicheskiye usloviya i etapy optimizatsii // Politseyskaya deyatel'nost'. 2024. № 1. S. 42-51.
2. Rossoshik S.L., Faskhutdinova A.V. O nekotorykh aktual'nykh voprosakh professional'noy podgotovki sotrudnikov politsii v sovremennykh usloviyakh // Zakon i pravo. 2023. № 1. S. 214-216.
3. Sklyarenko I.S. Praktiko-oriyentirovanny podkhod v podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Akademicheskaya mysl'. 2022. № 3 (20). S. 93-99.
4. Shipunova O.V. Osobennosti realizatsii praktiko-oriyentirovannogo podkhoda v professional'noy podgotovke sotrudnikov okhranno-konvoynykh podrazdeleniy politsii // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2024. № 2 (23). S. 128-133.
5. Denisova A.Yu. Gotovnost' k professii «Politseyskiy» kak rezul'tat uspeshnoy prakticheskoy deyatel'nosti budushchikh spetsialistov OVD // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2024. № 3. S. 250-260.
6. Shan'ko V.V., Lapshin I.Ye. Osobennosti razvitiya professional'nykh kompetentsiy sotrudnikov politsii v sisteme DPO // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2025. № 3 (202). S. 501-502.
7. Morshchakina M.S., Balynskaya N.R. Praktiko-oriyentirovannyye metody obucheniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh nestabil'noy situatsii // Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya. 2025. № 4 (48). S. 68-74.
8. Shulepin M.V. Dopolnitel'noye professional'noye obrazovaniye v sisteme MVD Rossii: problemy, resheniya, perspektivy // Monitoring pravoprimeneniya. 2024. № 2 (51). S. 85-94.

9. Astaf'yev N.V. Normirovaniye sposobov deystviy sotrudnikov organov vnutrennikh del s primeneniyeм sredstv fizicheskogo prinuzhdeniya: Monografiya. Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2020. 176 s.

10. Astaf'yev N.V., Grigor'yev A.N. Normativy spetsial'noy professional'noy podgotovki sotrudnikov politzii v obespechenii praktiko-oriyentirovannogo soderzhaniya professional'nykh obrazovatel'nykh programm // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3 (99). S. 156-167.

11. Davidenko A.I., Umatkulova R.R. Formirovaniye navykov bezopasnogo i umelogo obrashcheniya s oruzhiyem pri vypolnenii normativov po ognevoy podgotovke // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2023. № 6 (181). S. 422-424.

12. Platonov L.A. Tselesoobraznost' vypolneniya uprazhneniy s oruzhiyem bez proizvodstva vystrela (vkhlostuyu) // Optimizatsiya uchebno-vospitatel'nogo i trenirovochnogo protsessa v uchebnykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya. Zdorovyy obraz zhizni kak faktor profilaktiki narkomanii: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2024. S. 130-133.

13. Popov A.S. Formirovaniye navykov obrashcheniya s ognestrel'nym oruzhiyem («kholostaya trenirovka») dlya neseniya sluzhby v osobykh usloviyakh // Aktual'nyye problemy protivodeystviya ekstremizmu, rusofobii i ukrainskomu neonatsizmu: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2024. S. 188-192.

14. Kuznetsov S.V., Volkov A.N., Rozov V.V., Vasina O.A. Takticheskiye standarty primeneniya sotrudnikami politzii mer fizicheskogo prinuzhdeniya: Monografiya. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2026. 234 s.

15. Kuznetsov S.V., Volkov A.N. Kontseptual'nyy podkhod k razrabotke normativnykh trebovaniy i nomenklatury kontrol'nykh uprazhneniy obshchey fizicheskoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. 2024. № 4. S. 35-40.

© Глубокий В.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Глубокий В.А. Сборник нормативов по профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел как результат научно-педагогического исследования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 131-136.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Ксения Алексеевна БЕЛОКОНЕВА,
кандидат филологических наук, ORCID 0000-0002-3387-7840
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры русского языка
belokoneva.ka@gmail.com

Елена Сергеевна БЕЛОУС,
кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0000-0001-6703-0739
Волгоградский государственный технический университет (г. Волгоград)
доцент кафедры «Русский язык»
belousdok@list.ru

Научная статья
УДК 378.147:372.881.161.1

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ТРУДНОСТИ В ОВЛАДЕНИИ НАВЫКОМ ЧТЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русский язык как иностранный, виды речевой деятельности, чтение, коммуникативная компетенция, методика обучения, трудности в обучении, нарушение навыка чтения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье излагаются результаты исследования проблем обучения чтению иностранных слушателей, которые имеют трудности с освоением этого навыка. Чтение представляется базовым видом речевой деятельности, оказывающим влияние на формирование коммуникативной и профессиональных компетенций у иностранцев. Актуальность исследования обусловлена тем, что методики диагностики нарушения навыка чтения и его коррекции были разработаны для носителей русского языка, поэтому они не подходят для иностранных слушателей. В связи с этим у преподавателя русского языка как иностранного возникает необходимость самому проводить диагностику трудностей, возникающих у обучающихся рассматриваемой группы, и вырабатывать особый подход к преодолению такого рода проблем. *Методы.* Для достижения целей исследования был осуществлен анализ научной литературы по его тематике и синтез полученной информации. Использованы методы наблюдения и самооценки, проведен педагогический эксперимент в образовательной организации МВД России. *Результаты.* В качестве решения исследуемой проблемы предлагается создание специальной методики, ориентированной на иностранных слушателей. Разработан подход к определению трудностей, возникающих у них на начальном этапе освоения русского языка, апробирован метод обучения таких слушателей чтению.

ВВЕДЕНИЕ

Обучение русскому языку как иностранному (далее – РКИ) начинается с вводно-фонетического курса. В число задач, решаемых на этом этапе, входит освоение слушателями навыка чтения. На элементарном уровне чтение является базовым видом речевой деятельности, фундаментом для изучения русского языка в целом. При этом важно иметь в виду, что оно не только средство, но и цель, преследуемая на начальном этапе обучения РКИ. Чтение способствует расширению словарного запаса обучающегося, формированию грамматических и синтаксических навыков, по-

могает научиться поиску в тексте необходимой информации, позволяет развивать коммуникативную компетенцию, а в дальнейшем – профессиональные компетенции. От успешности освоения рассматриваемого навыка напрямую зависит, как отмечает А.О. Овсянников, взаимопонимание между людьми, так как чтение обеспечивает возможность постигать содержание письменного текста, а значит, и воплощенную в нем мысль автора [1, с. 162].

Однако в настоящее время наблюдается тенденция к увеличению количества людей, имеющих трудности с овладением навыком чтения. По

Ksenia A. BELOKONEVA,

Cand. Sci. (Philology), ORCID 0000-0002-3387-7840

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Russian Language Department

belokoneva.ka@gmail.com

Elena S. BELOUS,

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID 0000-0001-6703-0739

Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Russian Language Department

belousdok@list.ru

TEACHING FOREIGN STUDENTS WHO HAVE DIFFICULTY MASTERING READING SKILLS

KEYWORDS. Russian as a foreign language, types of speech activity, reading, communicative competence, teaching methods, learning difficulties, reading disorders.

ANNOTATION. *Introduction.* This article presents the results of a study examining the challenges of teaching reading to foreign students with difficulties mastering this skill. Reading is considered a fundamental speech activity that influences the development of communicative and professional competencies in foreign students. The relevance of the study lies in the fact that methods for diagnosing and correcting reading disorders were developed for native Russian speakers and are therefore not suitable for foreign students. Therefore, teachers of Russian as a foreign language need to independently diagnose the difficulties encountered by students in this group and develop a special approach to overcoming such problems. *Methods.* To achieve the objectives of the study, an analysis of the scientific literature on the topic of the study was conducted and the information obtained was synthesized. Observation and self-assessment methods were used, and a pedagogical experiment was conducted at an educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Results.* As a solution to the problem under study, the development of a special methodology aimed at foreign students is proposed. An approach to identifying the difficulties they encounter at the initial stage of mastering the Russian language has been developed, and a method for teaching such students to read has been tested.

данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с Фондом содействия людям с дислексией «Сила Слова» в апреле 2025 года, 71% респондентов связывают проблемы, возникающие в процессе обучения, со сложностями в обработке письменной информации¹.

Нарушение у иностранных слушателей способности к овладению навыком чтения может привести в дальнейшем к затруднениям при освоении русского языка и формирования у них необходимых компетенций. При этом очевидно, что профессиональное развитие невозможно без коммуникативных навыков, а они формируются в период обучения в образовательных организациях [2, с. 487; 3, с. 60; 4, с. 861]. Особенно актуально это обстоятельство для будущих сотрудников органов внутренних дел, служебная деятельность которых связана с взаимодействием с большим количеством людей и обработкой значительных объемов текстовой информации.

На сегодняшний день есть существенные трудности с выявлением у иностранных слушателей и дифференциацией особенностей развития, негативно влияющих на овладение навыком чтения на начальном этапе обучения. Это связано, во-первых, с тем, что подобная диагностика проводится на русском языке. Иностранец его не знает, преподаватель РКИ не имеет в своем распоряжении методики, позволяющей выявлять нарушения, связанные с пониманием прочитанных текстов, а специалист по диагностике не владеет родным языком иностранного слушателя. Во-вторых, ис-

следования специфики обучения людей с дислексией проводились среди носителей русского языка [5, с. 270; 6, с. 35; 7, с. 389]. Как правило, это были дети дошкольного и младшего школьного возраста [8, с. 46; 9, с. 10; 10, с. 554; 11, с. 1000; 12, с. 161; 13, с. 61]. Затруднения же, возникающие у иностранцев, изучающих русский язык, не становились предметом пристального внимания ученых. В-третьих, имеющиеся в наличии материалы, предназначенные для лиц, испытывающих сложности с освоением навыка чтения, не соответствуют лексическому минимуму элементарного уровня владения русским языком и не могут быть использованы иностранными слушателями без адаптации и доработки. Всё это обуславливает актуальность разработки особой методики обучения чтению для иностранцев, которые сталкиваются с трудностями при освоении рассматриваемого навыка.

Научная новизна проведенного нами исследования заключается в обосновании необходимости создания специализированной методики для выявления, дифференциации и коррекции затруднений, возникающих у иностранных слушателей при освоении навыка чтения на начальном этапе изучения русского языка. На основе подхода, свойственного традиционной методике преподавания РКИ, а также логопедических и нейропсихологических техник составлен алгоритм работы с такими обучающимися. Практическая значимость исследования обусловлена тем, что сформулированные нами предложения могут быть полезны в обучении иностранных слушателей с наруше-

¹ Дислексия: знание, восприятие, поддержка // ВЦИОМ Новости: сайт. 04.04.2025 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/disleksija-znanie-vospriyatie-podderzhka> (дата обращения: 19.11.2025).

нием способности к овладению навыком чтения. Их реализация позволит иностранцам легче осваивать чтение на русском языке, закладывая тем самым фундамент для формирования и развития коммуникативной и профессиональных компетенций.

МЕТОДЫ

В ходе исследования особенностей обучения иностранных слушателей, имеющих трудности с овладением навыком чтения, были комплексно использованы различные методы познания. Осуществлены анализ научной литературы по изучаемой проблематике и синтез полученной таким образом информации. Оказались востребованы методы наблюдения и самооценки. На базе Волгоградской академии МВД России в 2021-2025 учебных годах проведен педагогический эксперимент. В нем принимали участие иностранные слушатели из нескольких стран (Джибути, Замбия, Сомали, Монголия, Вьетнам), имеющие проблемы с обучением чтению на начальном этапе освоения русского языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявление и анализ трудностей

Итоги проведенного нами исследования показывают, что наибольшие трудности испытывают обучающиеся, для которых родным или вторым иностранным является арабский язык. Это обусловлено его существенными отличиями от русского, в первую очередь спецификой письма – справа налево [14, с. 234]. Прежде чем приступить непосредственно к овладению чтением как видом речевой деятельности на русском языке, арабоязычному иностранному слушателю необходимо научиться начинать читать слева направо, а затем автоматизировать этот навык.

Преподаватель РКИ, у которого нет соответствующей медицинской квалификации, не имеет права ставить диагнозы. Однако он может заподозрить наличие у слушателя нарушения способности к овладению навыком чтения по ряду признаков, а именно, если тот:

- не хочет или отказывается читать, особенно вслух;
- чаще всего последним заканчивает читать задания или текст;
- во время чтения пропускает буквы и/или слова, придумывает похожие по звучанию или дополняет их;
- пропускает строки или читает их дважды;
- часто теряет место чтения; чтобы не потерять его, использует палец или линейку;
- обычно читает два раза (сначала про себя, а только потом вслух);
- с трудом, в том числе по слогам, читает сложные слова (состоящие больше чем из двух слогов);
- букву с символом ударения воспринимает как отдельную букву;
- не различает похожие по написанию буквы (й/й, и/н, м/н, н/п и другие);
- не узнает ранее изученные слова;
- может сначала прочитать слово правильно, а далее по тексту в том же слове допустить ошибку;
- не помнит, о чем прочитал ранее, к концу предложения забывает, что было в начале;

- плохо понимает содержание текста, затрудняется с определением основной его мысли и с поиском в нем необходимой информации;

- путается в последовательностях или не может их запомнить (например дни недели, месяцы).

Необходимо иметь в виду, что у любого слушателя бывают ошибки в чтении. Однако иностранец, имеющий нарушения способности к овладению соответствующим навыком, допускает такие ошибки довольно часто, они являются не единичными случаями, а системой.

Преодоление трудностей

Задачи, которые стоят перед преподавателем РКИ:

1. Индивидуальный подход. Несмотря на то что обучение в вузах МВД России проходит в группах, иностранец, имеющий трудности с овладением навыком чтения, нуждается в особом подходе, в большем внимании со стороны преподавателя, на занятиях ему необходимо уделять больше времени.

2. Составление логически грамотных и четких инструкций, точное формулирование целей и задач занятия, на котором отрабатывается тот или иной навык. Перед выполнением иностранцем задания преподавателю следует объяснить ему, что он сейчас будет делать и для чего это нужно. Возможно, инструкцию потребует повторить.

3. Ежедневная практика чтения. Для появления устойчивого результата иностранному слушателю на начальном этапе освоения русского языка, помимо аудиторных занятий по расписанию, следует приходить на консультации с преподавателями РКИ. На кафедре русского языка Волгоградской академии МВД России преподаватели проводят такие консультации ежедневно. Во внеучебное время иностранец, имеющий трудности с чтением, может попросить помощи у других слушателей, говорящих на одном с ним языке, в том числе используя социальные сети.

4. Поддержка занятий аудио-, видео-, фотоиллюстрациями. Опытным путем можно выяснить, какой тип информации (визуальная, аудиальная) усваивается каждым конкретным иностранным слушателем лучше. От этого следует отталкиваться при выборе дополнительных материалов.

5. Разбиение больших фрагментов на маленькие. Сложные слова (содержащие более двух слогов) следует начинать читать по слогам. У некоторых иностранных слушателей наблюдаются трудности с соединением букв в слоги. В таком случае после освоения отдельных букв обучение чтению начинается с отработки именно этого навыка. После каждого прочитанного фрагмента нужно делать паузы и задавать вопросы, чтобы выяснить полноту понимания.

6. Мультисенсорный подход. Успешность обучения иностранных слушателей, имеющих трудности с чтением, снижается, если на занятиях отработка материала происходит только посредством традиционных упражнений. Исследователи отмечают, что одновременное использование приемов, активирующих визуальное, слуховое, тактильное и кинестетическое восприятие, значительно увеличивает эффективность обучения

чтению [8, с. 49]. В связи с этим преподавателю РКИ следует более активно задействовать разнообразные каналы восприятия обучающихся.

Педагогический опыт, накопленный в Волгоградской академии МВД России, позволил определить наиболее эффективные **упражнения для обучения чтению** иностранных слушателей, имеющих трудности с освоением этого навыка:

1. Проблемы с мелкой моторикой могут быть косвенным признаком особенностей развития мозга, поэтому, помимо ежедневной практики чтения, слушателю необходима также другая активность, направленная на координацию работы полушарий мозга. Для этой цели лучше всего подходят *игра в мяч* (необходимо поочередно ловить мяч слева левой рукой и справа правой рукой, а затем менять стороны и руки) и *рисование геометрических фигур двумя руками одновременно*.

2. **Использование разных цветов для разных букв** и соответствующих им звуков (гласных, твердых согласных, мягких согласных). Необходимо оговорить с иностранным слушателем, что означает тот или иной цвет, и не вносить в дальнейшем изменений. Так, твердые согласные в заданиях можно выделять зеленым цветом, мягкие согласные – синим, гласные – красным, а йотированные гласные – фиолетовым (букву «я», например, можно писать фиолетовым, так как этим цветом обозначается сочетание «синего» мягкого согласного звука [j] и «красного» гласного [a]). Эту же цветовую гамму можно использовать при создании объемных букв на этапе изучения алфавита.

3. **Изучение алфавита с помощью пластилина и других материалов для лепки**. Данное упражнение опирается на принципы мультисенсорного подхода: иностранный слушатель не только видит букву и слышит соответствующий ей звук, но и создает объемную фигуру, которую можно потрогать, запомнить руками, фактически воспринимая букву тактильно. При использовании съедобных материалов (например теста) иностранец может также попробовать букву на вкус.

4. **Запоминание букв с помощью записи видео**. Если иностранный слушатель испытывает трудности с запоминанием букв русского алфавита и соответствующих им звуков, можно предложить ему самостоятельно изготовить карточки. Своей рукой, используя разные цвета, он пишет на небольших листах бумаги буквы. Затем включает видеозаписывающее устройство и на камеру показывает карточку, одновременно произнося соответствующий букве звук. Изображения должны быть достаточно крупными, а звуки следует произносить громко и четко. Слушателю необходимо регулярно просматривать записанное им видео, например по вечерам перед сном.

5. **Запоминание букв с помощью звука**. Еще одним способом изучения русского алфавита является использование аудиозаписей и песен. Иностранец может нараспев произносить звуки или повторять их за кем-то, при этом наличия музыкальных

способностей не требуется. Могут быть полезны материалы, предназначенные для детей: говорящая азбука, мультфильмы. Желательно, чтобы в азбуке не было иллюстраций, которые непонятны иностранному слушателю.

6. **Запоминанию букв** способствуют упражнения, при выполнении которых необходимо *обводить, выделять маркером или подчеркивать буквы в ряду* (например, «Найдите и подчеркните все буквы «о»: ООаеОееовОвоеаоОевоаОео»). Преподаватель может использовать готовые упражнения из рабочих тетрадей для детей с дислексией или создавать подобные задания сам.

7. Полезными оказываются упражнения, при выполнении которых нужно *найти слово на определенную букву* (например, «Найдите все слова на букву «к»: книга, игра, имя, кот, учитель, папа, кофе»).

8. На **запоминание букв** направлены также упражнения, при выполнении которых требуется *найти слово в ряду слов* (например, «Найдите слово «нога»: нос, нота, нога, нора»). Преподаватель может использовать простую последовательность слов или с помощью онлайн-ресурсов создать филворд, в котором по горизонтали или по вертикали поместить слово, являющееся целью поиска, среди других слов.

9. **Запоминание слов**. Каждое новое слово должно сопровождаться фото- или видеоиллюстрацией. Можно использовать готовые карточки, предназначенные для детей. Однако лучше, если иностранный слушатель после каждого занятия будет получать список изученных слов, чтобы во внеурочное время самостоятельно подбирать иллюстрации в соответствии с собственными ассоциациями. Необходимо создать эмоционально-вовлекающую атмосферу [15, с. 112], так как чем больше ассоциаций, основанных на эмоциях, появится у иностранца, тем быстрее он сможет освоить навык чтения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящее время выявление и анализ проблем, возникающих при обучении иностранных слушателей чтению, становится актуальной для преподавателя РКИ задачей. Существующие методики, разработанные для носителей русского языка, нуждаются в адаптации к условиям педагогической работы с иностранцами, имеющими трудности с овладением этим навыком. Проведенное исследование показало, что предлагаемый нами подход способствует улучшению техники чтения, пониманию содержания текста, облегчению поиска необходимой информации, а также увеличению словарного запаса иностранного слушателя. Всё это создает базу для формирования профессиональных компетенций будущего сотрудника органов внутренних дел. Использование разработанных нами рекомендаций дает стойкий результат и позволяет сократить время на обучение чтению, но только при условии ежедневных занятий и приложения сил и преподавателя, и иностранного слушателя. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Овсянников А.О. Лингводидактическое и психологическое обоснование эффективности чтения как доминирующего вида речевой деятельности на начальном

этапе обучения второму иностранному языку // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4 (96). С. 160-164.

2. Шиндряева И.В., Ковшикова Е.В., Секретёва А.В. Интерактивная технология «коммуникативные поединки» в практике преподавания русского языка в ведомственном юридическом вузе (на примере ВА МВД России) // ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30). С. 484-493.

3. Бойченко В.В. Стилиевые аспекты обучения иностранных слушателей языку специальности // Primo Aspectu. 2024. № 1 (57). С. 59-64.

4. Терещенко Т.М., Ковшикова Е.В. Аудиторная и внеаудиторная лексико-семантическая работа с иностранными студентами в преподавании русского языка как иностранного: лингвокультурологический аспект // ЦИТИСЭ. 2025. № 2 (44). С. 857-867.

5. Докторович В.А. Особенности формирования профессиональных иноязычных коммуникативных компетенций у студентов с пониженным уровнем обучаемости // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 269-275.

6. Дорофеева С.В., Кокорева Я.А. Лингвистически сбалансированный инструментальный для оценки навыков чтения у взрослых носителей русского языка // Вопросы образования. 2025. № 2. С. 32-72.

7. Хлыбова М.А. Мультисенсорный подход в обучении иностранному языку студентов с дислексией // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 389-391.

8. Георгица Е.А., Харитонова М.В. Обучение иностранному языку младших школьников с дислексией // Специальное образование и социокультурная интеграция. 2023. № 6. С. 46-52.

9. Батаева Ф.А., Эйсмонт Е.А., Братаева А.А., Корнилова О.А., Болатбеккызы Ж. Особенности преподавания английского языка детям с особыми трудностями в обучении // Наука и реальность. 2023. № 4 (16). С. 10-13.

10. Газетдинова Ю.В. Мультисенсорный подход как способ обучения чтению и письму на английском языке младших школьников с дислексией // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. Вып. 6. С. 554-560.

11. Величенкова О.А. Расстройства развития школьных навыков и фонологический дефицит: вопросы коморбидности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 1000-1020.

12. Лагутина А.В., Любимова М.М., Шарипова Н.Ю. Практический опыт обучения чтению детей с нарушениями речевого развития: от техники к осмыслению // Наука и школа. 2024. № 5. С. 161-173.

13. Немкова С.А., Болдырев В.Г. Когнитивные нарушения у детей: современные подходы к диагностике и коррекции // Нервные болезни. 2025. № 1. С. 61-72.

14. Леонтьева Л.Д. Особенности и проблемы в изучении русской медицинской лексики у арабоязычных студентов-медиков и их решение с помощью мнемотехники // Филология и культура. 2023. № 4 (74). С. 233-239.

15. Лебедева Н.В. Нейроандрагогика как область обучения взрослых в современной системе образования // Вестник Вятского государственного университета. 2024 № 2 (52). С. 109-119.

REFERENCES

1. Ovsyannikov A.O. Lingvodidakticheskoye i psikhologicheskoye obosnovaniye effektivnosti chteniya kak dominiruyushchego vida rechevoy deyatel'nosti na nachal'nom etape obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2022. № 4 (96). S. 160-164.

2. Shindryayeva I.V., Kovshikova Ye.V., Sekretova A.V. Interaktivnaya tekhnologiya «kommunikativnyye poyedinki» v praktike prepodavaniya russkogo yazyka v vedomstvennom yuridicheskom vuze (na primere VA MVD Rossii) // TSITISE. 2021. № 4 (30). S. 484-493.

3. Boychenko V.V. Stilevyeye aspekty obucheniya inostrannykh slushateley yazyku spetsial'nosti // Primo Aspectu. 2024. № 1 (57). S. 59-64.

4. Tereshchenko T.M., Kovshikova Ye.V. Auditornaya i vneauditornaya leksiko-semanticheskaya rabota s inostrannymi studentami v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: lingvokul'turologicheskii aspekt // TsITISE. 2025. № 2 (44). S. 857-867.

5. Doktorevich V.A. Osobennosti formirovaniya professional'nykh inoyazychnykh kommunikativnykh kompetentsiy u studentov s ponizhennym urovnem obuchayemosti // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nyye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 269-275.

6. Dorofeyeva S.V., Kokoreva Ya.A. Lingvisticheski sbalansirovanny instrumentariy dlya otsenki navykov chteniya u vzroslykh nositeley russkogo yazyka // Voprosy obrazovaniya. 2025. № 2. S. 32-72.

7. Khlybova M.A. Mul'tisensornyy podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku studentov s disleksiyei // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025. № 86-1. S. 389-391.
8. Georgitsa Ye.A., Kharitonova M.V. Obucheniye inostrannomu yazyku mladshikh shkol'nikov s disleksiyei // Spetsial'noye obrazovaniye i sotsiokul'turnaya integratsiya. 2023. № 6. S. 46-52.
9. Batayeva F.A., Eysmont Ye.A., Bratayeva A.A., Kornilova O.A., Bolatbekkyzy Zh. Osobennosti prepodavaniya angliyskogo yazyka detyam s osobymi trudnostyami v obuchenii // Nauka i real'nost'. 2023. № 4 (16). S. 10-13.
10. Gazetdinova Yu.V. Mul'tisensornyy podkhod kak sposob obucheniya chteniyu i pis'mu na angliyskom yazyke mladshikh shkol'nikov s disleksiyei // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 9. Vyp. 6. S. 554-560.
11. Velichenkova O.A. Rasstroystva razvitiya shkol'nykh navykov i fonologicheskiy defitsit: voprosy komorbidnosti // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2024. T. 15. № 3. S. 1000-1020.
12. Lagutina A.V., Lyubimova M.M., Sharipova N.Yu. Prakticheskiy opyt obucheniya chteniyu detey s narusheniyami rechevogo razvitiya: ot tekhniki k osmysleniyu // Nauka i shkola. 2024. № 5. S. 161-173.
13. Nemkova S.A., Boldyrev V.G. Kognitivnyye narusheniya u detey: sovremennyye podkhody k diagnostike i korrektsii // Nervnyye bolezni. 2025. № 1. S. 61-72.
14. Leont'yeva L.D. Osobennosti i problemy v izuchenii russkoy meditsinskoy leksiki u araboyazychnykh studentov-medikov i ikh resheniye s pomoshch'yu mnemotekhniki // Filologiya i kul'tura. 2023. № 4 (74). S. 233-239.
15. Lebedeva N.V. Neyroandragogika kak oblast' obucheniya vzroslykh v sovremennoy sisteme obrazovaniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024 № 2 (52). S. 109-119.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Белоконева К.А., Белоус Е.С., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Белоконева К.А., Белоус Е.С. Обучение иностранных слушателей, имеющих трудности в овладении навыком чтения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 137-142.

Елена Владимировна КОВШИКОВА,

кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0000-0002-8298-0772

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

доцент кафедры русского языка

kelenav1@yandex.ru

Елена Григорьевна ГИМПЕЛЬСОН,

кандидат филологических наук, доцент

Волгоградский кооперативный институт

Российского университета кооперации (г. Волгоград)

egimpelson@bk.ru

Научная статья

УДК 378.147:351.74

ВИТАГЕННЫЙ ОПЫТ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русский язык, витагенное образование, витагенный опыт, практико-ориентированный подход, профессиональная коммуникативная компетенция.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В условиях проведения в органах власти и управления системных реформ для образовательных организаций МВД России на первый план выходит поставленная перед ними на правительственном уровне задача по обеспечению практической направленности подготовки будущих сотрудников полиции. Анализ специфики образования в вузах МВД России приводит к выводу о его практико-ориентированном характере, основанном на компетентностном подходе, непосредственно нацеленном на результат обучения. *Методы.* В ходе проведенного авторами статьи исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, ситуационного анализа, интерпретации. *Результаты.* Сформулирован вывод о том, что задействование в ведомственном вузе МВД России витагенного опыта курсанта (слушателя) при изучении русского языка способствует формированию профессиональной коммуникативной компетенции, тогда как традиционные методики формируют только лингвистическую компетенцию в пределах общей грамотности. Витагенное образование в рамках андрагогики (образования взрослых) основывается на использовании лично пережитого опыта обучающегося. Посредством витагенного подхода к преподаванию дисциплин языкового профиля преодолевается проблема низкой эффективности обучения первокурсников, не имеющих еще собственного профессионального опыта. С точки зрения методики целесообразным представляется преобразование витагенного опыта обучающихся в практические ситуационные задачи, требующие разрешения с использованием коммуникативных навыков. Теоретическое осмысление собственного опыта позволяет не только получить знания в области профессиональной коммуникации, но и глубже изучить коммуникативные практики и закрепить коммуникативные навыки.

ВВЕДЕНИЕ

Общим местом в педагогике стала мысль о том, что при подготовке кадров в ведомственных вузах необходимо формирование компетенций, которые определены потребностями рынка труда и стратегическими перспективами развития общества [1]. Проблема ориентированности профильного образования на решение задач, стоящих перед территориальными органами внутренних дел (далее – ОВД), регулярно озвучивается их руководителями. И это актуализирует вопрос о возможностях повышения уровня сформированности профессиональных компетенций

выпускников образовательных организаций МВД России.

«Тенденция движения от понятия «знание» к понятию «компетентность» является общемировой, – отмечает В.А. Кудин. – Она выражается в том, что усиление познавательных начал в современной профессиональной деятельности не покрывается традиционными понятиями «знания», «умения» и «навыки». Более адекватным становится понятие «компетентность» [2, с. 5]. Профессиональные компетенции сотрудников ОВД представляют собой совокупность знаний, умений, навыков, личностных качеств и поведен-

Elena V. KOVSHIKOVA,

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID 0000-0002-8298-0772
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Russian Language
kelenav1@yandex.ru

Elena G. GIMPELSON,

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor
Volgograd Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation (Volgograd, Russia)
egimpelson@bk.ru

VITAGENIC EXPERIENCE OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF A PRACTICE-ORIENTED APPROACH TO THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

KEYWORDS. Russian language, practice-oriented approach, vitagenic education, vitagenic experience, professional communicative competence.

ANNOTATION. *Introduction.* In the context of systemic reforms being carried out in government and administrative bodies, the task of ensuring a practical focus of the training of future police officers, set before them at the governmental level, is becoming a priority for educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An analysis of the specifics of education in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia leads to the conclusion about its practice-oriented nature, based on a competency-based approach directly aimed at learning outcomes. *Methods.* During the study conducted by the authors of the article, the methods of observation, description, generalization, situational analysis, and interpretation were used. *Results.* It is concluded that the use of the student's vital experience in studying Russian as the language of the future profession at the departmental university of the Ministry of Internal Affairs of Russia contributes to the development of professional communicative competence, whereas traditional teaching methods develop only linguistic competence within the limits of general literacy. Vitagenic education within the framework of andragogy (adult education) is based on the use of the student's personally experienced experience in the educational process. A vitagenic approach to teaching language-related subjects overcomes the problem of low learning effectiveness for first-year students who lack professional experience at this stage of their education. From a methodological perspective, it seems appropriate to transform students' vitagenic experience into practical, situational problems that require communicative skills. Theoretical reflection on one's own experience allows not only for the acquisition of knowledge in the field of professional communication but also for a deeper exploration of communication practices and the reinforcement of these skills.

ческих моделей, необходимых для успешного выполнения служебных задач. На протяжении всего периода службы компетенции должны быть не статичными, а динамично развивающимися [3]. В рамках исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, мы обратились к анализу компетенции, имеющей грани как общенаучного, так и практико-ориентированного свойства.

Коммуникативная компетенция представлена в учебно-методических материалах образовательных организаций МВД России в виде универсальной компетенции УК-4. Овладев ею, выпускник будет способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранных языках. Овладение данной компетенцией предполагает знание выпускником грамматической системы русского языка, его стилевых, грамматических, лексических, орфографических, пунктуационных норм, закономерностей структурной организации текста. При этом выпускник должен уметь грамотно, логически верно, точно и ясно строить свою устную и письменную речь. Вместе с тем коммуникативная компетенция отражена в учебно-методических материалах образовательных организаций МВД России в виде профессиональной компетенции ПК-18. Овладение ею позволит выпускнику правильно использовать в своей деятельности профессиональную лексику. Он должен знать нормативные языковые, комму-

никативные, этические и этикетные требования к оформлению устной и письменной речи в профессиональной деятельности, особенности правописания и употребления юридической лексики в учебно-профессиональной сфере, основные юридические понятия, используемые в сфере его профессии. Овладение данной компетенцией поможет специалисту публично представлять на русском языке результаты профессиональной деятельности, составлять тексты деловых бумаг и служебных документов в соответствии с нормами русского языка и установленными правилами.

Значительный опыт преподавания дисциплины «Русский язык в профессиональной деятельности» позволяет нам всесторонне рассматривать механизмы формирования коммуникативной компетенции, закрепленные в учебно-методических комплексах вузов МВД России, с научной точки зрения. При традиционном подходе овладение курсантом коммуникативной компетенцией осуществляется путем изучения норм русского языка. Зачастую это делается повторно, так как он – недавний выпускник школы. Преподаватель использует классическую триаду «изучение правила – закрепление посредством упражнений – контроль», основанную на грамматическом подходе. Данный подход ориентирован на получение знаний о правилах русского языка и их использование при составлении и анализе текстов. Следует уточнить, что упражнения, используемые

в преподавании языковых дисциплин в вузах МВД России, как правило, разрабатываются с учетом необходимости насыщения их профильной профессиональной лексикой. Кроме того, в них зачастую включаются выдержки из документов органов внутренних дел [4].

Однако дисциплины, в рамках которых русский язык изучается как язык будущей профессии, преподаются на начальных курсах. На этом этапе профессиональная терминология и документная лингвистика достаточно сложны для обучающихся. В таких условиях практико-ориентированный подход трудно реализуем. В результате задействованным оказывается традиционный подход, ориентированный на грамматику. А он формирует только грамотность, но не коммуникативную компетенцию. Итогом усилий преподавателя становится формирование у обучающихся скорее лингвистической компетенции, нежели коммуникативной. При этом не следует забывать, что его цель – научить будущего специалиста ОВД эффективно коммуницировать в устной и письменной формах в реальных профессионально-служебных ситуациях. Описанная проблема подтверждает актуальность проведенного нами исследования и его практическую значимость.

Перед исследованием ставилась цель обосновать возможность применения технологии образования взрослых на основе витагенного (жизненного) опыта в работе с обучающимися начальных курсов вузов МВД России. Поставленная цель была конкретизирована в следующих задачах:

- 1) подтвердить эффективность использования витагенного опыта в преподавании русского языка;
- 2) рассмотреть теоретические аспекты практико-ориентированного обучения русскому языку;
- 3) описать практику использования витагенного опыта в преподавании русского языка.

Научная новизна исследования усматривается в том, что оно позволило выявить перспективность использования витагенного опыта в преподавании русского языка в вузах МВД России. Теоретическая значимость полученных результатов заключается, на наш взгляд, в расширении методологии преподавания русского языка в высшей школе методиками, основанными на применении витагенного опыта обучающихся.

МЕТОДЫ

При проведении исследования нами применялись методы наблюдения, описания, анализа, интерпретации, ситуационного анализа. В настоящее время особенно актуальны методики, ориентированные на практическую деятельность, на коммуникативность, на использование в ходе обучения жизненного опыта человека. Образовательный процесс сегодня активно реформируется на всех уровнях. Снижается ценность абстрактных знаний, при этом возрастает значимость практико-ориентированных навыков, лежащих в основе приобретаемых компетенций. Работа над внедрением новых методов преподавания русского языка, опирающихся на потенциал использования витагенного опыта обучающихся, может отчасти скорректировать деструктивные тенденции данных процессов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Эффективность традиционного сугубо лингвистического подхода к обучению деловому языку в ведомственном вузе активно обсуждается в профессиональной среде преподавателей [5]. Полицейскому по долгу службы приходится составлять различные документы. Если он делает это, ориентируясь исключительно на грамматику, то эти документы окажутся правильными с точки зрения русского языка. Тем не менее на практике они могут быть отклонены: прокурором (в связи с нарушением логики составления), судьей (по причине недостаточности аргументов для поддержания излагаемого тезиса, например о виновности), руководителем (из-за неточностей в изложении фактов), соисполнителем (ввиду структурной неполноценности текста), отделом документационного обеспечения (в случае неверного оформления реквизитов) и т.д. Таким образом, при формальной грамотности подготовленного специалиста документ, коммуникативная цель достигнута не будет.

По нашему мнению, необходимо задействовать наряду с грамматическим в образовательном процессе еще и коммуникативный подход. Это позволило бы существенно повысить эффективность формирования коммуникативной компетенции сотрудника органов внутренних дел как на ее базовом, так и на профессиональном уровне. Для решения данной задачи в вузах МВД России в рамках практико-ориентированного обучения следует использовать витагенный опыт обучающихся. Осознаем, что это проблематично, но уверены в том, что возможно.

«Мы понимаем практико-ориентированное обучение как организацию учебного процесса по преподаваемой дисциплине таким образом, чтобы получаемые обучающимися знания, приобретаемые ими навыки и умения могли найти практическое приложение в будущей профессиональной деятельности» [6, с. 126]. То есть актуальность практико-ориентированного обучения, представляющего собой аппликацию теоретических знаний на практические задачи, стоящие перед правоохранительными органами, основывается на том обстоятельстве, что образовательный процесс, по сути, наполняется технологиями, способами и приемами, моделирующими профессиональную деятельность сотрудников этих органов [7, 8].

Практико-ориентированное обучение должно соответствовать ряду принципов. В качестве ключевого следует назвать принцип релевантности, то есть соотнесенности информации, используемой в образовательном процессе, и событийного ряда практики правоохранительных органов. Деятельностный подход к организации занятий основан на принципе активного обучения. Курсант (слушатель) при этом работает с преподавателем как союзник, коллега, формируя компетенции, а не выбирает для себя на занятиях пассивную роль. Принцип системности – обязательный атрибут теоретических знаний, которые необходимы для применения на практике. Он помогает обучающимся обрести научное видение их будущей профессиональной деятельности. Принцип рефлекс-

сии (обратной связи) позволяет настраивать образовательный процесс таким образом, чтобы не утрачивались актуальность и новизна получаемых знаний. И, наконец, системное использование на занятиях в вузах МВД России ситуаций, имитирующих реальные условия профессиональной деятельности, основывается на принципе моделирования. «Реализация данных принципов позволяет осуществить переход от формального усвоения знаний («знание для знания»), – отмечает А.В. Варлачева, – к формированию действенных навыков и умений («знание для действия»), что является особенно значимым для подготовки специалистов силовых структур, чья деятельность требует высокого уровня практической компетентности и оперативности принятия решений» [9, с. 244].

Подготовка, осуществляемая в рамках всех видов практик, позволяет курсанту (слушателю) погрузиться в контекст будущей профессии и получить первый личный профессиональный опыт. Реалии деятельности правоохранительных органов, в которых выполняются те или иные задания, составляющие функционал будущей профессии, существенно влияют на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы [10].

Таким образом, классический академизм высшего образования, столетиями оттачивавшийся в парадигме установок на углубление знаний о предмете (предметной области), на их научное осмысление, на возвращение ученых-исследователей в различных сферах научного знания, по мнению Т.А. Фатеевой, коррелирует в системе высшей школы с программами практической направленности, сориентированными на овладение компетенциями, необходимыми непосредственно для профессиональной деятельности [11].

С другой стороны, немало сторонников имеет мнение о том, что практико-ориентированное обучение невозможно организовать исключительно в академических стенах учебных аудиторий, без моделирования реальных жизненных ситуаций. Для него требуются и практико-ориентированные площадки, и практико-ориентированные виды учебной работы, и практико-ориентированные способы контроля. [12]. Кроме того, самостоятельная подготовка курсанта (слушателя) также должна быть практико-ориентированной. При этом, как справедливо отмечает В.А. Иоголевич, ее нельзя сводить исключительно к закреплению пройденного материала. Обучающемуся следует самостоятельно выполнять практические задания и изучать те или иные вопросы посредством ознакомления с рекомендованной литературой [13, с. 16].

Описанные характеристики, цели и принципы практико-ориентированного обучения теперь необходимо экстраполировать на формирование коммуникативных компетенций сотрудника ОВД, чтобы выявить потенциал их развития вне условий грамматического подхода к преподаванию языковых дисциплин.

Владение универсальной компетенцией УК-4 и профессиональной компетенцией ПК-18 преду-

сматривает, что выпускник должен осуществлять деловую коммуникацию, грамотно используя профессиональную лексику и очевидно стремясь к ее эффективности. Всякая коммуникация есть субъект-субъектный процесс, и каждый из его участников стремится достичь собственной цели. Эффективность коммуникации в конечном итоге предполагает, что эти цели всеми достигнуты. Поскольку профессиональные коммуникации сотрудника ОВД сопровождаются реализацией его функциональных обязанностей всех видов, то следует сделать вывод о том, что он не может быть признан высококлассным специалистом, если не умеет качественно коммуницировать. Об умении сотрудника ОВД достигать коммуникативных целей свидетельствуют следующие результаты его деятельности: подготовка документов без нареканий со стороны адресата и без необходимости в доработке; формулирование коммуникативных стратегий в устной речи и текстах документов; выстраивание диалогов в рамках статусно-ситуативного общения; соблюдение речевого этикета в условиях статусного неравенства; следование коммуникативной культуре в любых ситуациях профессионального общения; использование манипулятивных техник в случае конфликтного общения; проявление способностей убеждать, вдохновлять, информировать, консультировать, доказывать, уговаривать и др. [14].

И это далеко не полный перечень коммуникативных задач, обусловленных спецификой профессиональной деятельности сотрудника ОВД. Сформировать в образовательном процессе вуза МВД России навыки их решения практически невозможно, если задействовать только комплексы упражнений, ориентированных на нормы русского языка. Современные методологи отмечают, что развивающие технологии практико-ориентированного обучения предполагают использование напрямую связанных с профессиональными ситуациями интерактивных форм, воссоздающих реальные условия общения полицейских. Речь, в частности, о возможностях геймификации, кейс-метода, деловой игры [15].

Впрочем, необходимо иметь в виду, что в настоящее время курсантами вузов МВД России становятся, как правило, вчерашние школьники, не имеющие опыта службы в органах внутренних дел, вооруженных силах и вообще какой-либо трудовой деятельности. Это обстоятельство не позволяет в полном объеме задействовать потенциал практико-ориентированного обучения для формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов. Данный подход к обучению предполагает перспективное развитие событий. В фокусе внимания оказывается то, что будет завтра, то есть предстоящее по окончании вуза самостоятельное выполнение служебных заданий. И это ориентир, но никак не опыт обучающегося. К сожалению, учебные материалы, подготовленные с опорой на будущую практическую деятельность, малоинформативны для курсантов и слушателей, требуют пространных инструкций от преподавателя, являясь, по сути, той же теорией.

Нам представляется перспективным задействование при формировании профессиональной коммуникативной компетенции витагенного опыта обучающихся. На первый взгляд, это мнение противоречиво. Мы констатируем, что у курсантов нет профессионального опыта. При этом отмечаем, что и личный житейский опыт невелик, хотя как раз его и предлагаем использовать в учебно-методических целях. Уверены, что данное противоречие преодолимо.

В современной научной педагогике активно развивается такое направление, как андрагогика, сферой интересов которой является образование взрослых. В ее рамках использование жизненного опыта постулируется как ценность, подчеркивающая актуальность идеи о непрерывном образовании человека. Этот опыт вовлекается в процесс обучения взрослых в качестве одного из его источников [16]. Витагенным, по мысли основателя данной теории А.С. Белкина, является такое образование, которое базируется на актуализации (востребовании) жизненного опыта личности, ее интеллектуально-психологического потенциала в образовательных целях [17]. Жизненный опыт очень важен для человека и может быть применен им при получении образования (основного либо дополнительного) в любом возрасте. При этом жизненный опыт следует отличать от опыта жизни. Последний, как было установлено А.С. Белкиным, – это витагенная информация, полученная человеком не посредством личного опыта, а в результате постижения опыта окружающей жизни, осмысленного им. Поэтому ценность такого опыта для обучающегося невелика. Но именно на опыте жизни основывается большинство образовательных технологий. В то же время жизненный опыт весьма важен, так как он накоплен и пережит личностью, архивирован в резервах памяти человека и всегда может быть им актуализирован по необходимости в той или иной жизненной ситуации [17]. Это и есть сформированные компетенции.

Под жизненной ситуацией понимается комплекс обстоятельств, условий и событий, предопределяющих вектор поведения и особенности жизнедеятельности человека в определенный момент времени. Специфическими жизненными ситуациями являются жизненные трудности – обстоятельства, препятствующие естественной жизнедеятельности человека. Личный опыт, полученный в условиях собственных жизненных трудностей, особенно ценен для формирования компетенций. Итак, витагенный опыт может быть актуализирован и использован как ресурс в образовательном процессе и трансформирован в новое качество – универсальную либо профессиональную компетенцию. Следует признать ценность витагенного опыта обучающегося как основы для его последующего самообразования, профессионального и личностного саморазвития [16].

При разработке учебно-методических материалов по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности сотрудника ОВД», изучаемой первокурсниками, перед нами встал вопрос о формировании профессиональной коммуникативной компетенции. Обучающиеся формально

являются взрослыми: средний возраст – 17-18 лет, приняли присягу, обладают статусом полицейского, имеют специальное звание рядового или сержантского состава. С другой стороны, они находятся в трудной жизненной ситуации: прибыли на обучение из разных регионов России (смена места и условий проживания, климата, часового пояса и т.д.), находятся на казарменном положении, оторваны от семьи, учатся в воензированной учебном заведении, испытывают новые для них психофизиологические нагрузки. Чтобы задействовать их витагенный опыт службы в ОВД, формирующийся в процессе обучения с первого дня их пребывания в вузе, мы аккумулировали его в методические разработки учебных материалов для практических занятий по вышеназванной дисциплине.

В основу разработок были положены документы-конфликтогены, которые составлялись либо в отношении первокурсников, либо ими собственноручно как следствие нарушения дисциплины, распорядка дня и т.п. Это были рапорты начальников курсов и курсантов, касающиеся разного рода происшествий и нарушений. Не имея ни теоретических, ни практических навыков составления таких документов, первокурсники нередко обращались к преподавателям-лингвистам за помощью, что способствовало сбору эмпирического материала для занятий. При этом у авторов обязательно бралось согласие на использование составленных ими документов в образовательном процессе, персональные данные из текстов удалялись. Таким образом реальные ситуации из жизни курсантского сообщества трансформировались в учебный материал для практических занятий по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности сотрудника ОВД». Проиллюстрируем изложенное несколькими примерами разбора на занятиях ситуаций с использованием витагенного опыта обучающихся.

Ситуация № 1. *Курсант-девушка явилась на построение в модельных туфлях. После проверки внешнего вида личного состава в отношении нее был составлен рапорт. Она объяснила свое нарушение тем, что установные туфли натерли ей ноги и надеть их невозможно.*

На занятии курсантам предложено составить рапорт о нарушении. Быстро справившись с формальными требованиями к документу и проверив грамотность текста, они считают задачу выполненной. Однако оказывается, что в тексте сделано много разнообразных коммуникативных ошибок. Вокруг них и строится диалог на занятии. Слово сочетание «модельные туфли» следует заменить на фразу «обувь неуставного образца» (проявлено незнание стиля). Объяснения курсанта по факту нарушения не должны быть включены в текст рапорта (это говорит о незнании структуры документа данного вида). Чрезмерно подробно описаны страдания, испытанные от того, что натерты ноги, в надежде на жалость со стороны командира. Насколько этично появление данной микро-темы в документе? Не смогли сформулировать просьбу-предложение о наказании: необходимо обсуждение вариантов с акцентом на вопросы со-

измеримости проступка и наказания. Кроме того, преподаватель вводит в тезаурус обучающихся понятия гипервербализация и гиповербализация текста документа.

Итог: в рамках занятия актуализированы вопросы коммуникативной этики, коммуникативной стратегии при создании текста документа, речевой избыточности и недостаточности как фактора снижения коммуникативной эффективности документа, рассмотрены социолингвистические аспекты описания нарушения и наказания.

Ситуация № 2. Командир счел, что застал находящегося в наряде курсанта спящим, и потребовал написать объяснение. Офицер настаивает, что голова курсанта лежала на коленях, то есть факт засыпания очевиден. Но курсант отрицает, что заснул во время дежурства, и обращается за помощью в составлении документа к преподавателю.

На занятии курсантам предлагается составить свой вариант объяснения. Преподаватель поднимает вопрос о цели документа. Он акцентирует внимание аудитории на том, что цель объяснения – изложить свое видение вопроса, отстоять себя. Во время подготовки документа наибольшие затруднения у пишущих вызывают описание факта – «голова на коленях» – и формулирование заключительной части с клишированной фразой «обязуюсь впредь...». Преподаватель объясняет, что конструкцию «моя голова лежала на коленях, но я не спал» следует заменить на фразу «сидел на стуле с низко опущенной головой», так как они совершенно по-разному интерпретируются, а значит, влекут за собой разные последствия. В аудитории инициируется дискуссия о том, следует ли размещать в конце текста документа фразу о признании вины и обещании исправиться, если нет внутреннего согласия с тем, что провинился.

Итог: в рамках занятия актуализированы вопросы коммуникативной точности документа, уровней содержащейся в нем информации (содержательно-фактуальной, содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной), интерпретационного потенциала текста документа, коммуникативной этики.

Ситуация № 3. Сокурсники во время самоподготовки поссорились из-за курсанта-девушки, которую один из них назвал «бабой в погонах». Завязалась драка. Подоспевший начальник курса потребовал письменных объяснений от участников конфликта и от отвечающего за дисциплину командира группы.

На занятии курсантам дается задание: написать объяснение от лица одного из участников конфликта (оскорбившего однокурсницу, вступившего за нее, командира группы, ответственного за дисциплину). Цель документа, как правило, всем понятна, однако возникают проблемы стилистически верного формулирования описания произошедшего. Проанализировав ответы, преподаватель вводит понятие «человек как языковая личность» и предлагает каждому ответить на ряд вопросов: Как я отражаюсь в тексте документа, составленном мною? Что можно сказать о человеке на основании текстов подготовленных им документов? Как останавливать конфликты

посредством вербальной коммуникации, какие коммуникативные приемы здесь могут быть использованы?

Итог: в рамках занятия актуализированы вопросы построения стилистически выверенных текстов документов, самопрезентации автора в тексте документа, характеристик и критериев определения понятий «коммуникативный конфликт», «языковая личность», «оскорбление».

Ситуация № 4. После уборки аудитории для самоподготовки дежурный курсант не обесточил компьютер. Это вскрылось ночью во время проверки. Служба тыла запросила письменное объяснение.

На занятии преподаватель предлагает подготовить вариант текста объяснения таким образом, чтобы свести представление о тяжести проступка к минимуму. Проверив подготовленные варианты, он поднимает вопрос об использовании в документе манипулятивных техник. На основе рассмотрения различных возможных в такой ситуации приемов курсанты выбирают наиболее подходящий – «позитивный трансфер». То есть необходимо описать все выполненные работы, добавив замечание о том, что осталось не выполнено только одно дело. Негативный эффект недочета снижается на фоне позитивной информации.

Итог: в рамках занятия актуализированы вопросы использования манипулятивных приемов в документной коммуникации, построения коммуникативной стратегии в тексте, формирования цели и задач документа, выстраивания структуры текста в соответствии с поставленными задачами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами были разработаны ситуативные комплексы заданий для практических занятий. На их основе курсанты решали социолингвистические задачи по подготовке или редактированию служебного документа. Несмотря на обязательность проверки грамотности составленного обучающимся текста, основной акцент в его анализе смещался преподавателем на коммуникативный компонент исследуемого источника с педагогической ориентацией на формирование профессиональной коммуникативной компетенции. Использование витagenного опыта курсантов существенно повышало интерес к теме: обсуждались проблемы, возникающие в их сообществе, их наказания и их личный опыт побед и поражений. В таких условиях обучающиеся стремятся к овладению знаниями, которые бы усиливали их позиции в образовательной деятельности сейчас и в перспективе в профессионально-служебных отношениях в коллективе сотрудников подразделений ОВД.

На наш взгляд, эксперимент с использованием витagenного опыта первокурсников учебных заведений МВД России оказался результативным в части формирования их профессиональной коммуникативной компетенции. Это позволяет говорить об успешности влияния на обучающихся технологии образования взрослых, опирающейся на актуализацию их витagenного (жизненного) опыта, и, соответственно, об эффективности ее применения в вузах даже на первых курсах. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
2. Кудин В.А. О профессиональной подготовке специалистов для ОВД на основе Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3 (51). С. 4-9.
3. Капустюк О.Ю., Нежжина Л.Ю. О некоторых аспектах профессиональной компетентности сотрудника ОВД // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3. С. 25-30.
4. Ульяновская Е.В. Информационные технологии и информационная безопасность в ходе преподавания гуманитарных дисциплин (из опыта Западного филиала РАНХиГС) // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2019. С. 310-312.
5. Анисимова Т.В. Коммуникативная компетенция специалиста: жанровый аспект // Неофилология. 2025. Т. 11. № 3. С. 553-564.
6. Внуковская А.В. К вопросу о специфике языковой подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-3. С. 121-126.
7. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере совершенствования взаимодействия участников образовательного процесса: криминологический взгляд // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 65-73.
8. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.
9. Варлачева А.В. Формирование профессиональных компетенций сотрудников ОВД РФ через практико-ориентированные методы обучения в системе непрерывного образования // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2026. № 01. С. 239-246.
10. Сабинин А.А. Формирование профессиональных компетенций обучающихся ведомственных образовательных организаций системы МВД России в парадигме практико-ориентированного подхода к обучению // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3. С. 23.
11. Фатеева И.А. Практико-ориентированное обучение журналистике: традиции и перспективы // Медиаскоп. 2008. № 1. С. 24.
12. Тырыгина Г.А. О компетентностно-ориентированной практике студентов ИТ-специальностей // Современные информационные технологии и ИТ-образование. М.: МГУ, 2008.
13. Иоголевич В.А. Профессионально-прикладную направленность – в основу обучения // Вестник кадровой политики МВД России. 2010. № 1. С. 13-18.
14. Анисимова Т.В. Основы методики преподавания риторики юристам: Монография. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. 170 с.
15. Шашкова В.Н. Возможности реализации практико-ориентированного обучения в образовательной организации МВД России в рамках преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык» // Педагогика и просвещение. 2025. № 4. С. 177-188.
16. Белкин А.С., Вербицкая Н.О. «Витагенное» образование как научно-педагогическая категория // Образование и наука. 2001. № 3. С. 18-28.
17. Белкин А.С., Свинина Н.Г. Витагенный опыт и витагенный принцип – категории педагогической антропологии // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 15-25.

REFERENCES

1. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.
2. Kudin V.A. O professional'noy podgotovke spetsialistov dlya OVD na osnove Federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya novogo pokoleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 3 (51). S. 4-9.
3. Kapustyuk O.Yu., Nezhkina L.Yu. O nekotorykh aspektakh professional'noy kompetentnosti sotrudnika OVD // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 3. S. 25-30.
4. Ul'yanovskaya Ye.V. Informatsionnyye tekhnologii i informatsionnaya bezopasnost' v khode prepodavaniya humanitarnykh distsiplin (iz opyta Zapadnogo filiala RANKhiGS) // Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Zapadnyy filial RANKhiGS, 2019. S. 310-312.
5. Anisimova T.V. Kommunikativnaya kompetentsiya spetsialista: zhanrovyy aspekt // Neofilologiya. 2025. T. 11. № 3. S. 553-564.

6. Vnukovskaya A.V. K voprosu o spetsifike yazykovoy podgotovki obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. 2022. № 8-3. S. 121-126.
7. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere sovershenstvovaniya vzaimodeystviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: kriminologicheskii vzglyad // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. T. 1. № 4. S. 65-73.
8. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak odno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.
9. Varlacheva A.V. Formirovaniye professional'nykh kompetentsiy sotrudnikov OVD RF cherez praktiko-oriyentirovannyye metody obucheniya v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya // Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskii zhurnal. 2026. № 01. S. 239-246.
10. Sabinin A.A. Formirovaniye professional'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya vedomstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii v paradigme praktiko-oriyentirovannogo podkhoda k obucheniyu // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2022. № 3. S. 23.
11. Fateyeva I.A. Praktiko-oriyentirovannoye obucheniye zhurnalistike: traditsii i perspektivy // Mediaskop. 2008. № 1. S. 24.
12. Tyrygina G.A. O kompetentnostno-oriyentirovannoy praktike studentov IT-spetsial'nostey // Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovaniye. M.: MGU, 2008.
13. Iogolevich V.A. Professional'no-prikladnuyu napravlennost' - v osnovu obucheniya // Vestnik kadrovoy politiki MVD Rossii. 2010. № 1. S. 13-18.
14. Anisimova T.V. Osnovy metodiki prepodavaniya ritoriki yuristam: Monografiya. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. 170 s.
15. Shashkova V.N. Vozmozhnosti realizatsii praktiko-oriyentirovannogo obucheniya v obrazovatel'noy organizatsii MVD Rossii v ramkakh prepodavaniya uchebnoy distsipliny «Inostranny yazyk» // Pedagogika i prosveshcheniye. 2025. № 4. S. 177-188.
16. Belkin A.S., Verbitskaya N.O. «Vitagennoye» obrazovaniye kak nauchno-pedagogicheskaya kategoriya // Obrazovaniye i nauka. 2001. № 3. S. 18-28.
17. Belkin A.S., Svinina N.G. Vitagennyy opyt i vitagennyy printsip - kategorii pedagogicheskoy antropologii // Pedagogicheskoye obrazovaniye. 2007. № 1. S. 15-25.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Ковшикова Е.В., Гимпельсон Е.Г., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковшикова Е.В., Гимпельсон Е.Г. Витagenный опыт обучающихся в контексте практико-ориентированного подхода к формированию коммуникативной компетенции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 143-150.

Светлана Анатольевна ЧУБАЙ,

кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0000-0002-3660-8267

Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)

доцент кафедры русской филологии и журналистики

schubaj@mail.ru

Научная статья

УДК 378.147:808.5

ДИСКУССИЯ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Спор, дискуссия, методика преподавания риторики, метод обучения, организация учебной дискуссии, коммуникативная компетенция, взаимодействие партнеров в дискуссии.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье ставится вопрос о необходимости разработки более углубленного подхода к обучению студентов ведению дискуссии. Данная учебная форма считается одной из самых эффективных, так как в процессе ее использования вырабатываются многие важные элементы коммуникативной компетенции. Несмотря на это, почти никто не обучает студентов самой процедуре ведения спора. Наличие разнообразных учебных материалов на эту тему не решает проблемы, поскольку большая часть такого рода пособий не имеет общей теоретической базы и содержит лишь разрозненные рекомендации. Цель проведенного автором статьи исследования заключалась в систематизации материалов по методике организации учебной дискуссии. Необходимо было определить оптимальные пути формирования дискуссионной компетенции у студентов-гуманитариев, описать эффективные методические приемы обучения различным формам взаимодействия партнеров в дискуссии. *Методы.* В ходе проведения исследования использовался комплекс характерных для педагогики теоретических и эмпирических методов: анализ теоретических положений и практических рекомендаций, содержащихся в научной литературе, метод систематизации и интерпретации полученной информации, сопоставительный анализ, дефиниционный анализ, индукция и дедукция, анализ педагогического опыта. *Результаты.* Сформулирован перечень навыков, которые необходимо вырабатывать в процессе применения рассматриваемой учебной формы. Среди наиболее важных из них: умение толерантно относиться к иным точкам зрения; умение четко формулировать как свою точку зрения, так и точку зрения оппонента; умение выявлять то, что объединяет позиции проponentа и оппонента, может служить основой для консенсуса; умение находить веские аргументы в защиту своей позиции; умение грамотно формулировать вопросы во время спора; умение строить свои реплики по законам риторики; умение правильно вести себя во время спора. Приводятся примеры учебных ситуаций организации дискуссии.

ВВЕДЕНИЕ

Умение грамотно вести дискуссию часто упоминается исследователями среди важнейших компетенций, которыми должен владеть выпускник вуза [1, 2, 3]. В связи с этим многие авторы учебников (в том числе и по сугубо юридическим дисциплинам) рекомендуют проведение дискуссий в качестве одной из самых эффективных форм выработки важных элементов коммуникативной компетенции [4]. Вместе с тем наблюдения показывают, что культура ведения дискуссии в нашей стране находится на очень низком уровне, поскольку никто не обучает людей самой процедуре спора. Наоборот, ведущие различных телепрограмм для поддержания интереса к своим передачам специально провоцируют участников на использование недопустимых в цивилизованном обществе приемов. Чаще всего это нежелание выслушивать мысль оппонента полностью (перебивание), оскорбление оппонента, замена раци-

ональных аргументов оценочными суждениями, переход на личности и т.п. Таким образом, вместо воспитания культуры спора средства массовой информации формируют у зрителей уверенность в допустимости неэтичного поведения в процессе дискуссии.

Для преодоления проблемы необходимо, чтобы сами преподаватели вузов: 1) в полной мере овладели навыками грамотного ведения спора [5, 6]; 2) прежде чем предлагать студентам поучаствовать в дискуссии, поэтапно формировали у них необходимые для этого навыки [7, 8].

Однако добиться нужного результата непросто, поскольку имеющиеся учебные пособия не предлагают, как правило, внятных методик, а только выражают уверенность в необходимости соответствующей работы. При этом лингвисты углубляются в описание речевых актов, характерных для дискуссии (А.Ю. Белецкая, Л.П. Клобукова, Н.А. Ощепкова и др.), философы, изучающие логику, систе-

Svetlana A. CHUBAI,

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID 0000-0002-3660-8267

Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism

schubaj@mail.ru

DISCUSSION AS A METHOD OF TEACHING HUMANITIES STUDENTS

KEYWORDS. Dispute, discussion, rhetoric teaching methods, methods of teaching, organization of academic discussion, communicative competence, interaction of partners in discussion.

ANNOTATION. Introduction. This article addresses the need to develop a more in-depth approach to teaching students how to conduct debates. This educational format is considered one of the most effective, as it helps students develop many important elements of communicative competence. Despite this, almost no one teaches students the actual procedure of conducting a debate. The availability of diverse educational materials on this topic does not solve the problem, as most of these manuals lack a common theoretical basis and contain only disparate recommendations. The purpose of the author's study was to systematize materials on the methodology of organizing academic debates. It was necessary to determine optimal ways to develop debate competence in humanities students and to describe effective teaching methods for various forms of interaction between partners in a debate. **Methods.** The study utilized a range of theoretical and empirical methods typical of pedagogy, including analysis of theoretical principles and practical recommendations found in scientific literature, method of systematizing and interpreting the obtained information, comparative analysis, definitional analysis, induction and deduction, and analysis of pedagogical experience. **Results.** A list of skills that need to be developed while applying the considered educational form has been formulated. The most important of these include: the ability to be tolerant of other points of view; the ability to clearly formulate both one's own point of view and the opponent's point of view; the ability to identify common ground between the positions of the proponent and the opponent, which can serve as the basis for consensus; the ability to find compelling arguments in defense of one's position; the ability to correctly formulate questions during a debate; the ability to construct one's responses according to the laws of rhetoric; and the ability to behave correctly during a debate. Examples of educational situations involving the organization of a discussion are provided.

материализуют рациональные виды аргументов и составляют их классификации (А.С. Александров, А.П. Алексеев, А.Г. Брутян и др.) и т.п. Когда же за обучение основам ведения дискуссии берутся преподаватели в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Языковая коммуникация в профессиональной сфере на русском языке», всё сводится к грамотному использованию формул речевого взаимодействия: «Употребление вводных слов, конструкций, позволяющих подчеркнуть логику доказывания, подбор особой лексики, использование эмоционально-экспрессивных конструкций, чередование стилистически нейтральной и официально-деловой, научной и даже разговорной лексики» [9, с. 393]. Несмотря на очевидную полезность и важность для соответствующих научных областей всех перечисленных аспектов, они не помогут преподавателю, который стремится сам овладеть методикой ведения дискуссии и научить этому студентов.

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена недостаточной разработанностью методики обучения студентов грамотному ведению дискуссии и необходимостью овладения будущими специалистами данным навыком. Цель исследования состояла в систематизации материала по методике организации учебной дискуссии: определении наиболее оптимальных путей формирования дискуссионной компетенции у студентов-гуманитариев и описании некоторых эффективных методических приемов обучения формам взаимодействия партнеров в дискуссии.

МЕТОДЫ

В ходе работы нами использовались комплекс теоретических и эмпирических методов, харак-

терных для педагогических исследований. Были подвергнуты анализу теоретические положения и практические рекомендации, содержащиеся в научной литературе, посвященной вопросам методики организации учебной дискуссии. Оказались востребованы метод систематизации и интерпретации полученной информации и сопоставительный анализ выявленных позиций ученых. Проведенный затем дефиниционный анализ позволил выделить элементы содержания понятия «дискуссия» и таким образом уточнить значение соответствующего термина. Индукция и дедукция применялись в рамках разработки методики обучения. Итоги анализа педагогического опыта стали основой для определения особенностей, форм, методов и приемов организации учебной дискуссии. Наконец, абстрагирование и обобщение помогли сформулировать выводы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С точки зрения педагогики представляется недопустимой весьма распространенная практика: задать тему и попросить студентов приступить к дискуссии по ней. Многочисленные наблюдения показывают, что даже если тема действительно интересует обучающихся, они не могут полноценно использовать рассматриваемую нами учебную форму, поскольку не способны (не умеют) взаимодействовать по мысли. Каждый выступающий высказывает свою точку зрения, общей работы над выработкой взаимоприемлемого решения проблемы не получается. Если же студенты не испытывают личного интереса к теме, спор превращается в вялый обмен не связанными между собой и невнятно сформулированными банальностями. Для устранения указанного недостатка необходи-

мо выполнить несколько взаимосвязанных действий.

Прежде всего нужно сформировать четкое представление о том, что именно обозначается термином «дискуссия». Это важно сделать, так как в научной практике единого мнения пока не достигнуто. До сих пор регулярно предлагаются определения, содержащие оценочные элементы, то есть характеризующие не столько сам вид спора, сколько поведение его участников. Так, например, в одном из учебных пособий читаем: дискуссии «ведут к мирному исходу событий, к коллективному поиску истины», в то время как полемика имеет целью «одержать победу над противником во что бы то ни стало»¹. Однако: 1) далеко не все споры (в том числе в форме дискуссии) ведутся ради поиска истины: в нашей общественной практике гораздо более актуальны споры ради убеждения (ради принятия решения), они проходят в ситуациях, когда не может быть найдено единственно верного ответа на основной вопрос [10]; 2) будет ли достигнут компромиссный результат или оппоненты стремятся только к победе, зависит не от формы спора, а от степени личной заинтересованности участников в его исходе [11].

В связи с этим полагаем, что более приемлемыми являются неоценочные определения. С точки зрения М.В. Кларина, дискуссия – это «целенаправленный и упорядоченный обмен мнениями в группе ради поиска разных ракурсов понимания» проблемы [12]. Такого рода дефиниции показывают, что дискуссия – это только *форма спора*, когда имеется тезис и антитезис, а спорящие пытаются аргументировать свою позицию для того, чтобы убедить присутствующих в ее большей справедливости (соответствии действительности). Никаких указаний на характер поведения участников («с уважением относятся друг к другу», «стремятся найти истину» и т.п.) в таких определениях быть не должно, поскольку в этом случае возникает вопрос: как называется «упорядоченный обмен мнениями», в рамках которого поведение участников не соответствует указанным признакам? В нашей общественной практике было достаточно много дискуссий (в том числе и сугубо научных), не имевших ничего общего с той идеальной формой, которая описывается в учебниках. Мы можем говорить о наличии недочетов (иногда весьма грубых) в использовании их участниками аргументации. Однако они всё равно должны быть квалифицированы как дискуссии. Вот, например, речь ректора Варичева на собрании сотрудников института:

История биологии – это арена идеологической борьбы. Два мира – это две идеологии биологии. Это слова нашего выдающегося президента Т.Д. Лысенко. На протяжении всей истории биологической науки сталкивались на этом поле материалистическое и идеологическое мировоззрения. Сегодня мы собрались по конкретному вопросу. Наш институт лихорадит. Профессор Хейфиц, я обращаюсь персонально к вам. Вы и ваши скрытые коллеги должны, наконец, понять, что наступает предел нашему терпению и нашему либерализму.

Что вам по душе: присоединиться к победоносному шествию, вместе с нами творить будущее или же оказаться на свалке истории с такими «приятными» соседями, как Морган, Мендель и Вейсман? (В. Дудинцев «Белые одежды»).

В таком же духе велись в свое время и дискуссии о степени научности генетики и кибернетики. В них не ставилась цель поиска истины и вполне откровенно использовались различные приемы софистики. Обратим внимание на то, что последняя часть речи Варичева содержит ложную дилемму, поскольку предлагает выбрать между двумя вариантами, которые на самом деле не противопоставлены, и ситуация допускает бесконечное множество других линий как поведения ученого, так и развития всей науки. Более того, каждый член этой дилеммы содержит «скрытый произвольный довод» – уловку аргументации, когда спорная оценка, объективность которой нуждается в доказательстве, вставляется в текст как само собой разумеющаяся. С.И. Поварнин так объясняет суть этого софизма: «Когда я говорю: *такие проявления анархии, как этот поступок, недопустимы в государстве*, – то само собой подразумевается мысль: *этот поступок – проявление анархии*» [13, с. 40]. Вместе с тем, прежде чем соглашаться или не соглашаться с подобными оценочными суждениями, следует потребовать объяснений, на каком именно основании оценка присваивается предмету. «Между тем человечество, по лени мысли и по другим многим причинам, особенно склонно этого рода скрытых доводов не проверять, а принимать на веру» [13, с. 40]. В речи Варичева к числу скрытых произвольных доводов относятся следующие утверждения: *направление в биологии, возглавляемое Лысенко, совершает победоносное шествие; именно его представители творят будущее; генетика оказалась на свалке истории; Морган и другие генетики не достойны уважения*. Кроме того, этот прием осложнен уловкой, которую С.И. Поварнин называет игрой «красивыми названиями» и «злостными кличками» [13, с. 41], поскольку Варичев не просто оценивает научные направления, но и использует для их названия, с одной стороны, слова, относящиеся к высокому стилю и обозначающие безусловно положительные явления (*победоносный, шествие, творить*), а с другой стороны, сниженную лексику (*на свалке*) и иронию (*«приятные» соседи*).

Далее представлен перечень навыков, которые должны быть сформированы у студентов в процессе работы над дискуссией. Полагаем, что наиболее важными из них являются:

- понимание того, что у разных людей могут быть несовпадающие взгляды; толерантное отношение к иным точкам зрения (и высказывающим их людям);
- умение четко формулировать как свою точку зрения, так и точку зрения оппонента;
- умение извлекать пункт разногласия из позиции оппонента (кроме того, как подчеркивает Е.В. Ульяновская, одним из важнейших условий построения конструктивной дискуссии является

¹ Абрамова Н.А., Никулина И.А. Риторика для юристов: учебное пособие для бакалавров. М.: МГЮА, 2019.

точное употребление всех терминов и понятий [14, с. 157]);

- умение анализировать сходство и противоречие позиций, находить то, что объединяет позиции и может служить для поиска консенсуса;

- умение находить веские аргументы в защиту своей позиции (необходимо понимать, что такими на первом этапе спора могут быть убедительные (хорошо обоснованные) рациональные аргументы, почерпнутые из авторитетных источников; на втором этапе – ценностные аргументы (опирающиеся на важные для оппонента ценности));

- умение грамотно формулировать вопросы во время спора (это особенно сложное, но и крайне важное умение, поскольку с помощью вопросов часто можно добиться гораздо большего успеха, чем с помощью даже веских и грамотно построенных аргументов);

- умение грамотно строить свои реплики по законам риторики (это означает, что речь не должна строиться как «поток сознания» (набор не связанных между собой предложений), в каждой реплике должен быть только один тезис и несколько аргументов в его защиту);

- умение правильно вести себя во время спора (необходимо внимательно слушать и анализировать речь оппонента, извлекать из нее: 1) слабые аргументы, требующие дискредитации; 2) сильные аргументы, нуждающиеся в рациональном опровержении; 3) идеи, объединяющие спорящих; нельзя перебивать оппонента, неэтично надолго завладевать правом на речь (лишать оппонента возможности высказаться), нельзя грубить, переходить на личности, использовать софизмы и т.п.).

Все требования, предъявляемые к дискуссии, должны быть не только четко сформулированы, но и отработаны в процессе обучения студентов ведению спора. Если преподаватель ставит перед собой цель научить их грамотно спорить, то он вполне способен пресекать агрессивные формы взаимодействия спорящих. Ему следует не разрешать одному из них перебивать другого; продемонстрировать приемы формирования партнерского общения; попросить говорящего объяснить, чем именно его позиция отличается от той, которую занимает оппонент; самому с помощью вопросов подвести оратора к пониманию своей ошибки и т.д.

Вместе с тем важно учитывать будущую специальность студентов, поскольку методика построения дискуссии в разных случаях имеет определенную специфику: это касается, например, лингвистов, изучающих иностранные языки [15], студентов технических специальностей [16], будущих юристов [17, 18] и журналистов [19].

Поскольку в одной статье невозможно рассмотреть все аспекты отработки навыков ведения спора, остановимся только на некоторых из них, на наш взгляд, самых важных и трудных для усвоения.

1. Выработка настроенности на сотрудничество, а не на конфронтацию. Конструктивно направленные дискуссии (имеющие целью консенсус участников спора) гораздо более продуктив-

ны, чем конфликтно направленные (имеющие целью победу, подавление оппонента). Важно добиться от студентов понимания того, что даже если в целом позиция оппонента неприемлема, всегда можно найти те элементы содержания, которые следует принять на вооружение. Это в большей степени относится к спорам не научного, а общественного характера, когда нет единственно правильных вариантов решения проблем и всегда можно найти какие-то взаимоприемлемые аспекты. Однако и в научной сфере, если оба оппонента в полной мере владеют материалом (не дилетанты), они зачастую способны найти достоинства в позиции другой стороны. В связи с этим особенно важно не ограничиваться исключительно доказательством своей правоты, а постараться объективно взглянуть на ситуацию. Что из сказанного оппонентом о слабости моей позиции разумно? Как можно компенсировать подмеченные им недостатки? Какие элементы позиции оппонента кажутся мне разумными? Как их можно использовать в моем варианте решения проблемы? Если дискуссия проходит организованно, стороны не стремятся подавить оппонента и во что бы то ни стало настоять на своем мнении (то есть относятся к дискуссии как к способу решения проблемы, а не как к средству самоутверждения), предъявляют свои аргументы и анализируют аргументы другой стороны, ищут приемлемые элементы в позиции другой стороны и формулируют их, – всё это приносит очень большую пользу для повышения коммуникативной компетентности будущего специалиста.

Для выработки рассматриваемого умения на первом этапе предлагается обсудить 2-3 цитаты из высказываний ученых прошлых лет, с которыми современная наука уже не согласна. При этом студенты должны не только четко и грамотно сформулировать причины своего несогласия с проponentом, но и найти положительные элементы в его высказывании – то, что является ценным и может быть использовано в современной практике. Именно это умение – отделять истинные элементы высказывания от ложных, рациональное «зерно» от оценочных «плевел» – имеет особенную ценность, поскольку поможет обучающимся в дальнейшем опознавать и исправлять весьма распространенную в наших дискуссиях ошибку. Она состоит в том, что, обнаружив в общественной практике или выдвинутом предложении какие-либо недостатки, оратор предлагает не исправить ошибку, а полностью изменить общественную практику или отказаться от реализации инициативы. Например, в Думу поступило предложение о внесении в закон важной поправки. Однако поправка плохо сформулирована и не соответствует многим требованиям. Доказавший это депутат рекомендует ее отклонить и не трогать закон. Хотя гораздо полезнее признать, что закон действительно нуждается в уточнении и отправить поправку на доработку. Другой пример: охрана университета плохо справляется со своими обязанностями. Уличив очередной раз охранников в распитии на рабочем месте спиртных напитков, проректор по административно-хозяйственной части выступает

с предложением совсем отказаться от охраны. Однако гораздо более правильным окажется решение ограничиться только увольнением провинившихся охранников и озаботиться поиском им на смену добросовестных сотрудников.

2. Умение задавать вопросы. Студентов важно научить целенаправленно вести дискуссию с помощью вопросов. Для этого полезно использовать метод сократического диалога. Суть его состоит в том, что один из собеседников задает другому вопросы, для того чтобы, отвечая на них, тот сам пришел к требуемому выводу. В нашей литературе этот прием нередко объявляется способом поиска истины. Однако истина – это то, что объективно существует отдельно от людей. Она не является собственностью ни одного из участников дискуссии. Сократический диалог – это методический (педагогический) прием, позволяющий более опытному его участнику помочь менее опытному самому прийти к необходимому (заранее известному пропоненту) выводу. Как правило, в таких диалогах речь идет не об объективной истине, а лишь об оценочных (этических, педагогических и т.п.) или общественно значимых суждениях. В подобного рода ситуациях диалог рассматриваемого вида позволит более надежно убедить собеседника в правильности выдвинутого тезиса, чем любые, даже самые безупречные, аргументы. Если пропонент не навязывает прямо свое мнение, а позволяет собеседнику самому пройти путь к необходимому выводу, то этот вывод начинает восприниматься как его собственная мысль. Поэтому она надолго запоминается и кажется верной.

Рассмотрим пример сократического диалога из работы Платона «Федон» [20, с. 158]:

«Сократ, любая лож является злом!» – «Скажи, случается ли так, что дитя болеет, но не желает принимать горькое лекарство?» – «Да, безусловно» – «Бывает ли так, что его родители обманом заставляют принять это лекарство в виде пищи или питья?» – «Конечно, бывает» – «То есть такой обман поможет спасти чаду жизнь?» – «Да, может» – «И никому эта лож не причинит вреда?» – «Конечно, нет» – «В данном случае будет ли такой обман считаться злом?» – «Нет» – «Так всякую ли лож можно считать абсолютным злом?» – «Выходит дело, что не всякую».

Однако не следует забывать о том, что этот метод не универсален. Так, в диалогах Сократа оппонент всегда высказывает абсурдные мысли, которые несложно опровергнуть. При этом собеседник ведет себя покорно и соглашается со всеми высказываниями Сократа. В жизни же позиция, кажущаяся правильной с одной точки зрения, вполне может восприниматься как неприемлемая с другой точки зрения. Возьмем для примера эпизод из художественного фильма «Небесный суд». По сюжету человек после смерти попадает на суд, где присяжные оценивают последние в жизни деяния и определяют, куда его направить: в рай (сектор покоя) или в ад (сектор раздумий). Судят человека, перед смертью отравившего соседскую кошку:

Адвокат: Я думаю, что говорить о «секторе раздумий» сегодня не придется. Хотя последнее деяние моего подзащитного кажется совсем неприглядным.

Отравить соседскую кошку. Испачкать собственные рукава ядом. Сполоснуть их в своем супе. И ровно через 10 минут отправиться вслед за милой киской. Казалось бы: справедливый суд совершился уже там, на земле. Но! (Одной из присяжных) Как часто в своей земной жизни вы кипятили воду?

Женщина: Ну разумеется, часто: чай, суп.

Адвокат: Для чего?

Женщина: Для того чтобы вода была безопасной.

Адвокат: Значит, вы преднамеренно убили примерно 10 миллионов амёб, простейших животных, которые умели дышать, переваривать пищу. И уж наверняка сучили своими ложноножками, когда их среда обитания превращалась в кипящий ад. (Одному из присяжных) Скажите, пожалуйста, а на вашем счету сколько жертв?

Показывает таракана в коробочке.

Мужчина: Но ведь это же таракан!

Адвокат: Да-да, таракан! Которого мы давим тапками, травим Дихлофосом. Это то существо, которое каждый из нас мог раздавить в последний миг своей жизни и получить билет в сектор раздумий. Но, господа присяжные заседатели! Скажите мне, где заканчивается рефлекс, по которому мы можем прихлопнуть комара или муху, и начинается убийство? А я вам скажу: убийство начинается там, где есть душа!

Прокурор: Протест! По мнению подсудимого, который всю свою земную жизнь был убежденным атеистом, души нет. Соответственно, убитая им кошка, как представитель класса млекопитающих, подкласса звери, инфракласса плацентарных, ничем не отличалась от него самого. Более того, он обращался к ней как к равному субъекту права. Посмотрим!

На экране показывают последние минуты жизни подсудимого: он кормит кошку отравленным мясом со словами: Ну что, зараза! Не будешь больше ссать под дверь. Скажи еще «не специально»! За свои поступки надо отвечать!

Прокурор (подсудимому): Полностью с вами согласен: убийство себе подобного – последнее деяние, осуществленное вами при жизни. (Суду) Ни на чём не могу настаивать, но вряд ли это сектор покоя!

Здесь в первой части адвокат использует элементы сократической беседы, пытается с помощью вопросов подвести присяжных к выводу: только убийство человека является преступлением. За убийство животного наказания быть не может. Однако во второй части это же деяние прокурор оценивает совершенно по-другому, поскольку сам подсудимый воспринимал кошку как разумное существо, которое должно отвечать за свои поступки.

Обучение рассмотренному приему дает очень хорошие результаты: даже если студенты потом не применяют его, они приобретают понимание логики построения спора.

3. Умение четко формулировать свою позицию. Необходимо, чтобы все учебные дискуссии проводились на актуальные темы, интересные для обучающихся. Если занятие проводится в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи», «Риторика» и т.п., где обучение приемам ведения спора является самостоятельной темой, можно предложить студентам выбрать предмет обсуждения

самим. На занятиях по другим дисциплинам тему дискуссии определяет преподаватель. Ее назначение – помочь усвоить особенно сложный теоретический материал, повысить профессиональную квалификацию обучающихся. В любом случае тема должна допускать наличие разных мнений и предложений по решению общественно значимой проблемы. Педагог исполняет роль модератора общения, направляющего коммуникативный процесс в позитивное русло.

Так, например, в рамках дисциплины «Теория коммуникации» будущие журналисты приглашаются к участию в дискуссии о преимуществах и недостатках основных концепций коммуникативистики. Прежде всего среди студентов распределяются роли. Кибернетический подход представляют Н. Винер, К. Шеннон, У. Уивер; культурологический подход – К. Леви-Стросс, М. Бахтин, В.С. Библиер; семиотический подход – Ч. Пирс, Ч. Моррис, Р. Барт; лингвистический подход – Ф. де Соссюр, Э. Сепир, Р.Я. Якобсон. Каждый студент, получивший роль, должен ознакомиться с трудами соответствующего ученого до такой степени, чтобы быть в состоянии не просто пересказать без шпаргалки их суть, но и суметь от первого лица объяснить отличия своей позиции от позиций ученых, представляющих другие подходы, и от позиций соратников. При этом важно правильно оспаривать мнения оппонентов и дополнять (или корректировать) мнения сторонников. Остальные студенты (не имеющие ролей) получают задание подготовить вопросы участникам дискуссии. Им также разрешается вступать в спор с «учеными» и высказывать свои соображения по поводу отдельных положений их концепций.

Результат участия студента в дискуссии оценивается по трем критериям:

- 1) глубина владения материалом, профессионализм в предъявлении своей точки зрения, знание тонкостей, помогающих правильно оценить как свою позицию, так и позицию оппонента;
- 2) степень владения приемами и тактиками аргументации; умение изыскивать новые аргументы, убедительные для оппонента; умение работать с аргументами оппонента, анализировать их и адекватно оценивать, отбирать всё ценное и полезное;
- 3) поведение в процессе дискуссии: умение слушать (и слышать) оппонента, не перебивать, задавать уточняющие вопросы, вежливо и доброжелательно вести себя, сдерживать эмоции, не переходить на личности и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискуссия – это весьма эффективный метод группового обучения, помогающий формировать все аспекты коммуникативной компетенции студентов: умение четко и компактно формулировать свои мысли, выстраивать аргументативные стратегии воздействия на адресата, анализировать высказывание оппонента и находить в нем спорные элементы. Кроме того, ведение дискуссии развивает творческие способности и вырабатывает навыки критического анализа. Наблюдения показывают, что дискуссионная компетенция в настоящее время формируется у студентов недостаточно грамотно. Не только преподаватели вузов, но и авторы учебников не прикладывают усилий к выработке у них умения грамотно вести спор. Более того, они сами демонстрируют непонимание основных принципов ведения спора.

Для решения проблемы необходимо последовательно и целенаправленно обучать студентов эффективному ведению дискуссии. В первую очередь добиться того, чтобы они научились формулировать тезис и антитезис спора, находить пункт разногласия. Только после того, как это умение станет автоматическим, можно переходить к отработке поиска убедительных аргументов. На этом этапе главной становится мысль о ценностной основе аргументации: в обоснование одного и того же тезиса в разных аудиториях следует приводить разные аргументы. На следующем этапе (когда собственные навыки аргументации уже достаточно прочно закреплены) основное внимание уделяется анализу аргументов оппонента и способам работы с ними. Одновременно вырабатываются умения задавать вопросы на уточнение мыслей оппонента и подводить его с помощью вопросов к требуемому выводу. На последнем этапе основной акцент делается на правильном поведении в ходе дискуссии (не перебивать, не монополизировать речь, не переходить на личности и т.п.). Если этот порядок обучения студентов не соблюдается, добиться позитивного результата будет, по нашему мнению, весьма затруднительно.

В ситуации критически малого количества часов, выделенных на изучение речеведческих дисциплин, и при отсутствии должной мотивации к обучению у студентов методика выработки дискуссионной компетенции обязательно должна, во-первых, строиться на профессионально ориентированном материале (а не на абстрактной или культурно ориентированной тематике) и, во-вторых, иметь как можно более наглядную (визуализированную) форму. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова Т.В., Ковшикова Е.В. Место риторического компонента в структуре коммуникативной компетенции // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 8-12.
2. Пригарина Н.К. Место риторики в процессе формирования коммуникативной компетенции специалиста // Филологический аспект. Серия: Методика преподавания языка и литературы. 2024. № 54 (27). С. 23-29.
3. Решняк О.А., Алексеева А.П. Использование IT-технологий в раскрытии и расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого современными способами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 125-130.
4. Анисимова Т.В. Современный учебник по риторике для вузов: проблемы, композиция, текст // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 4. С. 240-251.

5. Гимпельсон Е.Г. Преподавание гуманитарных дисциплин в вузе: баланс нового и традиционного // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2025. С. 85-89.
6. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
7. Ковшикова Е.В. Традиции и новации в образовательном процессе современного учреждения высшего образования: комплексный анализ // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: Материалы международной межвузовской научно-методической конференции. СПб, Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. С. 129-133.
8. Ульяновская Е.В. Деловые игры на примере обучения государственных и муниципальных служащих в Западном филиале РАНХиГС // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 189-191.
9. Емельянова О.Б. Развитие навыков свободного участия в полемических формах делового общения у студентов неязыковых вузов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 391-395.
10. Анисимова Т.В. Основы методики преподавания риторики юристам: Монография. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. 166 с.
11. Сердобинцев К.С. Русская философская мысль – аксиологическая основа формирования цивилизационной идентичности // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 13-16.
12. Кларин М.В. Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта: Монография. М.: Луч, 2018. 640 с.
13. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. Минск: Полифакт, 1992. 48 с.
14. Ульяновская Е.В. Дискуссия как один из элементов формирования компетенций (из опыта проведения практических занятий по истории и культурологии в Западном филиале РАНХиГС) // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 156-159.
15. Панферова Е.Ю., Сетракова А.Н. Академическая дискуссия в методике обучения иноязычной коммуникативной компетенции // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 179-182.
16. Попрядухина Н.Г., Уткина О.Л. Эффективные методы преподавания гуманитарных дисциплин студентам технического профиля // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. Т. 14. № 3. С. 47-52.
17. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
18. Алексеева А.П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование. Волгоград: ВА МВД России, 2010. 129 с.
19. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Социальная реклама: риторический анализ плакатов социальной тематики. М.: Русайнс, 2020. 278 с.
20. Платон. Диалоги. Апология Сократа. М.: АСТ, 2021. 352 с.

REFERENCES

1. Anisimova T.V., Kovshikova Ye.V. Mesto ritoricheskogo komponenta v strukture kommunikativnoy kompetentsii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2024. № 5 (108). S. 8-12.
2. Prigarina N.K. Mesto ritoriki v protsesse formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii spetsialista // Filologicheskii aspekt. Seriya: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury. 2024. № 54 (27). S. 23-29.
3. Reshnyak O.A., Alekseyeva A.P. Ispol'zovaniye IT-tekhnologiy v raskrytii i rassledovanii nezakonno go sbyta narkoticheskikh sredstv, sovershayemogo sovremennymi sposobami // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2021. № 4 (59). S. 125-130.
4. Anisimova T.V. Sovremennyy uchebnik po ritorike dlya vuzov: problemy, kompozitsiya, tekst // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2022. № 4. S. 240-251.
5. Gimpel'son Ye.G. Prepodavaniye gumanitarnykh distsiplin v vuze: balans novogo i traditsionnogo // Tatishchevskie chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tol'yatti: Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva (institut), 2025. S. 85-89.
6. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.
7. Kovshikova Ye.V. Traditsii i novatsii v obrazovatel'nom protsesse sovremennogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya: kompleksnyy analiz // Innovatsionnyye tekhnologii v pedagogike vysshey shkoly: Materialy mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. SPb, Petergof: Voyennyi institut (zheleznodorozhnykh voysk i voyennykh soobshcheniy), 2024. S. 129-133.

8. Ul'yanovskaya Ye.V. Delovyye igry na primere obucheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v Zapadnom filiale RANKhiGS // Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. 2020. № 25-1. S. 189-191.

9. Yemel'yanova O.B. Razvitiye navykov svobodnogo uchastiya v polemicheskikh formakh delovogo obshcheniya u studentov neyazykovykh vuzov // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. 2021. № 3 (56). S. 391-395.

10. Anisimova T.V. Osnovy metodiki prepodavaniya ritoriki yuristam: Monografiya. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. 166 s.

11. Serdobintsev K.S. Russkaya filosofskaya mysl' – aksiologicheskaya osnova formirovaniya tsivilizatsionnoy identichnosti // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-16.

12. Klarin M.V. Innovatsionnyye modeli obucheniya: issledovaniye mirovogo opyta: Monografiya. M.: Luch, 2018. 640 s.

13. Povarnin S.I. Spor. O teorii i praktike spora. Minsk: Polifakt, 1992. 48 s.

14. Ul'yanovskaya Ye.V. Diskussiya kak odin iz elementov formirovaniya kompetentsiy (iz opyta provedeniya prakticheskikh zanyatiy po istorii i kul'turologii v Zapadnom filiale RANKHIGS) // Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire: Materialy konferentsii. Kaliningrad: Zapadnyy filial RANKhiGS, 2018. S. 156-159.

15. Panferova Ye.Yu., Setrakova A.N. Akademicheskaya diskussiya v metodike obucheniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2021. T. 10. № 4 (37). S. 179-182.

16. Popryadukhina N.G., Utkina O.L. Effektivnyye metody prepodavaniya humanitarnykh distsiplin studentam tekhnicheskogo profilya // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. 2025. T. 14. № 3. S. 47-52.

17. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.

18. Alekseyeva A.P. Prestupnost' v sfere professional'nogo sporta: kriminologicheskoye issledovaniye. Volgograd: VA MVD Rossii, 2010. 129 s.

19. Anisimova T.V., Chubay S.A. Sotsial'naya reklama: ritoricheskiy analiz plakatov sotsial'noy tematiki. M.: Rusayns, 2020. 278 s.

20. Platon. Dialogi. Apologiya Sokrata. M.: AST, 2021. 352 s.

© Чубай С.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Чубай С.А. Дискуссия как метод обучения студентов гуманитарных специальностей // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 151-158.

Ольга Борисовна ДРОНОВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0003-4604-1644
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности
nio-va@rambler.ru

Рецензия
УДК [343.985(043)](049.32)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ СЕЛЬДЖАН ЗАУР КЫЗЫ ШИХАЛИЕВОЙ «СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЪЕКТОВ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК»¹

Актуальность диссертационного исследования обусловлена насущной потребностью обеспечения достоверности извлекаемой в процессе проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий криминалистически значимой информации, представленной в цифровой форме, которая впоследствии подвергается экспертному исследованию, результаты которого коррелируются с применением научно-обоснованных методик и апробированных информационных технологий.

Следует признать, что при работе с вещественными доказательствами, представленными в цифровой форме, правоприменители не всегда обеспечивают надлежащее изъятие и защиту цифровых объектов от случайной или умышленной модификации. Это ведет к потенциальным рискам совершения субъектами раскрытия и расследования преступлений процессуальных, организационных и технических ошибок, которые в будущем негативно скажутся на установлении обстоятельств совершения преступления. При этом следует отметить, что применение существующих технологий экспертного исследования традиционных, но представленных в цифровой форме и новых объектов не всегда обеспечивает решение всего перечня вопросов, возникающих при их изучении, что нередко приводит к эмпирическому поиску путей разрешения поставленных задач. Ненадлежащая практика применения неапроби-

рованных методик, использование нелицензированного программного обеспечения, излишнее доверие к результатам, полученным с помощью технологий искусственного интеллекта, неизбежно становятся предпосылками формирования экспертных ошибок. Последние не только негативно сказываются на общественных отношениях, обеспечивающих функцию правосудия посредством доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, но и обесценивают судебно-экспертную деятельность, ставя под сомнение легитимность ее результатов.

В таких условиях разработка теоретических, правовых, организационных и методических основ прогнозирования и профилактики экспертных и следственных ошибок, которые могут возникнуть при работе с объектами, представленными в цифровой форме, приобретает особую значимость для совершенствования правоприменительной практики и противодействия преступности.

Соискатель обоснованно определила **предмет исследования**: это закономерности объективной действительности, обуславливающие появление следственных и экспертных ошибок при назначении и производстве судебных экспертиз объектов в цифровой форме, их прогнозирование и профилактика с учетом теоретических, организационных и методических основ цифровизации судебно-экспертной деятельности.

¹ Диссертация представлена на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Olga B. DRONOVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0003-4604-1644

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Professor of the Department of Forensic Science of the Educational and Scientific

Complex for Forensic Science Activities

nio-va@rambler.ru

OFFICIAL OPPONENT'S REVIEW OF SELJAN ZAUR KYZY SHIKHALIYEVA'S DISSERTATION «FORENSIC EXAMINATIONS OF DIGITAL OBJECTS: FORECASTING AND PREVENTING EXPERT ERRORS»¹

Автором правильно сформулирована и достигнута **цель исследования**, которая состоит в выявлении и последующем прогнозировании следственных и экспертных ошибок при работе с объектами в цифровой форме, а также разработке теоретических, правовых, организационных и методических рекомендаций для их профилактики. Этому во многом способствовало эффективное решение поставленных задач.

Несомненная **научная новизна** диссертационного исследования выражается в выявлении новых видов экспертных и следственных ошибок, обусловленных активным использованием цифровых технологий в преступной деятельности и появлением цифровых объектов, обладающих качественно другими характеристиками, требующими иного подхода к их исследованию; определении причин возникновения существующих и прогнозировании новых ошибок; определении профилактических мер по предотвращению совершения изученных ошибок, а также способов расширения компетенции следователей и экспертов путем внедрения дополнительных дисциплин в образовательные траектории и программы повышения квалификации.

Новизна работы отражена в восьми положениях, выносимых на защиту (с. 10-15²).

Надлежащая **теоретическая значимость** проведенного исследования обусловлена тем, что полученные автором результаты вносят вклад в совершенствование и развитие общей теории судебной экспертизы, теории цифровизации судебно-экспертной деятельности. Изложенные в диссертации результаты научного исследования могут быть использованы для прогрессивного развития учения об экспертных ошибках в судебной экспертиологии.

Практическая значимость работы не вызывает сомнения (с. 15-16) и состоит как в разработке рекомендаций и профилактических мер, направленных на предотвращение ошибок со стороны правоприменителей и экспертов, так и в предложениях по совершенствованию судебно-экспертной деятельности по исследованию объектов в цифровой форме.

Достоверность и научная новизна исследования подтверждаются репрезентативным эмпирическим материалом, включающим **комплексный анализ** размещенных в свободном доступе материалов судебной практики, результатов изучения материалов 198 уголовных дел, при рассмотрении которых назначались и проводились

судебные экспертизы цифровых объектов, 220 заключений экспертов по судебным экспертизам цифровых объектов и рецензий, подготовленных специалистами в целях оказания помощи органам следствия и суду в оценке заключений экспертов; результатов анкетирования 94 следователей следственных подразделений МВД России и следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации, 117 экспертов, в том числе сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений (47 экспертов) и негосударственных судебно-экспертных организаций (70 экспертов). Полагаем, что изученные материалы судебно-следственной и экспертной практики, а также иные эмпирические данные обеспечили всестороннюю проверку выдвигаемых научных положений.

Апробация и внедрение результатов (с. 16) диссертационного исследования проведены на разных уровнях. Основные выводы и положения работы представлены в 5 научных статьях, 4 из которых опубликованы в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Основные результаты исследования представлялись автором на шести научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня по проблемам судебной экспертизы.

Структура и содержание диссертации и автореферата соответствуют друг другу. Публикации соискателя полностью подтверждают выводы диссертационного исследования. Диссертация выполнена с соблюдением требований юридической терминологии и стилистики, при этом отличается доступностью и увлекательностью изложения. Автор демонстрирует ярко выраженную исследовательскую позицию и глубокое понимание как теоретической, так и практической составляющей изучаемой проблематики. Работа характеризуется высоким уровнем осмысления и проработки представленного материала. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих пять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Во **введении** (с. 4-17) отражена актуальность исследования, даны формулировки объекта и предмета, указаны цели и задачи, раскрыты теоретическая база и методология исследования, теоретическая и практическая значимость работы, изложены авторские позиции по поводу научной но-

¹ This dissertation is submitted for the degree of Cand. Sci. (Jurisprudence) in specialty 5.1.4. Criminal Law (Legal Sciences).

² Здесь и далее указаны страницы рукописи диссертации.

визны и положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации результатов исследования, обозначена структура диссертации.

Содержание первой главы **«Понятие экспертных ошибок и их трансформация в свете появления объектов судебных экспертиз в цифровой форме»** раскрывается в трех параграфах, отражающих теоретические предпосылки и существующую практику совершения следственных и экспертных ошибок, допускаемых в процессе работы с цифровыми объектами.

В первом параграфе **«Объекты судебных экспертиз в цифровой форме: сущность, виды и перспективы их исследования»** (с. 18-56) диссертантом представлен результат сопоставления частных криминалистических теорий информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и цифровой криминалистики. Изучение их положений позволило автору констатировать общее сходство рассматриваемых теорий и одновременно сделать вывод о том, что в систему теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности входит большее число составных направлений. Данное обстоятельство во многом объясняется использованием информационных технологий в качестве инструментария исследования и тем, что они сами стали непосредственными объектами исследования, созданными в процессе нового механизма слепообразования, связанного с процессами возникновения, обработки и передачи компьютерной информации.

Изучение различных подходов к лексическому, техническому и сущностному понятию «цифрового следа» позволило автору указать на его технологическую природу, свидетельствующую о материальности таких объектов. Рассмотрение содержания, видов, форм существования, ключевых характеристик и свойств цифровых следов, категорий их носителей позволило соискателю обоснованно утверждать, что определения «электронный носитель информации» и «электронный след», содержащиеся в действующем законодательстве, не учитывают всех характеристик и содержания самого носителя, сужая физическую природу цифровых следов и носителей до электронных. В связи с этим диссертант обоснованно утверждает необходимость использования более конкретного термина «цифровой объект», объединяющего существующие в экспертологии и компьютерных науках понятия цифрового следа и его носителя.

Особое внимание в параграфе уделено рассмотрению понятия цифрового документа, содержание которого предусматривает включение перечня содержащейся в нем информации, способ создания (первичный или вторичный) и возможность его использования. Автор обоснованно утверждает, что электронная подпись, являясь обязательным реквизитом электронных документов, должна прилагаться к основному документу в виде отдельного файла, будучи необходимым элементом и для текстовых документов, и для электронных переписок, и для фотоизображений. Следует поддержать позицию соискателя, обоснованно утверждающего, что для случаев транс-

формации данного документа в бумажную форму необходимо ввести единые и четко прописанные условия признания цифрового доказательства допустимым, а именно – сделать наличие электронной подписи или нотариальное заверение обязательным в целях обеспечения легитимности потенциального объекта экспертного исследования.

Второй параграф **«Экспертные ошибки: генезис и современное состояние»** (с. 56-81) посвящен рассмотрению природы данного негативного явления. Изучение гносеологического понимания ошибок познания и юридической сущности термина, разграничение содержания понятий «экспертная ошибка» и «заведомо ложное заключение» позволили диссертанту представить усовершенствованную классификацию видового разнообразия экспертных ошибок. Нами разделяется утверждение о том, что процессуальные экспертные ошибки часто становятся следствием ошибок правоприменителя и связаны с назначением судебной экспертизы и оценкой ее результатов. Предлагаемое автором группирование экспертных ошибок как объективных явлений экспертной практики и ошибок, детерминированных субъективными качествами личности эксперта, заслуживает одобрения. Следует согласиться с тем, что в настоящий момент действительно недооценивается значимость результатов проверки наличия у эксперта способности объективно воспринимать действительность и проводить исследования (дефекты органов чувств, логические дефекты умозаключений, характерологические свойства личности эксперта и т.д.).

Интересен подход автора к способам обнаружения и профилактики экспертных ошибок. Он предусматривает механизм всестороннего изучения как самого хода экспертного исследования с оценкой примененных методик и технологий, так и личности субъекта экспертной деятельности, которое должно осуществляться не только представителями экспертного сообщества, но и другими участниками судопроизводства.

Третий параграф **«Причины и предпосылки появления новых экспертных ошибок в условиях цифровизации»** (с. 81-93) раскрывает корреляционные взаимосвязи ошибок, возникающих в процессе судебно-экспертной деятельности в отношении цифровых объектов, с используемым техническим инструментарием, а также отставанием научного обеспечения рассматриваемой деятельности от потребностей практики. Автор продолжает развивать идею о возможности исключения экспертных ошибок в рамках двусторонней инициативы, которая должна исходить как от следователя (суда), так и от эксперта.

Соискатель настаивает на необходимости наличия у эксперта, осуществляющего исследования традиционных объектов, представленных в цифровой форме, соответствующих специальных знаний в области судебной компьютерно-технической экспертизы: простого обладания им базовыми навыками пользователя персонального компьютера недостаточно. Данная позиция объясняется тем, что, по мнению автора, конечная цель

деятельности эксперта по установлению параметров и свойств файла отличается от той цели, которую ставит перед собой обычный пользователь. С точки зрения соискателя, эксперт использует данную информацию не опосредованно, а во взаимосвязи с другими признаками объекта, которые позволяют сформулировать какой-либо вывод. Стоит поддержать и позицию диссертанта о том, что исследование цифровых свойств файла так же важно, как и изучение «типичных» для объекта признаков, в обоих случаях необходимо наличие специальных знаний в соответствующих областях. В связи с этим предложения автора, связанные с необходимостью повышения квалификации судебных экспертов, осуществляющих исследование цифровых объектов, весьма актуальны.

Вторая глава **«Типичные ошибки при проведении различных видов экспертиз новых объектов: современные возможности прогнозирования и профилактики»** включает в себя два параграфа, последовательно раскрывающих существующие в экспертной и следственной практике виды ошибок и упреждающие пути их устранения.

В первом параграфе **«Процессуальные ошибки судебных экспертиз объектов в цифровой форме»** (с. 94-146) автор исследует возможность применения для подтверждения достоверности цифровых объектов хеш-суммы файла – вещественного доказательства. Подчеркивается, что контрольная хеш-сумма файла является его идентификатором, однако данный показатель не являющийся свидетельством оригинальности следа. Вместе с тем отмечается, что в рамках экспертного исследования хеш-сумма лишь подтверждает получение в распоряжение эксперта того объекта, который был изъят в ходе следственных действий. Изучение автором результатов анкетирования сотрудников следственных подразделений позволило констатировать, что большинство респондентов не в полной мере понимают сущность хеш-суммы, не знают процедуры ее получения и не видят целесообразности ее использования, что в совокупности нивелирует значимость данного качественно-количественного показателя.

В подтверждение необходимости хеширования данных цифровых объектов автором достаточно подробно рассмотрены отечественная и зарубежная экспертная практика и ее нормативно-техническая регламентация, демонстрирующая целесообразность оперирования рассматриваемым индивидуальным свойством, устраняющим сомнения в доказательственном значении цифрового следа.

Заслуживают одобрения составные элементы предлагаемой диссертантом инструкции, содержащей правила и процедуру изъятия и фиксации цифровых доказательств и следов в ходе следственных действий. Это значимый методический материал, потенциально пригодный для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов.

Рассмотрение особенностей процедуры изъятия цифровых объектов в ходе производства следственных действий позволило автору не только

сформулировать требования к самому процессу собирания цифровых объектов, но и подчеркнуть значимость индивидуализации требований к их упаковке и специфике назначения экспертного исследования. Указание на то, что при исследовании объектов, являющихся цифровыми следами, судебный эксперт должен представлять себе технологии изъятия рассматриваемой криминалистически значимой информации, уметь оценивать легитимность, пригодность и достаточность этих объектов для проведения судебной экспертизы и получения обоснованного вывода, является полностью обоснованным.

Обобщенный анализ экспертной и следственной практики обеспечил определение наиболее характерных процессуальных ошибок, допускаемых как экспертами, так и следователями, а также позволил автору предложить профилактические меры для их предотвращения посредством расширения рабочих программ, используемых в процессе обучения будущих правоприменителей и судебных экспертов, а также повышения квалификации действующих сотрудников.

Во втором параграфе **«Гносеологические и операционные ошибки судебных экспертиз объектов в цифровой форме»** (с. 146-188) анализируются пути нахождения разумного баланса судебно-экспертной деятельности. С одной стороны, она предусматривает неукоснительное соблюдение методологических приемов работы с объектами исследования, а с другой – сталкивается с невозможностью использования традиционных технологий при исследовании цифровых объектов.

Применение в процессе исследования новых объектов методик, схожих с прообразами изучаемого материала, а также сторонних, не верифицированных и малоизвестных в экспертном сообществе программ и методов чревато неправильной интерпретацией получаемых данных, нивелированием возможных погрешностей и высокой вероятностью совершения экспертной ошибки. Автор справедливо подчеркивает, что ситуация усугубляется особенностями высокодинамичной технической и операционной среды быстро развивающихся технологий, а также возрастанием использования цифровых инструментов в преступных целях и всё большим распространением цифровых инструментов, используемых при осуществлении преступной деятельности. Частичное решение указанной проблемы соискатель видит в создании примерного перечня базовых цифровых инструментов, которые уже имеются в свободном доступе и в составе программного обеспечения большинства компьютеров, для работы с цифровыми объектами. Изучение автором результатов анкетирования представителей экспертного сообщества, а также материалов зарубежной и отечественной практики, касающихся вопросов функционирования специальных платформ, реестра программ для работы с цифровыми доказательствами, показало целесообразность их создания при соблюдении строгих правил систематизации, что потенциально обеспечит минимизацию совершаемых экспертных ошибок. Данный вывод

послужил основанием для разработки автором примерного перечня программ, которыми могут пользоваться эксперты при необходимости исследования цифровых следов. При этом отмечается, что в силу постоянного обновления программного обеспечения и появления новых объектов исследования перечень не является окончательным и закрытым, подразумевается целесообразность его систематической актуализации.

Особое внимание в параграфе уделено использованию в процессе экспертного исследования технологий искусственного интеллекта и нейросетей, которыми пополняется инструментарий различных судебно-экспертных учреждений. Соискатель указывает на то, что наряду с очевидными плюсами использования данных средств обработки исходных данных и последующего поиска по заданным параметрам конкретных аналогов, расширяющих возможности судебной экспертизы, существует реальная угроза переоценки значимости и достоверности полученных результатов, подмены собственного экспертного исследования исключительно результатами работы нейросетевых технологий и искусственного интеллекта.

В качестве профилактической меры, способной значительно снизить уровень совершения экспертами ошибок при использовании современных технологий, предлагается разработать в рамках риск-менеджмента экспертных лабораторий направление по изучению рисков при использовании искусственного интеллекта в процессе экспертных исследований.

В завершающей части параграфа сформированы перечни основных видов следственных и экспертных ошибок, возникновение которых, по мнению автора, в большинстве случаев обусловлено недостатком знаний и навыков в области работы с цифровыми следами. Представлены предложения, касающиеся мер профилактики, реализация которых должна положительно повлиять на исправление существующей ситуации.

В **заключении** (с. 189-194) приводятся выводы и предложения, сформулированные по результатам работы, которые определяют ее новизну, а также теоретическую и практическую значимость.

В **приложениях** представлены материалы, иллюстрирующие результаты анкетирования сотрудников следственных и судебных органов, государственных, негосударственных и частных судебных экспертов по вопросам, связанным с производством судебных экспертиз цифровых следов. Кроме того, здесь содержатся: авторский макет рабочей программы для следователей, призванный обеспечить приобретение знаний и навыков, необходимых для расследования преступлений в цифровой среде; перечень программ для исследования цифровых объектов; правила изъятия и фиксации цифровых следов в ходе следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Диссертация написана хорошим литературным языком, оформлена в соответствии с установленными требованиями, материал изложен логично.

Вместе с тем, несмотря на несомненные достоинства диссертационного исследования, отметим, что представленная работа, как и любой научный труд, содержит ряд дискуссионных положений, которые нуждаются в дополнительном пояснении.

В частности:

1. В первом положении, выносимом на защиту, автор предлагает использовать как в экспертной, так и в судебно-следственной практике термин «цифровой объект», однако содержание соответствующего понятия сформулировано узко. Он рассматривается лишь в качестве объекта судебно-экспертного исследования, что не позволяет применять понятие цифрового объекта в процессе производства иных видов судебно-следственных действий, не связанных с судебно-экспертной деятельностью.

По мнению рецензента, справедливое утверждение соискателя о двойственной природе цифровых объектов (цифрового следа и материального носителя) целесообразно учитывать при реализации любых действий с рассматриваемой следовой информацией.

2. В четвертом положении, выносимом на защиту, соискатель указывает на необходимость разработки и обсуждения на заседании Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации «Правил изъятия и фиксации цифровых следов в ходе следственных и оперативно-розыскных действий» (их авторский вариант представлен в приложении № 7).

Между тем в седьмом положении, выносимом на защиту, в качестве мер профилактики ошибок следователям предлагается использовать иной документ, а именно инструкцию по работе с цифровыми следами. Не в полной мере понятно один ли это источник и можно ли интегрировать предлагаемые инструкции в деятельность правоохранительных органов прежде, чем они будут официально рассмотрены и приняты.

3. В седьмом положении, выносимом на защиту, автор предлагает следственным подразделениям использовать в практической деятельности «рабочую программу учебной дисциплины, направленную на приобретение необходимых знаний о цифровых следах, потенциальных ошибках и их предотвращении». Не совсем понятен механизм внедрения рабочих программ в деятельность правоохранительных органов, это больше подходит для образовательных организаций, осуществляющих обучение и повышение квалификации.

4. На с. 95 автор утверждает, что контрольная хеш-сумма файла является подтверждением получения экспертом того объекта, который был изъят в ходе следственных действий. Соглашаясь с необходимостью установления достоверности не только носителя цифровой информации, но и его содержания, хотелось бы уточнить, какие эмпирические исследования были проведены соискателем для подтверждения объективной возможности использования хеш-суммы в качестве идентификатора. Автор отмечает, что идея «не является новой, она была предложена еще в начале 2000-х

годов». С учетом этого следовало бы уточнить, проводились ли эксперименты с разными видами программного обеспечения, форматами представления данных, а также изучение возможностей «подстраивания» трансформированных файлов под нужные, первичные суммы. Представляется целесообразным, чтобы в рамках публичной защиты автор дал пояснения по этому поводу.

Указанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают научной ценности проведенного исследования. Они отражают естественный процесс развития научной мысли, могут стать основой для дальнейших изысканий в данной области и ни в коей мере не влияют на положительную оценку диссертации.

Диссертация Шихалиевой Сельджан Заур кызы на тему «Судебные экспертизы объектов в цифровой форме: прогнозирование и профилактика экспертных ошибок» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится

решение научной задачи, имеющей значение для уголовно-правовой науки в целом, криминалистики и судебной экспертологии в частности. Работа представляет собой актуальное, самостоятельное, завершённое научное исследование, основанное на репрезентативной эмпирической базе, что обеспечивает достоверность и обоснованность выводов и предложений, обладающих научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Содержание автореферата соответствует представленной диссертации.

Диссертация в полной мере соответствует критериям, установленным п.п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор – Шихалиева Сельджан Заур кызы – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. ■

© Дронова О.Б., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дронова О.Б. Отзыв официального оппонента на диссертацию Сельджан Заур кызы Шихалиевой «Судебные экспертизы объектов в цифровой форме: прогнозирование и профилактика экспертных ошибок» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 159-164.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 2 (84)
2026

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 01.06.2026. Подписано в печать - 29.06.2026. Дата выхода в свет - 30.06.2026.
Формат 60х90 1/8. Объем - 20,75 у.п.л. Заказ № 501. Тираж - 50 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

